

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 12

Независимое Издательство

Аннотация

«Как только в вашем сознании возникает одна мысль сомнения, земля становится преградой для вас. Как только в вашем сознании возникает одна гневная мысль, огонь начинает обжигать вас. Как только в вашем сознании возникает одна радостная мысль, ветер начинает дуть на вас..» (С)

Мысли - это неотъемлемая часть нашей жизни, мысль руководит нашим сознанием. В сборнике «Сокровенные мысли» мы собрали авторов, прозы которых заставят каждого из Вас глубоко окунуться в мир непостижимого, которым мы окружены.

ISBN: 978-0-359-56185-8

УДК: 1751

Итоги конкурса

Среди авторов данного сборника проходил конкурс на лучшие произведения. Издательство искренне выражает благодарность всем авторам, принявшим участие в данном сборнике. Это было нелегко, но редакционным советом издательства выделено трое победителей. Контакты всех наших авторов представлены в конце данного сборника.

1 место: Александр Щербаков-Ижевский

Дополнительная информация от первого лица:

Александр Иванович Щербаков (Александр Щербаков-Ижевский) – титулованный писатель-баталист член Союза журналистов России, Российского союза писателей.

<https://www.proza.ru/avtor/oteziegovoina>

Писатель является инициатором, создателем и главным организатором Международного литературного конкурса Александра Щербакова-Ижевского. Российский союз писателей за вклад в развитие русской культуры и словесности по достоинству оценил литературный труд писателя. Автор представлен:

- пятикратным номинантом национальной литературной премии «Писатель года»;

- многократным номинантом общероссийской премии «Георгиевская лента»;

- неоднократно претендентом на статусную литературную премию «Наследие», учреждённую Императорским Домом Романовых, с подтверждённым репутационным брендом «номинант» Канцелярией Её Императорского Высочества Государыни Великой Княгини Марии Владимировны;

- кандидатом на премию в номинации «Писатель года. Фантастика»;

- номинантом национальной литературной премии имени Сергея Есенина "Русь моя";

- в партнестве с Бюро ЮНЕСКО под эгидой Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям РФ стал обладателем почётного статуса «Победитель-финалист национальной литературной премии «Писатель года»;

- соискателем на уникальную Пушкинскую премию.

Александр Щербаков-Ижевский является:

- неоднократным номинантом Международного литературного конкурса имени Бианки;
- кандидатом на получение престижной литературной денежной премии имени Чехова, под протекторатом Государственной Думы РФ;
- номинантом Международной литературной премии литературного института им. А.М. Горького «Антоновка. 40+»;
- номинантом литературного конкурса «Шаги за спиной» (хоррор, мистика, готика);
- претендентом на соискание титула литературного конкурса имени Константина Симонова;
- финалистом и призёром в 2017 и 2018 годах в военно-патриотическом конкурсе «Герои Великой Победы» под патронажем Министерства просвещения, Министерства культуры, Министерства обороны Российской Федерации;
- победителем Всероссийского конкурса «Культурная мозаика малых городов и сёл»;
- победителем литературного конкурса современных прозаиков Независимого Издательства "Первая Книга". Опубликован в сборниках прозы «Сокровенные мысли» Выпуск 8, Выпуск 12.

Произведения писателя Александра Ивановича Щербакова-Ижевского:

- опубликовали во всероссийских альманахах «Российский союз писателей. Проза 2017», «Российский союз писателей. Проза 2018»;
- издали в сборниках современных писателей Международного Независимого Издательства «Первая Книга» с выводом произведений на всемирные электронные книжные библиотечные рынки Amazon.com, Azon.ru, Books.ru и др.
- МИЛЛИОН В ГОД общее количество прочтений на литературном портале ПРОЗА.РУ в персональной библиотеке, где записано 35 тысяч уникальных подписчиков;
- включили в состав участников привилегированного книжного издания "Антология русской прозы 2018". Том 2;
- ввели в состав «Каталога современной литературы России» 31-й Московской международной книжной выставки-ярмарки (ММКВЯ) на ВДНХ;
- ДЕСЯТЬ МИЛЛИОНОВ РАЗ за год прочитали в интернете.

2 место: Анна Логинова Трушкова

Дополнительная информация от первого лица:

В 1973 году я окончила педагогический институт в городе Ульяновске (ныне это Ульяновский педагогический университет), физико-математический факультет, и с этого времени началась моя педагогическая деятельность. Сначала была школа в Бухарской области, затем в Ульяновске, на космодроме Плесецк Архангельской области, и наконец, в Санкт-Петербурге. Мне повезло, что на протяжении всего жизненного пути рядом со мной были замечательные ученики, жаждущие знаний, их родители, с которыми я до сих пор общаюсь, и мои верные друзья. Я бесконечно благодарна своему школьному учителю литературы Галине Алексеевне Веденской, которая передала нам, своим ученикам, любовь к своему предмету, за ее незабываемые уроки; своему школьному другу за то, что он пробудил во мне желание открыть себя в новом качестве. Благодарю Первую Книгу за предоставленную возможность поделиться моими сокровенными мыслями.

3 место: Светлана Хрони

Дополнительная информация от первого лица:

Светлана Хрони – мой творческий псевдоним. Я много лет работаю врачом. И вдруг сделала удивительный вывод : « Многие люди умирают не от болезней, а от скуки и одиночества».

Я решила написать рассказы для того человека, кто попал в скучную ситуацию, и рядом нет хорошего собеседника.

Мои короткие истории расскажут Вам о жизни, которая меня окружает, о том, как найти своё счастье и свою землю обетованную. Пусть лишь несколько минут Вам будет весело и интересно. Но может эти мгновенья спасут чью-то жизнь.

Содержание

Александр Щербаков-Ижевский	7
Анна Логинова Трушкова	21
Светлана Хрони	23
Александр Лихолетов	36
Тверитинов Алексей	42
Лебедев Валерий	49
Галина Вольская	55
Аполлонова	63
Плотников Игорь	69
Маликова Эльвира	71
DZUDZO	74
Назарова Светлана	81
Горбунов Павел	91
Павел Ломовцев (Волхов)	96
Anastasia_Stark_	127
Спирьянов Олег	133
Татьяна Пилипенко	135
Тельминова Дарья	142
Bhola from Goa	145
Lelia Fishe	147
Контактная информация авторов	149

Александр Шербаков-Ижевский

Кукушка и забытый колосок

**Курляндия (Прибалтика) возле Балтийского моря.
Конец мая 1945 года.**

Раннее утро. День только просыпался, а светило уже вовсю начинало жарить со спины под лопатками. Сапоги были сырыми от обильной росы, ладони ощущали прохладу начинающегося чистого будня, а влажная гимнастёрка на плечах уже парила от пота. Солнечный свет становился для нас радостью. Он был щедр к оживающей земле и огромен. Даже мешал видеть, ослепляя пространство в округе, заставляя до узких щелок прищуривать глаза. Чистое, жаркое свечение яркой, животворящей звезды озаряло божий мир и обливало золотыми лучами органическое естество, где каждый стремился получить большую пайку. Природа, ставленники божьи только начинали пробуждаться, радоваться новому времени, прекрасному мирному дню под лучезарным небом. Всё ликovalo и сияло от предвкушения жизни. Птицы небесные, живность лесная, твари земноводные, люди праздновали начало дня и наслаждались новой вехой в своей жизни.

По направлению движения, на западе, находилось фашистское логово – Берлин. Но до него было неслыханно далеко, больше тыщи вёрст. А мы шли в штаб полка, что был от нас в паре километров. Вчера под вечер, вручая пакет, вестовой подмигнул и по секрету сообщил, что нас ждёт приятный сюрприз. При этом похлопал растопыренной пятернёй по своей груди. Весело звякнула парочка его медалей. Умел, умел прихвастнуть, шельма.

Старшие офицеры просто так не приглашают, этот постулат мы давно усвоили. Только на взбучку, или на «вздрючку». Нерегулярно, но случались и другие поводы. В любом случае, вид мы должны были иметь соответствующий победоносному настроению, праздничный. Тем более что для младшего офицера прибытие с докладом к командиру являлось честью. Белые подворотнички, затянутая портупья, блеск на сапогах, радость в глазах, здоровье в молодом теле. Что ещё боевому офицеру для полного счастья надобно? Никак было не спрятать улыбку на лице. Глаза светились благолепием и торжеством. В душе поселились беспечалие, неоглядное ликование. Налицо праздничное настроение. Я это на себе чувствовал. Распрекрасной благодати ощущалось настолько много, что со всем миром готов поделиться малиновым обилием.

Вспомнился рай отчего дома. Ждёт не дожждётся родня сынков своих любимых. Однако не стоило расстраиваться, дембель был на носу,

не за горами дальняя поездка до милого сердцу края. В такт церемониальному ликованию сердца в лесу было потрясающе хорошо. Не только пуща, а солнце, голубое весеннее небо, облака на нём, деревья, трава, да что там говорить, вся природа и весь мир улыбались только в сторону торжествующих победителей. Казалось, что птицы поют по-особому в нашу честь. Даже деревья под ласковыми порывами ветра нагибаются и наклоняют свои нарядные, зелёные веточки не так, как вчера, с учтивым благоговением к победоносным триумфаторам.

В душе присутствовало чудесное волшебство дивного мироздания, ощущение полёта. На израненной и залитой кровью земле всё существо наполняло упоение божественным предназначением. Как никогда захлёстывало блаженство реально осязаемой жизни. Настроение было ни с чем несравнимым, великолепным. Блистательные, искристые, яркие-преяркие чувства высшей радости до краёв наполняли ореол счастливого стечения обстоятельств. Присутствовало состояние полнейшей удовлетворённости жизнью. Хотелось только одного, чтобы это воздушное, хрупкое благополучие и везение не покидало никогда. В душе поселилась незыблемая уверенность, что жить предстояло вечно и весь мир принадлежал только нам. Лишь бы не оступиться и случайно не сделать неловкий шаг в сторону. Не сорваться бы в роковой штопор мерцающей бездны, которая может стать для нас блаженной вечностью.

Между прочим, взводный, Эдуард Лиханов, был очень умным парнем. Русоголовый, с зелёными большими глазами, он даже немножко «шпрехал» на немецком. Правда, иногда заглядывал в словарь. Его призвали с третьего курса Уральского политехнического института. Молодой человек особо не заморачивался по этому поводу, понимая, что, когда закончится война, он, уважаемый фронтовик, с лёгкостью доучится в гражданском вузе. Вне всяких сомнений, по окончании учебного заведения станет уже не каким-то там бухгалтером-счетоводом, как до войны, а настоящим инженером-экономистом. По этому поводу много не рассусоливал. Как никто, лейтенант был твёрдо настроен в отношении завтрашнего дня и благоприятном исходе фронтовой службы. Убеждённость в собственных силах помогала решительно побеждать предрассудки и суеверия.

Лиханов был хорошим офицером: дисциплинированным, с великолепной харизмой, целеустремлённым. В конце концов, жизнелюбие измерялось не степенью его уверенности в себе, а числом людей, которые поверили своему непосредственному начальнику. По всему получалось, что военную жизнь он выстраивал в правильном направлении, согласно уставу. Однако не забывал подчёркивать

Александр Щербаков – Ижевский «Кукушка и забытый колосок»

неопределённость солдатской судьбы в реальном положении фронтовых дел. Всему своё время. Ну что ж, поживём-увидим. Каждому своё.

На личном фронте у Эдички тоже всё было хорошо. Папаша, профессор, хозяйничал в том же институте. Мамаша была какой-то важной шишкой от наркомата по месту жительства. Ну и невеста не хухры-мухры «божий одуванчик», а училка немецкого языка в средней школе. Короче говоря, его домашняя жизнь была прямой завистью для обыкновенного солдата. Но Эдик не кобенился и не важничал. Своё гражданское счастье объяснял очень просто, чтобы любой дурной голове было доходчиво и понятно:

– Всё, что есть из завоеваний в личной персоне, – это достояние. Чуть-чуть торжества в житейских победах просто не случается. Радость от успешных поступательных шагов вперёд бывает либо обязательным атрибутом, либо её нет вовсе. Человеческий победоносный триумф, и мой в том числе, нельзя купить или продать. Его не получится разделить по частям. Это персональное владение, индивидуальная вершина мира. Судьбоносные результаты можно только приумножать (например, детьми) или разрушить до основания в связи со смертью. Но, в любом случае, на веки вечные это мои самые дорогие, сокровенные приобретения.

Мои достижения и победы находятся в индивидуальном распоряжении. Любому человеку просто необходимо быть владельцем результативных завоеваний или придётся остаться с «носом», прослыть неумехой и «профанерить» мимо голубую птицу удачи. Проще говоря, удел лузеров – «нюхать кукиш», любезно показанный счастливыми судьбы. Не сомневайтесь, у невезунчиков после разочарования в душе останется пустота. Перенести такое испытание непросто – потребуется каменное сердце, чтобы не чувствовать боль, обиду, безысходную утрату веры в свои возможности.

Не каждому дано расписываться по такому поводу. Бессильные, неудачливые, с пораженческой харизмой, люди не могут быть вершителями своих судеб. Они всего лишь расходный материал, и неважно где: на поле боя, у мартеновской печи, на полевом стане. Сожаление, оголтелая зависть, страдания по несбыточным результатам – неотъемлемая и неизбежная часть их существования. Слабый духом человек всегда был марионеткой в чужих руках. Жестокое правило жизни: если не попытаешься понять непреложную истину причин своих неудач, смиришься с отрицательными последствиями начинаний, то никогда не познаешь в своей судьбе радость великих свершений. При таких раскладах на войне прямая дорога в «пушечное мясо», без вариантов не выжить.

Хотя... Хотя и «на старуху бывает проруха». Я о факторе случайного выбора в судьбе человека. Неважно, какой ты отроду: рыжий или лысый, толстый или хромой, больной или весёлый. Здесь кому как повезёт, никаких гарантий. Будьте терпеливы, не завидуйте счастливым на сегодняшний день. Судьба-товарка каждого разведёт по углам, укажет на место под солнцем. Или отвернётся. Спишет со счетов за ненадобностью. Не дай бог такого стечения обстоятельств.

Обычно на несвойственных для войны метаморфозах все вопросы заканчивались. А особо страдающим любопытством показывалась смачная фига. Однополчане с расспросами о личной жизни к Эдику больше не приставали. Предпочитали над сказанным «покумекать» индивидуально. У каждого было своих проблем «выше крыши» и дел не впропорот.

Другое дело – солдатская служба. Здесь всё гораздо сложнее. Не так-то просто ладить и «наводить мосты» с самыми «разномастными» личностями, объединёнными по принципу «занавешенных глаз» и «закрытых ушей». Во взводе лейтенанта Лиханова были собраны люди всяких возрастов, конфессий, социального статуса и даже парочка тягловых лошадей.

Особые хлопоты доставлял Максимка Данилов. Парень был «оторви да выбрось» – бывший беспризорник из Сардана, что под Можгой в Удмуртии. По всему было видно, что на гражданке он верховодил местной шпаной. Вокруг бойца Данилова всегда происходили какие-либо происшествия. Он, как пуп земли, притягивал на свою голову приключения.

Однажды на марше пьяный комполка, восседавший на чёрном, лоснящемся от сытости штабном коне, сделал солдатам замечание, что те идут на марше уныло, без искорки в глазах, без положенной по случаю песни.

– Не всё бойцу праздник! Сыромаяжная правда от народа начальству всегда глаза колет. И вообще, кто не пьёт, тот Родину никогда не продаёт, – лихо выкрикнул из строя Максимка.

Охрана полковника постаралась произвести шмон в рядах красноармейцев. Но быстро не получилось, а молодого солдата у узурпатору от командной власти никто не выдал. В свою очередь политрук сделал вид, что выходка красноармейца его лично не касается и угрозу родине не представляет.

Всю оставшуюся дорогу Максимка оправдывался:

– А чё! Я не чё! Я правду сказал. Истина в глаза укоряет полкаша. Ну, не чё, дембельнётся офицерик на гражданку, я его там быстро заставлю по-нашему родину любить. Правда, за его счёт. Алкаш хренов.

Александр Щербаков – Ижевский «Кукушка и забытый колосок»

Солдатам прикольные шутки-дрючки от удалого, развесёлого бойца очень даже нравились. Многие служивые хохотали от души, а некоторые аж до упаду. Пока сыр да бор и время на марше проходило незаметно. Длинная фронтовая дорога вдвойне короче казалась, тем более что солдатский жизнедеятельный тонус следовал в семитысячную гору. В таких случаях «советский воин был похвалы достоин». Должны знать, что закон солдата – держаться молодцевато.

В другой раз под видом помощи служивым, застрявшим на островке, посреди болота, солдат Данилов ложка по ложке собрал с однополчан приличный жбан каши – овсяной «шрапнели». Затем, водрузив походный термос на спину, исчез на полдня в неизвестном направлении. Проще говоря, «срулил» в самоволку. Когда вернулся до месторасположения части, как ни в чём не бывало сразу прошёл к землянке комбата. Пошущукался там о чём-то с часовыми и нырнул за полог плащ-палатки, закрывавшей земляной проём блиндажа начальства. Через некоторое время из «норы» послышались восторженные крики и безудержный смех. Все с нетерпением ждали, когда баламут объявится в расположении роты, и сгорали от любопытства.

Наконец Максимка появился. Солдаты тотчас окружили пропащего искателя приключений. Угорающие от любопытства сослуживцы, немедленно содрали с плеч походную бадью. Когда термос открыли, страждущие подарка бойцы учуяли обворожительный и терпкий аромат перебродившего домашнего яблочного креплёного вина последнего урожая.

Оказывается, всё произошло до неприличия просто. Собрав кашу в металлическую бадью, Максим ушёл на соседний хутор до бюргеров. Там между делом показал местной фрау кухонный ножик. А чтобы побыстрее загнать фермершу в ступор, подрезал себе кожуцу на запястье. Когда закапала молодецкая, но дурная алая кровь, парень ткнул окровавленной рукой в лицо домохозяйке. Естественно, состоятельная, изнеженная мирной жизнью хуторянка закатила глазки. Улучив нужный момент наглец обязал готовенького «клиента» налить полную флягу «самопального» яблочного вина «Apfelwain». Мадам тоже стоило пожалеть. Чтобы сильно не расстраивалась и, не дай бог, не пожаловалась местному коменданту, для домочадцев мещанского поселения русский солдат оставил на расстеленной скатерти кухонного стола гору солдатской каши.

– Кушайте на здоровье, фрау дорогая. Bitte... Bitte... Bitte...

А что, бартер, в их понимании, случился. Обмен. Продукт на продукт. И, главное, всё по-честному: мирно, добровольно и при

обоюдовыгодном согласии. Волеизъявление налицо, по закону. Так что даже при желании не придерёшься.

На своей позиции взвода хитрец, в первую очередь, угостил комбата, «пахана», по-детдомовски. Святое дело, чтобы начальник не наезжал от зависти. Майор всё равно о солдатской пьянке узнает. А что касается меня, ротного, так он через мою голову перепрыгнул, задружившись с более высоким начальством. Да я и не пошёл бы против батарейцев. Приняв «на грудь», они хоть временно, но всё равно какую-никакую радость испытают. Рутинную боевую жизнь мгновением удовольствия разбавят. Кстати говоря, самому тоже хотелось испробовать божественный напиток. От нетерпения аж под ложечкой засосало.

Случались в жизни оголтелого пацана и героические вещи. Где-то под Юрмалой в скоротечном бою рота захватила небольшой хутор, на арийском изъяснении – фермерское хозяйство. Бойцы решили малость передохнуть. Расположились. Максимка как всегда отрабатывал внеочередной наряд на растопке котлов полевой кухни. Пока все отдыхали, штрафник помогал готовить обед для красноармейцев.

Немчура отошла недалеко за овражек и временами постреливала оттуда, мешая солдатам выполнять обычные нехитрые процедуры фронтового быта. В это время из-за пригорка вывалил немецкий танк Т-4, двигавшийся в сторону хозяйства. Броневая разведка. Как назло, однопольчане разбрелись по округе, и Максимка остался один на один со стальным чудовищем. Из оружия у него были мосинка, ножовка да топор. Пришлось ему без оглядки ретироваться в близлежащие кусты.

Танк, подъехав к расставленным кастрюлям и рассыпанной впопыхах картошке, остановился. Экипаж из любопытства стал выглядывать из верхнего люка. В этот момент сорви-голова выскочил из-за чапыжника и с дикими криками бросился к танку. Гансы немедленно укрылись за бронёй, а смелый воин запрыгнул на моторный отсек. Вражеские танкисты в смотровые щели видели только в ограниченном обзоре, поэтому немедля открыли беспорядочный пулемётный огонь по округе. Однако храбрец перебрался на лобовую броню и ударами топора согнул горячий ствол пулемёта, а затем, сняв гимнастёрку, нательную рубаху, закрыл смотровые щели. Далее храбрец начал бесстрашно стучать обухом по броне, при вандальной экзекуции громогласно отдавал приказы красноармейцам, которых рядом отродясь не наблюдалось. Экипаж танка ослеп.

К тому времени немчура тоже героизмом не отличалась. Война катилась к закономерному финалу, кто станет победителем, а кто – проигравшим, всем было известно. Фрицы высунули в верхний люк привязанный к стрелковому шомполу, белый, но замызганный соплями

Александр Щербаков – Ижевский «Кукушка и забытый колосок»

носовой платок. Танкисты сдались. Максимка под прицелом трёхлинейки заставил их связать друг другу руки. Когда подоспели красноармейцы, увидели стоявший на коленях пленённый экипаж немецкого панцера.

Неординарное событие прогремело на всю стрелковую дивизию. В роту приезжал корреспондент из газеты «Победа будет за нами!». Максимку долго фотографировали. Для большого форса кто-то из разведчиков одолжил герою свой ППШ, чтобы на фото выглядел красиво. Комбат подписал документы и отправил бумаги в штаб полка для утверждения, с целью награждения отличившегося воина боевой медалью «За отвагу».

Однако молодой солдат Данилов никак не хотел воспринимать фронтовой уклад жизни. По поводу перевоспитания бедового, шустрого и беспокойного черпака-рядового ротный политрук обязал взводного проводить «курс молодого бойца». И пошло-поехало у двух совершенно разных человеческих ипостасей: молодого интеллигентного офицера и «оторви ухо-глаз» бывшего детдомовца.

Взводный раз за разом «пудрил» естество проштрафившегося парня. Добросовестный младший командир до тошноты заставлял перечитывать устав РККА, на словах с любовью подтверждать искреннюю любовь к великой партии и лично к её вождю, товарищу Сталину. Ещё заставлял учить наизусть гимн Советского Союза. Под конец занятия в приказном порядке обязывал, встав во фронт, громогласно петь, глядя на лазурный небосвод и затуманившуюся перспективу. Все мозги вынес. Аспид.

В конце концов, «антагонизирующие» личности так прониклись правильными военными постулатами, идеями марксизма-ленинизма, что взаимно потихоньку-помаленьку стали ненавидеть один другого. Зубами скрипели от возмущения, завидев противную сторону. Со своими обновлёнными идейными знаниями им обоим стало тесновато на территории части — ограниченном батарейном пространстве. Поэтому младший по званию с удовольствием бегал в лес за дровами для полевой кухни, пилил и колол древесину на подворье хозвзвода. А младший командир в охотку выполнял поручения вышестоящего начальства.

Вот и сейчас Эдуард с лёгкостью наматывал расстояния извилистой полевой дорожки, что вела до штаба полка.

Орошённая прибалтийской влагой, походная стёжка-дорожка, по которой предстояло идти, неожиданно стала сырой и скользкой. Извилистая тропинка внезапно нырнула в глубокие канавы, оставленные накануне колёсами полковых тягачей. Мы очутились на краю громадной живописной поляны. Взору открылся многовековой, высоченный сосновый бор, обступивший вытянутую луговину со всех сторон. В лицо

Александр Щербаков – Ижевский «Кукушка и забытый колосок»

пахнуло бескрайним океаном озона. Небо закружилось от лесного аромата. Бесподобно. Сказочно.

Утро ещё начиналось, а лесное биологическое живьё уже вовсю летало, порхало и шевелилось. Неважно, как всё было в жизни до этого мгновения. Самое главное, что наше естество трепетало от красоты несусветного пейзажа. Это была, между прочим, музыка удовольствия в огромном оркестре земной вечности. Весь мир был счастлив, красив, свеж с утра, под ярким солнцем светел. Наши души тоже были одним целым с увиденным благолепием. По крайней мере: здесь и сейчас. Не дай бог выскочить своим существом из времени движения по прекрасному естеству прибалтийской пуши.

Собственно говоря, что с нами может сегодня случиться и к чему готовиться втайне на завтра? Вот же он, прекрасный мир, в котором хотелось оставаться и жить всей личной сутью. Божий свет расстился у ног. Если говорить о просветлённом блаженстве, то нирвана как раз расстилалась возле яловых сапог победителей. Нега и упоение природными образами были абсолютными. На зависть полный улёт. Эйфория изумительного счастья. Кайф.

Бах-х-х!..

Выстрел раздался неожиданно и хлётко. Словно свинцовой плёткой воздух рассёк смачный, резкий, оглушительно-раскатистый грохот. Столкновение миров. Не то слово. Шок!

Подобно грому среди ясного неба в узком коридоре лесной просеки рухнул, казалось бы, мирный небосвод. Словно ломиком по темечку, удар зычно секанул пространство, да так, что за версту было слышно. До звона в ушах. Покой утренней тишины бесцеремонно вспороли визг, надсадный скрип и стрекотание потревоженных лесных соек.

Нарядный Эдик взмахнул передо мной руками и рухнул навзничь, словно подкошенный. Обмякшее тело безвольно упало в огромную грязную колею. По фронтовой привычке, совершенно неосознанно для себя, мой организм инстинктивно дёрнулся в сторону от опасности. Я рывком прыгнул за ствол громадной сосны, стоявшей с краю тропы, рванул, метнулся от смерти. Пуля не дотянулась до моего сердца. Словно камень, свалился с плеч. Вздохнулось глубоко, но с надрывом, надсадно. Что ещё принесёт следующая секунда вечности? От удара ниже пояса, случившейся наглой пощёчины, диафрагма трепетала в теле, дыхание никак не могло войти в норму. Однако пронесло. Полегчало.

Метрах в двухстах от меня, на вершине окраинного лугового дерева, в какую-то долю секунды блеснула на восходящем солнце оптика немецкого снайпера. Позиция для стрельбы у него была отменная,

Александр Щербаков – Ижевский «Кукушка и забытый колосок»

можно даже сказать, свехубойная для двух выживших на войне ротозеев-простофилей. Но фриц-шютце то ли заснул на своей лёжке, то ли дожидался на крайняк для верности. Германец подпустил двух русских вояк практически вплотную до своей позиции. Этот выстрел для его цейсовской оптики был «на раз плюнуть». Запросто мог положить обоих. Но случилось так, как случилось. Эдик валялся в грязи. Я сидел на земле за деревом и дрожал всем телом от нервного перевозбуждения: неужели живой?

По всему получалось, что два олуха царя небесного прозевали блиц-выстрел. Расслабились, идиоты. Приторчали на войне или уже после войны – по-разному можно было назвать текущее перманентное время.

– Ну, бля-а-а-а, точно разомлели... И цена-то «расслабона» получилась страшная, возможно, даже непоправимо безысходная. Ужас какой. Смертонька в глазки заглянула, погостить пригласила. Ишь, какая хлебосольная, зараза.

Когда сердце в груди успокоилось, а звон в ушах от выстрела превратился в шелест листвы на ветру, я решился осторожно подсмотреть за краешек ствола дерева. Распластавшись на земле за непробиваемой преградой, мог себе позволить на долю секунды выглянуть.

Эдик лежал на спине, голова его находилась внутри ямы, на скате углубления со стороны снайпера. Немец его не видел. А на меня смотрели широко раскрытые испуганные глаза Эдуарда. Нас разделяла какая-то пара-тройка метров. Это всего два шага в прыжке. Два шага, и в то же время это целая вечность для того, чтобы перемахнуть в броске смертельную дистанцию. Нацепив свою пилотку на валявшуюся веточку, осторожно высунул на просвет. Тут же, без вариантов, прямым попаданием немецкой пули её откинуло в убежище под начищенные до блеска офицерские сапоги.

Тем временем Эдик умирал. Его глаза периодически затуманивались. Чувствовалось, что замыленный взгляд не видел моего присутствия поблизости. Молодые и сильные лёгкие с клокочущим шумом выталкивали изо рта алую струю пузырящейся, вязкой крови. Ротный любимец никак не хотел выпускать на волю остатки своей жизни: слабеющими руками зажимал рот и ни в коем случае не позволял ускользнуть вытекающему естеству из пробитого насквозь тела. Кажется, ему это удалось, потому что совершенно неожиданно глаза приобрели осмысленность и стали смотреть на меня. То ли показалось, то ли в действительности было так, но Эдик даже попытался улыбнуться. Правда, с долей своей вины за происшедшее, накоротке. Да и сама попытка была неестественной, очень слабой.

– Надо же... Как угораздило... Вляпаться... Не сердчай на меня... Ротный... Капитан... Иван Щербаков... Не впервой... Прорвёмся... Жить, очень хочется жить, – харкал кровью и клокотал горлом взводный.

Всё равно изо рта на грудь продолжал сочиться сквозь пальцы вязкий, тягучий ручеек крови. Вдобавок Эдуард начал икать, и красная, липкая, противная жидкость, напоминающая клейстер, стала вываливаться изо рта прерывистыми порциями. В конце концов, хлюпая, кровь с чавканьем пошла пузырями. Стало понятно, что конец Эдуарда Лиханова был неизбежен. Хотя как ещё сказать. На войне даже при тяжёлом ранении шанс выжить всегда присутствовал.

От волнения, напряжения и внутреннего самовзвода мелко дрожали руки. Дышалось прерывисто, с трудом. Мне казалось, что Эдик осуждает меня за медлительность и нерасторопность. Надо было, не откладывая, срочней не бывает, экстренно что-то предпринимать. Взводного следовало немедленно вытащить из-под огня немецкого шютце и доставить в санбат. Понятно, что промедление смерти подобно. Но в то же время, шансов проскочить живым злосчастные два-три метра у меня просто не было. Как ни крути, это был бы прыжок в объятия смерти. Снайпер уже пристрелялся. Ганс сейчас сделает поправки, учтёт порывы ветра, влажность, дистанцию и первым же выстрелом размозжит мне голову. Или прострелит насквозь сердце. Ему без разницы. Тут как карта ляжет.

В то же время присутствовал выбор. Это два прыжка «под крышку гроба», чтобы улечься на пару с Эдиком. Или, преодолев пару километров лесом, сделать круг под крону дерева, на котором примостился немецкий стрелок, прикончить его и осуществить попытку спасти тяжело раненного человека. Ещё была альтернатива: не предпринимать ничего – при третьем варианте. Дождаться темноты и, улучив момент, сбежать. Но в этом случае могло случиться ещё много, много бед. Потому как фанатик на содеянной трагедии не успокоится, поменяет своё лежбище и будет отстреливать советских офицеров поодиночке. Мерзавец. Пришлось не раздумывая выбрать второй вариант существующего драматического расклада.

Лёжа на животе, из сырого мха, листвы и шмотков застывшей грязи, выброшенной техникой к стволу моего дерева, лихорадочно слепил нечто подобное, напоминающее футбольный мяч в миниатюре. Водрузив на него свою изодранную немецкой пулей пилотку, стал осторожно выталкивать её сучком по земле среди листвы на просвет открытого места. Как только раздался грохот от выстрела, не поднимаясь, на карачках, бросился в кусты, что были в полушаге от меня. Тотчас ударил следующий дуплет. Но я был уже в чаще придорожного кустарника, а

выпущенные с опозданием пули только срезали листву далеко позади хода движения.

Спасая свою жизнь, кокетничать не приходилось. Где-то на четвереньках, где-то ползком, а где-то бегом я постарался как можно быстрее оказаться на безопасном расстоянии от немецкого стрелка.

В результате, с полтора километра без оглядки «нарезал» по лесной глухомани. Ветки нещадно и больно хлестали в лицо. От нескольких падений сильно ныли колени. Парадная гимнастёрка из трофейного сукна превратилась в сырое «покоцанное» отрепье, впрочем, как и форменное галифе. Один погон сорвался с плеча. Новые офицерские сапоги ужасно сдавили ступни ног и никак не способствовали бегу по пересечённой местности. А в глаз размашисто ударил колючий лапник ели. В результате, от пота, заливавшего лицо, соль въедалась в распухший глаз. Приходилось часто протирать веки грязными руками, но становилось только хуже. Резь ужасная, белый свет виделся сквозь пелену тумана. С непривычки в левом боку под рёбрами пульсировала жуткая боль. Дыханье сбилось и частыми, лихорадочными вздохами никак не получалось «запахать» в лёгкие достаточную для дыхательных органов порцию прозрачного, нашпигованного озоном лесного кислорода.

Выпучив один глаз, затирая грязными руками ссадину на другом, хватая воздух широко открытым ртом, я был, наверное, словно пучеглазая жаба, ловящая мух. Со стороны выглядел чудовищно. Яркое, удручающее, непостижимо кошмарное зрелище с утра парадно одетого советского офицера. Жуть.

Сделав большущий многокилометровый полукруг, с трудом «пригасил» дыхание, успокоился. Не спеша и с величайшей осторожностью стал подбираться к засадной позиции германского стрелка, но уже со стороны тыла. У фрицев тогда обычной практикой было позади лёжки шюце держать для охраны и безопасности пару человек со шмайссерами. Как ни странно, на моё счастье, немецкого убийцу никто не охранял. Засады или какой-либо другой страховки у тевтонской немчуры попросту не было.

Бесшумно подкравшись к дереву, на котором сидел ганс, членораздельно и громко скомандовал:

— Хенде хох! Ком цу мир. Шнеллер. Шнеллер!

На великое удивление, кукушкой оказалась махонькая и молоденькая белобрысая барышня: фанатично настроенная самоубийца «фолькс-штурма», иначе ополченческого формирования немцев. Вначале, ожидая побоев от победителя, разъярённая львица сжалась калачиком на земле. Не дождавшись мордобития, бошевская тварь освоилась. Прижав к груди, стиснула до обеления в кулачки холёные

Александр Щербаков – Ижевский «Кукушка и забытый колосок»

руки. Затем, поднявшись с земли, не задумываясь ни на минуту, с остервенением плюнула мне в лицо. С покрасневшим, некрасиво перекошенным лицом мерзавка разъярённо крикнула с жестоким иступлением и злобой:

– Roussische ekelhafte schwein (русская противная свинья)!

Мне-то что, победителю. Ни холодно ни жарко от тупой арийской ненависти. Пообвыклись. Одно только подумалось с ухмылкой:

– Хорошо, хорошо. Допустим, я-то пусть буду свиньёй, но ещё посмотрим, каково будет тебе, немецкой кукушке, в суровые русские морозы. Дура бешеная, зверь-баба, шёлковой станешь в лагерях на бескрайних просторах сибирского лесоповала.

Мы стояли с холёной, европейской, красивой девушкой-блондинкой на краю придорожной колеи и смотрели на умирающего советского офицера. Перед глазами лежал красивый светловолосый парень с такими же зелёными глазами, как у «либен фройндлих». Разница между молодыми людьми была лишь в том, что одурманенная нацизмом деваха всё ещё была жива, а убитый ею взводный уходил в мир иной. Передо мною воочию наблюдались убийца и её жертва.

Вся кровушка, видимо, вытекла из груди лейтенанта, а изумрудные умирающие глаза поблели. Угасли на свету, как два уголька в ненастную погоду, покрылись намыленной пеленой. Кровища свернулась и превратилась под уже неподвижным телом в кисельную массу. Эдуард буквально впаялся в алое полужидкое свернувшееся месиво, в красную омлетную взвесь. Ноги его были поджаты под себя, ладони придерживали у подбородка последние капли человеческой суспензии. Но глаза были широко открыты, хотя уже тусклые, неживые. И не понятно, какие они: то ли зелёные, то ли уже невидящие, мертвецки холодные. В любом случае, очи были пустыми и неподвижными. Стеклянными. На веки вечные мёртвыми. Жесть.

Наши взгляды с фрейлин встретились. Видимо, нечто человеческое шевельнулось в душе белокурой красавицы со смертельной и безжалостной военной профессией снайпер. Кукушка опустила голову на свою высокую грудь, обтянутую маскхалатом, затем приподняла к небу сцепленные ладошки и что-то полушёпотом произнесла. Повернувшись в мою сторону, плюнула на этот раз под ноги. В глаза снайперша больше не заглядывала. Проигравшей в «доску» ополченке было ниже достоинства высказывать слова сочувствия от произошедшей трагедии. Её омерзительная злость была ненужной и совершенно бесполезной для триумфатора. Ненависть фрейлин оказалась по случаю безразличной. Перебесится. В бараках советских новостроек живо приучат к уважению старших.

Жестокая фрау была настоящим, не знающим пощады врагом – фашистом. Но сейчас мне показалось, что кукушка совершенно искренне втайне попросила у Эдика прощения за причинённую по злему умыслу смерть. Так ли это было на самом деле, простят или не простят её на небесах, одному Всевышнему известно. Глубоко несчастная малышка. Молодая, пока ещё красивая девушка с теперь уже разрушенной и исковерканной в хлам судьбой медленно, понуро побрела по тропинке в сторону штаба полка. Свою пилотку она держала в тонюсенькой опущенной ручонке, а красивые белокурые волосы развевал тёплый игривый весенний ветерок. Вместо того, чтобы начинаться, жизнь её стремительно устремилась к финалу. Какую судьбу впереди уготовила для стрелка-шютце Святая Дева Мария? Лично мне было безразлично: собаке собачья смерть.

Весеннее солнце к вечеру расстаралось особо рьяно и палило во всю. Ещё не знойный балтийский бриз ненавязчиво трепал листочки в моих руках. Это были не отправленные полевой почтой треугольнички Эдика. Он считал излишним писать, стыдился сентиментальности. В его понимании гораздо эффективнее было бы явиться до родного дома лично: неожиданно, эффектно, красиво.

Построенный в одну шеренгу третий взвод никак не мог прийти в себя, настолько были ошарашены бойцы ужасающим известием. Никто мысли не допускал, ведь этого просто не могло приключиться с их взводным, красавцем Эдиком Лихановым. Люди не верили известию о случившейся трагедии:

– Может быть, здесь что-то не так и всё это не про него?

– Неправда. Или реально убили взводного? Ай-яй-яй... И война-то уже на исходе. Победа.

– Сучка. Что натворила, тварь фашистская.

– Пигалица какая-то руку приложила. Мерзавка.

– Сволочь немецкая. Кукушка.

– Эх, житуха... Не повезло парню... Славный малый был. Эдичка так радовался Дню Победы. Не судьба, однако...

Обескураженный черпак-рядовой Максимка Данилов смотрел на меня недоумённо широко раскрытыми глазами. Боец-сорвиголова тоже никак не мог взять в толк случившуюся драму. У него же на вечер строго настроен был назначен «курс молодого бойца». А с лейтенантом они расстались только что. Поутру Лиханов драл его, как «сидорову козу», за неряшливый вид, брошенный на землю у палатки возле мусорного ведра окурков и неуважительное отношение к старшине ротного хозяйства Ислентьеву. И не в обиду он на взводного вовсе. Однако здесь и сейчас всё было по-настоящему, горькой, но жестокой правдой.

Александр Щербаков – Ижевский «Кукушка и забытый колосок»

На могилке лейтенанта Эдика Лиханова прозвучал троекратный салют. Мы попрощались с ним и достойно проводили в последний путь на чужой сторонке всё его достояние. Одним словом, в землю зарыли субъективную индивидуальность. На красивом, подсолнечном белом свете не стало больше ни Эдика, ничего личного, а тем более не сохранилось одному ему ведомых достижений.

В свою очередь, однополчане дали клятву сражаться за Родину, за Сталина, за Победу до последнего вздоха. Как бы горько не было осознавать, на этом поставили точку. Бойцы разошлись без слёз и рыданий, обыденно. Укрепив на холмике пирамидку со звездой, намалёванной химическим карандашом, воины занялись обычными делами. Некогда было жалиться, да и некому. Давным-давно зачерствели солдатские души. Прощай, дорогой друг. Земля пухом.

Тем временем война потихонечку, неспешно и с большой неохотой катилась к своему исходу. Марсу оставалось развести по углам истории героев трагедии: Кукушку отправить в даль неведомую, а с чудовищного бранного жнивья, обгаренного реками крови, прихватить забытый колосок.

Декабрь 2016 года

Анна Логинова Трушкова

Первая педпрактика

Школа. Как просто и обыденно звучит это слово – школа. И как весело и озорно оно звучит! Школа – это смелое и беззаботное детство. Школа – это очаровательная и неповторимая юность! Память о ней не оставит нас равнодушными. Дети ловят каждое слово учителя, эмоционально реагируют на него. Однажды сказанное учителем слово врезается в сознание и сопровождает нас всю жизнь. На последнем уроке в 9 классе задала своим ученикам такой вопрос: “Какими качествами на ваш взгляд должен обладать современный учитель?” И что я услышала?.. Забота, внимание, доброта, понимание детской и юношеской души, знание своего предмета – вот, что особенно ценят ученики в любимых учителях. Времена изменились, а взаимоотношения учитель-ученик те же, что и раньше.

У каждого из нас есть свои воспоминания о школьных днях – смешные и грустные. Вот и у меня они есть: я – учитель! Меня часто просят мои, и не только мои, ученики: “Расскажите, что Вам запомнилось из школьной жизни?” Детям нравится, когда учитель говорит с ними “по душам”. Каждому ребенку хочется, чтобы его или ее помнили. В моменты откровения детские души раскрываются, слова проникают глубоко, и, кто может сказать, кто больше обогатился при этом – ребенок или учитель?

Очень хорошо помню первую свою педагогическую практику. Нас распределили по школам, и мне достался восьмой класс. В 70-е годы 8 класс был выпускной, так же, как сейчас 9-й. Надо сказать, что они были моложе меня всего на 3-4 года. Да и на фото я ничем практически не отличалась от них. Ребята, а их было большинство в классе, видели, что меня проверяет методист, и старались не подвести - отвечали дружно на мои вопросы по теме урока. Думаю, что ученики замечали мое волнение, и это нас сближало. Это уже потом, проработав много лет, я поняла, что дети любят молодых учителей из-за небольшой разницы в возрасте и легкости в общении.

Первая педпрактика отнимала много времени на подготовку к урокам – опыта никакого, а значит требовалось писать подробный конспект, заучивать вопросы, которые можно задать ученику, и вдобавок знать предполагаемые ответы – верные или ошибочные. Готовилась к урокам тщательно - надо было соблюсти методику и структуру урока, уложиться во времени по всем этапам, уделить внимание каждому ученику, при этом постараться запомнить всех по имени. Однажды после проведения очередного урока, дети столпились вокруг меня, и я не

Анна Логинова-Трушкова «Первая педпрактика»

заметила, как мой портфель с книжками и тетрадями исчез. Я стала искать его, но тщетно. Портфеля не было нигде. Тут ребята стали меня успокаивать: “Не переживайте, это Саша Б. взял Ваш портфель. Он принесет его к Вашему дому, вот увидите. Идите домой спокойно”.

- А зачем он это сделал? – спросила я.

- Он в Вас влюбился, - ответили ребята.

Я неуверенно пошла домой, а когда подошла к своему подъезду, то действительно увидела Сашу. Он стоял с моим портфелем и радостно улыбался. Так продолжалось в течение всей моей практики – он помогал мне, а я – ему. Он уже не убегал с портфелем, просто шел рядом. Мы говорили об уроках, об отношении к математике, о том, что ему непонятно.

Возможно, я забыла бы эту историю, если бы у нее не было продолжения. Прошло три года, я окончила институт, отработала по направлению год в русской школе Бухарской области. Летом приехала к своим родителям. Каникулы – прекрасное время отдыха не только учеников, но и нас, учителей. В своем родном городе я часто ездила с родителями на дачу, которая располагалась на крутом склоне реки Волги. Замечательное место отдыха! Волга очаровывает и притягивает своей величавостью, спокойные ее воды скрывают в себе неимоверную силу. Не зря называют ее “матушкой”. Еду с дачи в переполненном трамвае, кое-как нашла себе местечко у окна, чтобы не “придавили”. Мельком взглянула на людей, что толпой стояли в вагоне. В конце вагона увидела высокого красивого парня с длинными волосами (в 70-е годы это было модно), и улыбнулась - приятно смотреть на красивые лица. Неожиданно этот парень стал пробираться сквозь толпу ко мне, и я в этот момент подумала: “Вот нахал, стоило улыбнуться, он тут же пошел напролом”. Через какое-то время он действительно протиснулся ко мне сквозь толпу, и, глядя пристально в глаза, спросил: “Вы меня узнали????” Я не узнала его, но в тот миг, когда он задал мне свой вопрос, меня как будто осенило: “Да”, - неуверенно пробормотала я. На что он ответил: “А я бы Вас из тысячи узнал!!!”

Эти слова поразили меня своей откровенностью и надолго запали мне в душу. Саша стал рассказывать о себе, что уже окончил школу и поступил учиться в политехнический институт. Мы вспомнили ребят, кто учился в его классе, интересные моменты школьной жизни и мою практику. С улыбкой вспомнился эпизод с портфелем. Разговор получился непринужденным и приятным.

С той встречи прошло 45 лет. Я никогда больше его не видела, так как вышла замуж и жила в военном городке. Но на всю жизнь запомнила мальчика по имени Саша Б., ученика 8 класса, эту историю, и его слова: “А я бы Вас из тысячи узнал”.

Анна Логинова-Трушкова «Первая педпрактика»

Светлана Хрони

Живой дом

Все дома оживают, когда в них заселяются жители. Первыми поселенцами не всегда бывают люди, нередко вначале селятся собаки, коты, мыши. Дом впитывает в себя энергию новоселов, приобретает запахи и мелкие детали их присутствия. Больше всего дом реагирует на чувство любви. Любимые дома не имеют модного лоска, но они сливаются с потребностями жильцов, отражая их интересы.

Когда человек говорит, что он не любит свой дом, квартиру, это признак его нелюбви к себе. Он творец жизни, не желает потрудиться для создания дома своей мечты. Навязанные мнения мешают людям разобраться в своих идеалах. Животные в этом вопросе мудрее, мышь не станет рыть норку величиной с бочку, чтоб удивить соседей.

Работая врачом, я ходила по домам, квартирам пациентов и заметила, что любимый дом не зависит от дорогих вещей, от наличия ремонта и порядка в нем. В любимом доме живет счастье и комфорт.

Я хочу рассказать, как родился мой дом. Мы жили на съемной квартире. И вдруг появилась возможность взять землю в аренду под строительство жилого дома. Ни я, ни муж раньше дома не строили, поэтому наняли для этого строителей. Вначале заказали два строительных домика, чтоб с них создать времянку. Рабочие бойко взялись за дело: выложили камни, на них сварили металлический каркас, выставили две металлические бытовки без окон и утепления и, взяв все деньги, исчезли навсегда...

Все сочувствовали, охали, кроме полиции, та упорно не хотела искать жуликов. Результат: денег нет, дома еще нет, со съемной квартиры уже надо съезжать. Вот так мы стали строителями. Открыли умные сайты в интернете о том, как надо строить и чем. Ошибок сделали много, но наш дом был хорошим учителем. Все промахи и недоделки сразу попадались на глаза.

Стены утеплили, окна поставили, веранду пристроили, отливы сделали, воду провели, свет подключили и многое, многое еще.

Дом у нас получился компактным и уютным. Когда на улице ураганный ветер, они в селе частые гости, в нашем доме тихо и тепло. По ночам в окна заглядывают звезды и видны пролетающие спутники. Усыпая, я думаю о том, что мой рай на земле здесь. У каждого свой эдем.

Моя земля обетованная это: семья, уютный дом, молодой сад, добрые соседи.

1

А сегодня соседка нам рассказала о том, что наш дом грустит, когда нас долго нет. Мы ей оставляли ключи от дома, когда уезжали на неделю. Значит наш дом живой, мы вдохнули в него жизнь.

Мой Крым

Не верьте людям, которые утверждают, что они знают Крым. Одной человеческой жизни очень мало, чтоб узнать его полностью. Я тридцать лет познаю Крым. Я его совсем не знаю. Он разный от местности, от сезона, от времени суток, от погоды. И он продолжает удивлять. Выйдешь из дома, и увидав красоту невиданную несешься за фотоаппаратом. Прекрасные мгновенья в Крыму быстротечны.

Я опишу мой Крым. Он дикий, первозданный, как будто его только создал Бог. Маленькое южное село в сорока минутах ходьбы от моря расположилось между двух гор. Оно настолько древнее, что люди забыли его название и придумывают новые. В нескольких километрах от села располагаются древние поселения четвертого века до нашей эры Порфмий и Парфений, не верю, что тогда село называлось Баксами. А люди в этом месте селились тысячелетиями, с местного источника воду возили в Пантикапей быками, теперь в Керчь машинами.

Здесь остановилось время. Да прогресс пришел. Есть свет, вода, газ в домах.

Но шагни за село и увидишь первозданный источник нефти, подними интересный камень и он окажется волкобоем. А если повезет, на нем различишь старую руническую надпись.

Поднимись на гору Хрони, попадешь в некрополь, найдешь древний колодец. У склона горы своя каменоломня.

Бежишь утром на работу, а что это в пыли? Монета Боспорского царства с неразличимым рисунком уже лежит у тебя на ладони. Какая работа, я уже вся в предвкушении тайны. Какой рисунок будет на монете.

2

Капаясь в огороде, найдешь камни с непонятной надписью и неделю решаешь, кому принадлежали они.

Мой Крым – это сказка для взрослых. Сядешь вечером перед домом и смотришь на закат, на бескрайние степи, на коров, что пасутся без пастуха. Эта картина остается здесь тысячелетиями. Немного меняется одежда людей, архитектура домов, коней сменили машины и

все. В этом месте виден поток времени, который не касается этого святого места.

Больше всего я боюсь, что прогресс придет в Глазовку. От благ цивилизации нужна только дорога. Даже свет на улице не нужен. Сейчас ночью видны звезды и лунная тень. Луна в селе очень яркая и виден пейзаж за несколько километров ночью.

Мой Крым для тех, кто хочет увидеть, как течет время и прикоснуться к прошедшим векам.

Море и ночь

Ночь обладает своей магией. Она преображает все, чего коснется. У моря свое волшебство, но в сочетании с ночью меняется реальность.

Когда плывешь безлунной ночью, мрак обволакивает все тело и сознание. Черное море сливается с темным небом, исчезает вода, нет воздуха. Остается космическая бесконечность: черная, влажная. Ты плывешь в ней без ориентира, нет движения вперед, назад. Есть только здесь и сейчас. Нет берега, нет неба, человек лишь точка во Вселенной.

Но вдруг подул ветер, и появились звезды и луна. И ты плывешь среди звезд по лунной дорожке, она сверкает, переливается. У тебя появилась цель, ориентир в пространстве, видно море, видно небо. Миг божественного одиночества исчез.

А бывают особенные ночи, когда море светится. Тогда попадаешь в волшебную сказку. Плывешь, и под руками зажигаются тысячи голубых огоньков. Они появляются и пропадают, все тело окружено нежным голубым сиянием. Сказка всегда живет рядом с нами, нужно только присмотреться и прислушаться.

3

Взгляд художника

На море был шторм. Но не тот страшный шторм, когда хмурое небо, холодный дождь и тонут корабли. Светило яркое осеннее солнце и волны белыми барашками катились к берегу. Вода стала уже прохладной, купающихся людей было немного. Две собаки весело прыгали по волнам и доставали резиновый мячик. Волны накрывали хвостатых с головой. Они весело выныривали с мячом в зубах.

На берегу расположились художники. Они рисовали дом и две перевернутые лодки. Вода показалась холодной, купаться не хотелось, поэтому я пошла, посмотреть, как творят художники.

Увиденное творчество заставило задуматься. Все пять картин были разные...

Первая картина ничего не имела общего с действительностью. На полотне красовались неестественно яркие полосы и фигуры. Огромный парень со стеком размазывал краски по полотну. «Что надо курить, чтоб видеть мир такими цветами», - подумала я.

Вторым был пожилой мужчина с бородой и в рваных джинсах. Он очень походил на местных бомжей, только не имел их запаха. Его картина имела движение. Лодки на его холсте, почему-то двигались прямо в дом. Это движение удивляло, почему они по песку плывут.

Третья картина принадлежала маленькой женщине с восточной внешностью. Дом на ее картине выглядел лучше оригинала. Хотелось если не поселиться, то отдохнуть в нем на берегу моря.

Четвертое полотно пугало. Резкие краски, негармоничное их сочетание навевало сюжеты с фильмов ужасов. Такой двор хотелось обойти стороной. Его нарисовала женщина лет сорока с неестественными крашеными волосами.

Пятый нарисованный пейзаж веял запустением. Дом на нем мог рухнуть каждую минуту. Только очень неосмотрительный человек мог в него войти. Его нарисовал молодой стильно одетый парень.

Каждый человек-это вселенная. Все события люди видят через призму своих цветов. Один и тот же сюжет вызывает у каждого человека свои чувства. Спросить художников, о правильности моих заключений, я постеснялась.

4

Начать жизнь с начала

Многие люди хотят, начать жизнь с начала. Многочисленные тренинги призывают к жизни с нуля. Прошу оценить плюсы и минусы этого решения.

Я могу рассказать только о своём опыте, ваш может быть другим.

Вы берёте минимум денег и вещей, уезжаете в село, другой город или страну.

Энергия зашкаливает, долой цепи, да здравствует свобода.

Первое с чем столкнётесь, где вам жить. Почему-то с собакой нельзя снять жильё. С большим трудом селитесь недостроенный дом, но Вы счастливы, впереди прекрасные планы.

Во второе задание, надо найти работу. Но ваша специальность здесь не требуется и дипломы ваши не подходят, а Вы не готовы идти на неквалифицированный труд. Везунчики в течение полугода находят работу своей мечты, остальные могут никогда не достигнуть бывших высот.

Через несколько месяцев наносит неожиданный удар тело. Оно требует прежнюю кровать с ортопедическим матрасом, а не продавленный диван. Климат ему не тот, к такому питанию оно не привыкло, даже вода не угодна.

Болит каждый суставчик, ползёт вес, появляется бессонница, наступает хандра. А ты должен быть супер позитивный, очень активный на новой работе.

Но больше всего разочаровывают люди. Хороших людей значительно больше, но к тебе полезут жулики всех мастей. Ты здесь новичок и на тебе можно пожить. В прошлой жизни в твой круг не входили мошенники, ты общался только с проверенными людьми. У хороших людей своя жизнь и тебя в ней не было, захотят ли они с тобой общаться? Да, захотят. Если ты им интересен. Но интересы в этой жизни, не всегда совпадают с прежними. Им плевать на твою диссертацию, а вот выращенные тобой розы их вдохновляют.

Самое сложное в жизни с ноля, это правила жизни. Твои жизненные ценности выросли с тобой, они твоё второе я. Поменять их сложно, в моём случае не возможно. Я останусь белой вороной, но не хочу себя ломать.

В моей прошлой жизни не принято воровать деньги у своих сотрудников,

5

жаловаться на коллег администрации, делать гадости человеку. Раньше я

принадлежала к элите города, и могла рассчитывать на помощь в трудных ситуациях.

А самое трудное в новой жизни, отсутствие родных и близких. Общение по интернету не совсем спасает. Ты не можешь их обнять, поцеловать, выпить с ними чашечку кофе на любимой кухне.

Но не всё так печально. Начиная жизнь снова, ты повышаешь свою самооценку. Украла строители деньги, ты сам начинаешь строить. Нет денег, включаешь режим выживания. Оказывается многое из прошлого тебе не нужно. Здоровье семьи, простая еда, тёплый дом, хорошие соседи, работа становятся более важными, чем заграничная поездка, новая модель телефона, часы от потрясающей фирмы.

Если твоя мечта исполнилась, ты будешь счастлив, что осмелился, выдержал жизнь с ноля.

А уверен ли ты, что это твоя мечта? В информационную эпоху так легко обмануться.

Предлагаю облегчённый вариант попробовать новую жизнь. Бери отпуск плюс месяц за свой счёт, езжай на свою землю обетованную без денег. Найди работу, сними жильё, найди новых друзей, примерь на себя свою мечту.

Мой девиз: «Лучше попробовать что-то сделать, чем всю жизнь сожалеть о упущенной возможности».

Место, где живут ветра

В большом городе, ветер, если он не ломает деревья и не срывает рекламные щиты, не замечается жителями. Другое дело село, если оно располагается на равнине между двух морей. Каждый житель, выходя из дома, отмечает, есть ветер и какой. Западный ветер приносит дождь, северный притянет холод, южный одарит теплом, восточный обеспечит шторм. Температура воздуха в селе, всегда, корректируется ветром. Работа в саду, в огороде тоже зависела от него.

Удивительная особенность местных ветров, они дуют по три дня. Если на

6

третий день не заканчивается, то еще три и так далее. Выдержать «дурногай», так называют селяне затяжные сильные ветра, очень сложно.

Восточный ветер с моря дует день и ночь, прячутся птицы, животные и люди.

Даже растения могут изменить свою форму после ветреной недели.

В зависимости от ветра рыбаки идут на рыбалку на Азовское море или на Черное.

Осенью происходит игра ветров с туманами, даже на одной улице белая мгла чередуется с ясным небом.

Зимой ветра рисуют черно-белые картины из снега и земли.

Весной он сушит землю, приглашает работать в огород.

Летом ветер желанный гость, он приносит свежесть моря.

Так и живут тысячелетиями люди и ветра посреди двух морей.

Кто ходит в гости по утрам

Я люблю раннее утро, когда многие ещё спят. Ты ещё не совсем проснулся и утро продолжение сна. Сидишь в пижаме, пьешь кофе, слушаешь пение петухов, смотришь на рассвет и вдруг...

Стук в дверь. Показалось мне. Опять стук. Коты балуются.

Они обнаружили, если всем кошачьим телом навалиться на дверь, она откроется, и можно что-нибудь стащить.

« Всё-таки стучат. Но кто может прийти в шесть утра?»- подумала я.

« Кто там?» - спросила я, сомневаясь, что услышу ответ, у меня коты не разговаривают.

7

«Это я, соседка твоя пришла пить кофе. Я не опоздала?»- услышала я голос Шурочки.

« Что тебе не спится?» - удивилась я.

« Курицу ищу» - ответила соседка.

« А почему у меня?» - еще больше удивилась я.

«Курица никуда не денется, а я попою вкусный кофе», - усмехнулась Александра Васильевна.

« Железная логика» - согласилась я.

Мы пили ароматный кофе, ели сочную хурму и радовались веселому началу дня.

«Крысиные бега» в быту

Человек, который чего-то добился в жизни, часто и в быту хочет достичь идеальности. В квартире идеальный ремонт, дети с высшим образованием, жена красавица, повар экстра-класса, супер уборщица и бизнес леди.

Жизнь семьи превращается в ад. Все члены семьи несчастливы. Дети учатся в институтах, которые ненавидят, а после их ждет нелюбимая работа.

Мужья не довольны женами, которые не похожи на гляцевую картинку в мужской голове. Жены устали от супер требований, они всегда проигрывают идеальному образу.

«Крысиные бега» за идеальной семьей всегда кончаются поражением. То дети стали наркоманами, то жена стала злобной стервой, здоровье подвело, и тогда, если повезет, придет озарение...

Семья, где все счастливы, то к чему надо стремиться. Пусть у ребенка будет среднее специальное образование, а путь в жизни он выберет сам. Любой человек вправе сам решать свою судьбу, учиться или работать.

Дом не операционная, он не требует идеальной чистоты. Розы в цветнике могут расти с травой. Еда должна быть свежей и разнообразной,

кулинарные шедевры для праздников. Любой член семьи имеет право быть обычным человеком со своими недостатками.

8

Любовь в семье должна быть безусловной.

Когда у человека заканчивается жизненный путь, он вспоминает веселые праздники, любимых людей. Я не слышала, чтоб перед смертью жалели о не вытертой пыли с серванта, о сорняках на огороде, о ночных дежурствах.

Если это не важно, почему при жизни мы этому уделяем столько внимания. За всё в жизни надо платить за участие в «крысиных бегах» в быту, мы платим своим семейным счастьем. Каждая семья уже уникальная, но только вы можете сделать её счастливой.

Одиночество

Многие люди боятся одиночества. Они, приходя домой, сразу включают радио, телевизор, компьютер, музыкальный центр только бы не остаться в тишине. Шум создаёт иллюзию общества.

Вначале человек вытаптывает себе место под солнцем, огораживается от всех железными дверями, заборами, а после страдает от одиночества.

Святые люди, понимая, что одиночество одна из граней Бога, желая познать её, уходили от общества в уединенные места. Если им удавалось справиться с собой, они становились творцами своей жизни, подобно Богу.

В современное время, чтоб ощутить уединение, нет необходимости уходить в лес. Кельей отшельника может стать однокомнатная квартира. Но как же страшно человеку остаться наедине с собой.

Осмыслить жизнь, выбрать свой путь, ощутить единство с Богом можно только в тишине.

Иногда, ко мне приходят соседские дети и спрашивают: «Вам не скучно дома одной?»

«Нет. Мне с собой интересно», – отвечаю я.

Страх

Сельская улица не освещается. Когда светит луна, видны даже горы и лунные тени. Но когда пасмурно, с трудом рассмотришь свои ноги.

Темным зимним утром по дороге проходят люди с фонариками или просто слышны голоса. Я спешила на работу, про фонарь забыла. Медленно ступая по грунтовке, нащупывая ногой ровное место, я продвигалась к автобусной остановке. Вдруг в ладонь легло, что-то холодное, мокрое и скользкое...

От страха организм напрягся, тело хотело рвануть от ужасного и неизвестного. Но мозги сказали: « Спокойно! Мне не больно значит оно не опасно». Медленно обернувшись, в полной темноте нащупала лохматое ухо.

Собака была мне выше пояса, свой нос она зачем-то положила мне в ладонь.

Я забеспокоилась снова, чем пахнут мои руки. Они могли иметь запах кошки, другой собаки и бутерброда с колбасой. Я себя успокоила, что пахну колбасой, и меня не укусят.

Так я прошла метров десять, с собачей мордой в ладошке. Потом пес исчез, я с облегчением вздохнула.

На следующее утро все повторилось. В течение месяца, когда я шла пешком на остановку, меня встречала незнакомая овчарка и тыкалась носом в мою руку.

Сегодня она меня не встретила. Я переживаю, все ли у неё в порядке.

Мой страх перерос в дружбу. А если бы он победил, я бы могла ударить пса. Как важно победить в себе страх, может за ним тебя ждет новое приключение.

Танец орла

Орлы виднелись в небе двумя маленькими точками. Они дела круг и опускались ниже и ниже. Два, три взмаха крыльев и опять круговое парение. Танец двух птиц завораживал, а они приближались. Уже были видны крылья, вот различимы крупные перья на них. Еще круг, открылся потрясающий вид парящего орла несколько десятков метров над головой. И вдруг крупная птица стала пикировать вниз...

Мужчина очнулся от магии орлиного танца, схватил лопату, размахивая ею, побежал спасать свою комнатную собачку. Орлы охотились на голую перуанскую собаку.

Орел пронесся в нескольких метрах от собаки и взмыл в небо. А бедный пес еще несколько месяцев боялся выходить на огород сам.

Скука

Я хочу сказать доброе слово о скуке. Когда скучные ситуации возникают регулярно и избавиться от них нельзя. Это целый месяц в колхозе на картошке с младшим курсом. Это вечерние дежурства в интернате зимними вечерами. Это, когда приезжаешь на работу за полтора часа до работы.

Когда сидишь на вокзале, а поезд еще нескоро. У каждого человека наберется ещё масса примеров.

Уйти нельзя, интернета нет, ты один в замкнутом пространстве. Скука – это творческий вакуум, который вытягивает из тебя идеи. В суете дней не всегда есть время подумать о своих скрытых талантах. О, благословенная скука, сколько творческих часов ты мне подарила.

В колхозе я научилась вязать крючком. За месяц была связана юбка, которую я потом носила лет десять.

В интернате я начала вышивать бисером, друзья были рады оригинальным подаркам. В ранние утренние часы до начала работы, я могу поделиться радостью жизни с Вами мои невидимые друзья.

Пусть Ваша скука будет затишьем перед творческим рассветом.

Утро в деревне

В телефоне заиграла мелодия, пора вставать. Четыре часа утра, здравствуй новый день. В темноте, на ощупь бредёшь в то место, куда цари пеши ходят.

Я ступаю осторожно, чтоб не наступить на чей-то хвост и лапу на веранде.

Там ночует рыжая красавица Алиса и потрошитель кур Каспер. Они тут же начинают требовать завтрак, но выносятся на улицу, чтоб сделать свои дела.

Иногда, это они сделали уже на веранде, я беру тряпку, хлорку и весело убираю. Здравствуй утро!

Люблю свежеприготовленные продукты, поэтому утром готовлю, жарю, парю, под дружное завывание хвостатой бригады.

Когда запахи достигают апогея, из дома выходит Бакс. Голый перуанский пес встаёт только когда завтрак готов. Его отправлю на улицу, а в это время насыпаю еду, чтоб она остыла.

Кормить живность нужно по очереди, вместе они дерутся. Кого-то выношу на улицу, и тот скребётся в дверь, кто-то заперт в доме, счастливчик ест. Потом картина меняется.

Я как-то подсчитала, за одно утро я шесть раз вынесла кошку на улицу, заходит она сама, даже дверь иногда открывает.

Когда я с мужем завтракаю, пушистая братия заглядывает в глаза и стучит по ногам лапами, требуя вкусняшку.

Кофе люблю пить спокойно, поэтому на десять минут все хвостатые опять идут гулять на улицу.

Умываемся, одеваемся, собираемся, маршрутка ходит по времени, если ходит. Подсвечивая себе дорогу фонариками, идем на остановку. Глядя на дорогу, понимаешь, её бомбили недавно разнокалиберными снарядами. Повезло, втолкнулись в сельскую маршрутку.

Вы может не поверить, но я люблю своё неромантическое утро. Когда я просыпаюсь, вся моя Вселенная начинает быстро вращаться вокруг меня.

Моё утро в деревне напоминает «Маски шоу», и я в этом шоу главный герой.

Тяжело быть Дедом Морозом

Близится Новый год. Я с мужем решила отправить новогодние подарки племянникам. Идейная часть мероприятия на мне, материальная на муже. Решила купить по шоколадке и подарку. Сразу возникла задача, кто какой шоколад любит. Шоколад бывает горький, молочный, с изюмом, с орешками, пористый и так далее. Дед Мороз должен знать, какой шоколад любит ребёнок. Выход нашла такой, на пятерых племянников покупаем десять разных шоколадок, а мама разберётся какую кому вручить.

Подарки ввели в ступор. Я вообще не знаю, кто, что хочет. А вдруг ребёнок расстроится, в письме Деду Морозу написал одно, а получил другое.

Решение пришло необычное, пусть подарки будут от пса Баксика. Никто не обидится на собаку, что она не разбирается в подарках и шоколадках. Как Дед Мороз со всем справляется?

Сельские новости на снегу

Живя в городе, ты не обращаешь свой взор на следы на снегу. Главное, чтоб дворники тропинки расчистили и посыпали. Другое дело село. Иду морозным утром и смотрю следы на снегу. В сторону остановки прошёл только один мужчина, значит, завод сегодня не работает. Навстречу прошли мужчина и женщина, они работают в реабилитационном центре, это означает, что люди там есть.

По всей улице меня сопровождает лай собак, виден лисий след. Приходила рыжая кумушка, проведать сельские курятники.

В центре развернулся автобус с летней резиной, лысые протекторы хорошо видны. Это означает, водители не побоялись и выехали на утренний рейс. Если погода не подведёт, домой с работы приеду автобусом.

В сторону школы и обратно видны протекторы легковой машины, сосед привёз жену на работу и повез молоко на рынок. Читаю, школа работает, коровы у соседа молоко дают. Поднимаю глаза к звёздному ночному небу, а там беспилотники летают.

«А может, я ошибаюсь. Я ведь никогда не видела, летающего беспилотника в ночном небе», - подумала я. Но я не ошиблась, друзья подтвердили, об этом в новостях передавали. Вот так не спеша, дойдя до остановки, я узнала последние сельские новости.

Баня

Задули северные ветра. Пожелтели листья. Утро встречает туманом. А тело просит бани. Иметь баню, я мечтала с детства. Еще детьми ходили париться в городскую баню. И вот у нас своя парилка с камнями, печкой чугункой. В печь бросаются фруктовые дрова, неповторимый запах дыма разносится по деревне. Пиво ждет своей очереди в холодильнике. Вот одеты войлочные шапочки на голову, все разместились по деревянным лавкам. Тело вначале замирает, как бы прислушивается к ощущениям. Но вот появляется испарина, а затем ты сидишь, обливаясь потом, попивая холодное пиво, забывая обо всем на свете.

Жесткой мочалкой снимаешь старую кожу. А затем идет дубовый веник, он долго ожидал этого в кипятке. Веник снимает последние зажимы в теле, оно растекается по лавке. Пиво и дубовый отвар брызгается на камни, пар с запахом хлеба, дуба дурманит голову.

И ты вдруг понимаешь, что время ничего не меняет. И две тысячи лет назад, здесь стояла баня, в ней парились люди. Счастье состоит из радостных мгновений, их ты создаешь сам.

Философия бани: «Жизнь прекрасна здесь и сейчас».

Александр Лихолетов

Спиральный замок

Давным-давно жил на свете принц. Вернее, принцем он был только по крови, ведь не было у него ни королевства, ни дворца, ни даже короны. Когда ему было всего десять лет, в его страну вторглись варвары. Их вождь отрубил королю голову и нарек королем себя.

Тогда принц бежал с верными короне людьми. Они и вырастили его. Всю жизнь он мечтал об отмщении, он мечтал восстановить королевство, принадлежавшее ему по праву.

В день своего совершеннолетия он простился с приемными родителями, оседлал коня и пустился в путь. Но путь его пролегал не туда, откуда он бежал, а туда, где он прежде не был.

Принц знал, что он еще не готов стать королем. Он должен был стать сильным, мудрым, но самое главное — ему нужна была армия, ведь за узурпатором, правившим уже почти десять лет, стояли тысячи грозных воинов.

Четыре года странствовал принц. Он обучился фехтованию и стрельбе из лука, постиг многие науки. Он был усерден, ведь каждый взмах клинка, каждая строка в книге — приближали его к цели.

Выбив меч из рук своего учителя, принц решил, что он достаточно силён и умен, чтобы стать королем. Теперь ему нужна была армия. К сожалению, за годы скитаний он не стал богачом и не мог нанять воинов, не снискал славы полководца и мало кто пошел бы за ним бесплатно. На все это требовалось время, которого у принца не было.

Тогда он решил взять себе в жены принцессу, а после во главе армии её королевства — вернуть свое. Он был знатен и хорош собой, умен и искусен в битве, но как только короли узнавали, что за душой у него ни гроша, а все, что он может предложить — это кровопролитная война, тут же гнали его прочь.

Так он объездил множество больших и малых королевств. Когда он почти отчаялся, удача улыбнулась ему. Он прибыл в воинственную страну далеко на юге. Прежде там правил великий король. Ныне от величия не осталось ничего. Седой старик, некогда бывший могучим воином, выслушал его и, сняв с головы корону, предложил послушать свою историю.

— Я недостойн этой короны, — печально сказал король, — когда я был коронован — я поклялся защищать свою землю и свой народ. Но я забыл эту клятву. Я начинал одну войну за другой. Где-то я побеждал, где-то терпел поражение, но неизменно лилась кровь. Однажды ко мне

пришел мечтатель. Он расстелил на полу бумагу, и я увидел тысячи тонких линий, сплетавшихся в причудливые формы. Он сказал, что это его изобретения. Они помогли бы орошать поля, строить надежные стены и высокие дома. Он говорил, и глаза его горели. Мечтатель будто видел это наяву.

Король швырнул корону на пол.

— Я этого не видел. Я видел осадные машины и катапульты, прочную броню и страшное оружие. В безумии своем я приказал схватить его и заставил сделать то, что видел я. И он сделал. Он сделал, но глаза его погасли, волосы поседели, а сам он перестал быть мечтателем. Но тогда я не заметил этого. Я отпустил его, зная, что долго он не протянет. Без опаски я отправился в поход, и враги мои задрожали, видя мощь моего оружия. Я вернулся с победой, но она не принесла мне радости. Когда я вернулся, узнал, что мастер не умер. Он построил ужасающий замок, наполненный ловушками и чудовищами. Мастер заманил туда мою дочь. После он простился с жизнью и унес тайны этого замка в могилу. В тот день я отрекся от своей прежней жизни. Прошло три года — целая вечность, но никому не удалось спасти мою дочь. Ты умен и силен, по крайней мере, так говоришь, спаси её, и я благословлю ваш брак и твою войну.

Принц слушал очень внимательно. Когда король закончил, юноша ушел, не сказав ни слова. Король знал, что если кто-то и может спасти его дочь, то только тот, кто потерял все и кому терять уже нечего.

Принц оседлал коня и отправился в замок. Еще издали завидел он не уродливое, а скорее причудливое строение. Оно напоминало приплюснутую спираль, сужающуюся кверху и ощетинившуюся множеством башен. Как умирающий мастер мог построить это — оставалось загадкой.

Привязав коня у входа в замок, принц толкнул одну из створок ворот. Они оказались незаперты. Это не показалось ему странным, ведь до него здесь побывало множество людей. Они взломали ворота, ворвались в замок, но были встречены множеством смертельных ловушек и пали молчаливыми свидетелями собственного краха.

Принц старался не смотреть по сторонам. Должно быть, когда-то этот замок был прекрасен, но засохшие пятна крови, коготь и обугленные кости — портили впечатление. Так было у входа, но чем дальше принц шел, тем чище становился замок, будто останки у ворот были нарочно оставлены как предупреждение незванным гостям.

Ловушки попадались ему все реже. Просторные коридоры были пусты. Лишь факелы напоминали о том, что замок не покинут.

— Кто зажигает их? — произнес принц, чтобы не оглохнуть от тишины.

Александр Лихолетов «Спиральный замок»

Ему никто не ответил, но вскоре он сам обнаружил ответ на свой вопрос. Идя по коридору, он заметил нечто отдаленно напоминавшее человека. Существо было сделано из металла и покрыто тканью. Оно брело по коридору и протирало его длинным плащом. Завидев принца, существо издало щелкающий звук и бросилось к нему. Юноша обнажил меч, но металлический панцирь оказался слишком прочен. Тогда он поспешил к выходу. Существо следовало за ним по пятам. Щелчки были все громче. Наконец принц остановился. Механический голем шагнул к нему, но юноша и не думал отступать. Металлические кулаки взметнулись для сокрушительного удара, но в этот момент существо наступило на ловушку, возле которой остановился принц, и провалилось вниз. Из ямы донеслись затихающие щелчки, и вновь воцарилась тишина.

Принц не сомневался, что эта тварь не единственная. Он шел осторожно и, заслышав щелчки, сворачивал в противоположную сторону. Благо, развилок в замке хватало.

Наконец, он вышел в просторный зал, заваленный огромными шестеренками и пружинами. Он не знал, было ли это действием ловушки или же время подточило саму конструкцию. Ему было все равно.

Он пробирался сквозь груды обломков и внезапно увидел рыцаря. Его придавило одной из шестеренок. Принц подошел ближе. Он не знал, человек перед ним или очередной механизм.

Юноша протянул руку, чтобы открыть забрало, но в этот момент кисть, закованная в броню, обвила его запястье. Принц вырвался и отшатнулся. Выхватив меч, он был готов нанести удар, но рыцарь замахаля руками, делая странные знаки.

— Ты немой, — догадался принц, — подожди, не так быстро.

Пользуясь языком жестов, рыцарь объяснил ему, что он пришел спасти принцессу, но, когда он вошел в этот зал — потолок обрушился. Рыцарь выжил, но оказался в ловушке.

— Не волнуйся, — сказал принц, — я помогу тебе.

Юноша взял одну из железных труб и, воспользовавшись ею как рычагом, сдвинул тяжелую шестеренку. Рыцарь с трудом поднялся. Он был изможден. Принц открыл походную сумку и извлек флягу с водой. Рыцарь протянул руку, но тут же отдернул и указал на забрало.

— Ты не хочешь открывать лицо? — спросил принц.

Рыцарь кивнул.

— Что ж, это твое право.

Принц отдал флягу и отошел, скрывшись за одной из шестеренок. Рыцарь пил долго и жадно. Похоже, он пролежал здесь не один день.

Дождавшись рыцаря, принц принял пустую флягу и знак благодарности.

— Выход там, — холодно сообщил юноша.

Александр Лихолетов «Спиральный замок»

Рыцарь покачал головой.

— Ты потерпел поражение, смирись.

Рыцарь не сдвинулся с места.

— Ты ранен и изможден. У меня нет времени возиться с тобой.

Пальцы рыцаря пришли в движение:

«Я могу сам о себе позаботиться»

Принц вздохнул. Его раздражала навязчивость рыцаря. Ни один довод не действовал на него. Наконец, юноша сдался, махнул рукой, и рыцарь последовал за ним.

Рыцарь не боялся механических чудовищ. Они принимали его за своего и не трогали. Пару раз принц вступал с ними в бой, но рыцарь и не думал ему помогать. Юноше приходилось справляться самому. Он начал замечать, что рыцарь неуклюж, быстро устает и латы велики ему.

После нескольких часов ходьбы они устроили привал. Рыцарь по-прежнему отказывался поднимать забрало. Принц извлек из походной сумки вяленое мясо и кусок хлеба. Живот, закованный в тяжелые латы, едва слышно заурчал. Рыцарь отвернулся. Ему было стыдно просить принца. Юноша вздохнул и протянул рыцарю кусок.

— Я поделюсь с тобой, но ты должен будешь ответить на мой вопрос.

Рыцарь кивнул. Приняв пищу, он отвернулся, чтобы принц не видел его лица, и поднял забрало.

— Ты пошел со мной из-за принцессы?

Рыцарь замер. Он даже перестал жевать.

— Можешь не отвечать, я знаю, что это так. Скажи, что связывает тебя с ней?

Рыцарь опустил забрало и повернулся к принцу.

— Ты любишь её? — спросил юноша.

Рыцарь покачал головой.

«Я опасаюсь, что за ней придет тот, кто желает ей зла»

— Послушай, — принц внимательно посмотрел на рыцаря, — мне нечем поклясться, кроме своей жизни, так что я клянусь ею. Я клянусь, что не причиню принцессе вреда. Если она пожелает, чтобы я ушел — я уйду.

«Что тебе обещал король?»

— Он обещал благословить наш брак, если я спасу её, — ответил принц, — но, поверь, если она будет против, я не стану принуждать её. У меня есть цель, но я никогда не прощу себе, если достигну её такой ценой.

Рыцарь ничего не ответил. Отдохнув, они продолжили восхождение. Вскоре они достигли огромной двери.

«За ней страшнейший из стражей. Нам нужно прокрасться мимо него»

Александр Лихолетов «Спиральный замок»

— Ты ничего не понимаешь в спасениях, ведь так? — усмехнулся принц и, прежде чем рыцарь успел остановить его, распахнул дверь.

Огромный механический змей, застывший посередине зала пришел в движение. Принц шагнул вперед. Он не шел против змея, он шел против варвара, погубившего его семью, против тех, кто разрушил его дом. Он шел против них и был неуязвим. Он двигался быстрее, чем когда-либо, бил без промаха, а в глазах его пылал огонь. Змей издал скрежещающий звук и затих навсегда.

Не дожидаясь рыцаря, застывшего в дверном проеме, принц пересек зал и распахнул дверь, за которой была заключена принцесса.

Там было пусто. Он прошёлся по комнате, заглянул в шкаф, под кровать — никого. На стене висел щит. Слева от него стояли латы, а справа было подозрительно пусто. Латы показались принцу очень знакомыми.

Рыцарь шагнул в комнату. Он поднял руку, желая что-то сказать, но принц опередил его. Клинок скользнул из ножен.

— Защищайся!

Рыцарь выхватил меч. Было видно, что тот слишком тяжел для него. Одним движением принц выбил меч из рук рыцаря, и клинок замер у основания шлема.

— Я понял кто ты, — холодно сказал он, — ты построил этот замок. Вот почему чудовища тебя не трогают. Ты не хотел, чтобы я шел, потому что ты, ты все это время любил её!

Рыцарь стоял, боясь пошевелиться.

— Только она тебя не любила, и ты запер её здесь, — клинок медленно скользнул в щель у основания шлема, — отвечай, что ты с ней сделал? Где она?

Лезвие коснулось горла.

— Нет! — внезапно крикнул рыцарь, и принц отвел меч.

Он не был немым. Его голос заставил принца содрогнуться. Рыцарь медленно снял шлем, и из-под него полились черные как смоль волосы. Это была девушка. Она смотрела на него печальными синими глазами, её губы дрожали.

— Ты?

— Я.

Принцесса виновато кивнула.

— Я не понимаю, — принц отбросил меч и опустился на пол, — почему? Ты почти выбралась. Почему ты пошла со мной?

— Мне было страшно уходить. Мастер говорил, что за мной придут, что он не сможет меня защитить.

— От кого?

Принцесса села напротив.

— Ты был прав. Он любил меня. Он не хотел мстить моему отцу, он хотел спасти меня от его врагов. Мастер знал, что отец не сможет меня защитить, он был слишком одержим войной. И он спрятал меня. Его механизмы приносили мне еду и хранили мой покой, но разделяя его страх, они не выпускали меня, а я... я слишком боялась того, кто придет за мной. Я знала, что враги моего отца убьют меня, а те, кто жаждет его богатства и власти и того хуже. Я надела латы, чтобы механизмы не узнали меня, но мне не хватило смелости покинуть замок, а потом...

Девушка замолчала. Принц пристально всматривался в узоры на полу.

— Ты права, — мрачно сказал он, — придя сюда я, мечтал лишь о том, что с армией твоего отца я верну свое королевство. Прости...

Юноша поднялся и направился к выходу. Принцесса сидела на полу и смотрела в потолок. Там красовалась надпись, оставленная мастером:

«И пусть войдет сюда лишь достойный»

Девушка поднялась.

— Подожди!

Принц остановился.

— Твоя клятва, то, что ты говорил, это правда?

— Да.

— Я пойду с тобой.

Латы с грохотом рухнули на пол. Принцесса больше не боялась. Она взяла принца за руку, и они двинулись прочь, навеки покидая спиральный замок. Страх больше не стоял у них на пути.

Вскоре корона, брошенная на пол, оказалась на голове принца, а после и корона обгаренная кровью. Он освободил свою страну и объединил её с южным королевством, где он и его королева правили долгие годы и принесли мир и процветание обоим народам.

Тверитинов Алексей

Судьба полковника царской армии

1. Последний командир Зарайского полка

Как ни обращай политические конъюнктуры в прошлое, называя это историей, всё же общая история складывается из частных судеб, из родословных сюжетов, ручейками впадающих в реку времени и создающих реальную историю Отечества.

Удача чаще всего сопутствует людям находчивым и предприимчивым, презирующим опасность, - тем, кто в своей жизни руководствуется исключительно движениями души и велениями сердца, не задумываясь о последствиях и не заботясь о выгоде. Таким был Александр Николаевич Тверитинов (1879 - 1941).

Если взглянуть в послужной список Александра Николаевича и его биографию в целом, то создается впечатление, что всю жизнь его сопровождал ангел-хранитель. Послужной список последнего командира 140-го пехотного Зарайского полка полковника Александра Николаевича Тверитинова не нуждается в комментариях. Все пункты в нем весьма выразительны и включают 7 боевых орденов от Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость» до генеральского Св. Владимира 3 ст. с мечами, Георгиевское оружие, солдатский Георгиевский крест с лавровой ветвью, ряд медалей, внеочередные звания за отличия, Высочайшее благоволение и прочее. Четкие фразы послужного списка Александра Николаевича Тверитинова между строк раскрывают интересный образ этого человека. Вот одна из характерных записей периода Первой мировой (Великой) войны: *«...в бою 22 сентября 1916 г. при атаке укрепленной неприятельской позиции на участках Звыжинского леса во главе своего батальона взял две линии окопов, находясь под сильным ружейным и пулеметным огнем противника, руководил действиями батальона, уstraивал перемешавшиеся части, отразил несколько контратак противника и, подавая собой пример храбрости и непоколебимого мужества, удерживал занятый им участок до конца боя»*¹.

С самого начала своей военной карьеры Александр, проявляя активную любовь к приключениям, добровольцем от полка участвовал в

¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 153197, п/с 102 – 810. (Послужной список командира 140 пех. Зарайского полка полковника А. Н. Тверитинова. 1917 г.). Л.22 об.

деятельности «охотничьих команд»². Свой первый офицерский чин подпоручика Александр получил в 1899 году. Через четыре года, как полагается, он был произведен в поручики. В 1904 году началась война с Японией. Александр участвует в ряде тяжелых кровопролитных боев, длящихся неделями и дольше. Эти известные бои при Вафангоу, Павшагоу, генеральное сражение под Ляояном, сражения при реке Шахэ и под Мукденом хорошо описаны в специальной военно-исторической литературе. Например, в составе своего родного Зарайского полка³ в

² Охотничьи команды были учреждены в 1886 году для подготовки специальных подразделений (не более 4 человек на роту, эскадрон, сотню и батарею) к исполнению в военное время отдельных поручений, соединенных с особой опасностью и требующих личной находчивости (например, разведка, изучение местности и т. п.). Для заведывания каждой командой назначался особый офицер. Нижним чином этих команд присваивалась зеленая нашивка на рукав мундира и шинели. – (Приказы по Военному ведомству № 260 1886 г. и № 192 1892 г.).

³ Полк, с которым была связана военная судьба Александра Николаевича Тверитинова, имел свою военную историю. Начало он берет из части Колыванского 40-го полка, сформированного 20 августа 1798 года в Коломне и названного мушкетерским, а позже переименованного в пехотный. Наследный ему 140-й пехотный Зарайский полк стал именоваться таким со дня своего фактического формирования - 13 октября 1863 г., но старшинство его отсчитывается с 20 августа 1798 года – со дня основания мушкетерского полка. С 1892 года полк был расквартирован в Скопине Рязанской губернии.

Зарайский полк был награжден полковым Георгиевским знаменем (Св. Александр Невский) с надписями: «За усмирение Трансильвании в 1849, за Севастополь в 1854 и 1855 и за отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов» и «1798 – 1898» с Александровской юбилейной лентой. Полк был также награжден Георгиевским рожком с надписью: «За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов». – (В. М. Шабанов. Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. – М., 2004. – С. 888; П. А. Домашев. Краткая история 140-го пехотного Зарайского полка. – Кострома, 1890).

В ходе русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. Зарайский полк особенно отличился в бою при д. Карахасанкой 18 августа 1877 г., где на Зарайцев легла вся тяжесть сражения с 6-кратно превосходящими силами противником. Впоследствии турецкое название освобожденной болгарской деревни Карахасанкой было изменено на Зараево в память о 140-м Зарайском пехотном полке и так осталось в официальной болгарской топонимии и поныне. – (Материалы Интернета; П. А. Домашев. Краткая история 140-го пехотного Зарайского полка. – Кострома, 1890).

За отличие 1904 – 1905 гг. полк был награжден Георгиевскими трубами. – (А. А. Керсновский. История русской армии. – М., 1994. – Т. III, 1881-1915. – С. 110).

Зарайский полк отличился и в Великой войне 1914 – 18 гг. Вот некоторые эпизоды с участием А. Н. Тверитинова.

Боевые действия полк начал с «1-й Галицийской битвы» под Тарношином в августе – сентябре 1914 г. (Таблица боевого участия А. Н. Тверитинова в 1914 – 1917 гг. - п/сп.). С 29-го сентября по 8-е октября 1914 г. полк, переправившись на правый берег реки Вислы близ Козниц (Козениц), врезался в расположение противника, выбив его из окопов, что способствовало расширению плацдарма, необходимого для более быстрой переправы других войск через реку Вислу и, несмотря на губительный перекрестный огонь тяжелой артиллерии, совмещенный с ружейным и пулеметным огнем противника, не только удержал за собой позицию, но даже продвинулся вперед, что также способствовало более легкому и быстрому взятию других укрепленных населенных пунктов. (Таблица боевого участия А. Н. Тверитинова в 1914 – 1917 гг. - п/сп.). За этот бой 140-й пехотный Зарайский полк был представлен к георгиевскому штыню на воротниках для офицеров и георгиевским петлицам на воротники и обшлага мундиров для нижних чинов. – (РГВИА. Ф.2365. Оп.1. Предисловие к описи 1 «Краткая справка по истории 35-й пехотной дивизии»; А. И. Григоров. Рязанская Книга Памяти Великой войны 1914 – 1918. Том I. – М., 2010. - Ч. 2. – С. 452 – 453).

С 11-го по 15-е декабря 1914 года полк в 5-ти дневных боях на реке Ниде штурмом взял укрепленный австрийцами посад Новый Корчин у города Виняры. (Таблица боевого участия А. Н. Тверитинова в 1914 – 1917 гг. - п/сп.), сбил неприятеля с переправы через реку Ниду, решительно атаковал высоты с противоположного берега у господского двора Виняры, на которых находилась сильно укрепленная позиция противника, опрокинул его и, преследуя бегущих австрийцев, закрепил за собой правый берег реки Ниды. За этот бой Зарайский полк был представлен к Георгиевским лентам со знаком ордена Святого Георгия 1-й степени к имеющемуся Георгиевскому знамени. – (РГВИА. Ф.2365. Оп.1. Предисловие к описи 1 «Краткая справка по истории 35-й пехотной дивизии»; А. И. Григоров. Рязанская Книга Памяти Великой войны 1914 – 1918. Том I. – М., 2010. - Ч. 2. – С. 453).

августе 1904 года Александр участвовал в отражении атаки на русскую Маньчжурскую армию японской гвардии. Ожесточенный бой закончился блестящим эпизодом, когда японскую гвардию Зарайский полк гнал штыками 4 версты⁴. Но, к сожалению, командование русской армией тогда отказалось развить дальнейший успех. Так вот, Александр во всех этих кровавых сражениях не получил ни единой царапины, а за отличие был награжден своими первыми четырьмя боевыми орденами и чином штабс-капитана, пробыв в поручиках всего 8 месяцев.

Однако в мирный период всё пошло по-другому. Самолюбивый характер Александра Николаевича Тверитинова не позволял ему гнуться не только перед пулями врага, но и перед начальством. Это однажды привело к некоему конфликту, в результате которого 12 ноября 1909 года Александр получил от командира полка выговор с занесением в послужной список, так как *«вел разговоры со старшим себя в чине в излишне запальчивом духе и несоответствующих выражениях»*⁵. Это обстоятельство притормозило продвижение Александра Николаевича по службе, и в чине штабс-капитана он пробыл целых 6,5 лет.

Но снова началась война – Великая (Первая мировая). Участие в этой войне Александр Николаевич Тверитинов начал капитаном и командиром роты, а закончил полковником и командиром полка. Продвижение по службе шло стремительно. В 1915 году за отличия в делах с неприятелем он был произведен в подполковники, а уже в 1916 году – в полковники со старшинством с июля 1915 года. Позже, в качестве награды старшинство было изменено на 19 июля 1914 года⁶. О других боевых наградах Александра Николаевича более подробно говорится в послужном списке и некоторых опубликованных источниках⁷. Как и положено офицеру Александр Николаевич обладал безусловной неустрашимостью и мужеством. И как подобает настоящему солдату, полковник Тверитинов за храбрость был награжден также и солдатским Георгиевским крестом. Воевал он на Юго-Западном фронте, участвовал во множестве тяжелейших боев, участвовал и в мясорубке «Брусиловского прорыва». Но и в этот раз ангел-хранитель был рядом. Александр получил небольшую контузию в голову и пару раз легко был

453).

В дальнейшем полк участвовал во многих битвах, включая Брусиловский и сопутствующий ему Сопановский прорывы со всеми последующими делами.

Александр Николаевич Тверитинов стал последним командиром этого полка. После переворота 17-го года в апреле 1918 полк был расформирован.

⁴ А. А. Керсновский. История русской армии. – М., 1994. – Т. III, 1881-1915. – С.70.

⁵ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 153197 (п/с 1310, 1913 года). Л.16.

⁶ «Русский Инвалид». – Пг., 1917. - № 125 от 31 мая.

⁷ «Русский Инвалид». – Пг., 1917. - № 144 от 22 июня (четверг). – Официальный отдел. – С. 3 (3-й столбец). – Описание подвига; В. М. Шабанов. Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769-1920. – М., 2004. – С. 783; Григоровы. Рязанская Книга Памяти Великой войны 1914 – 1918 гг. в 2-х томах и др. источники.

Тверитинов Алексей «Гудьба полковника царской армии»

ранен в нижнюю часть правой ноги, что невольно напоминает легенду об Ахилле и его матери – богине Фетиде. И это все неприятности за две-то войны! Случай для боевого офицера почти невероятный! Ведь только за одну кампанию 1915 года были убиты в боях почти все незаменяемые офицерские кадры регулярной русской армии. Позднее эту работу по уничтожению истинных патриотов России завершили уже большевики. Но и в период красного террора ангелу-спасителю, как и прежде, удалось оградить Александра Николаевича и его семью от, казалось бы, неминуемой гибели.

Дети Александра Николаевича Николай и Елена Тверитиновы были причислены к дворянскому званию рода Тверитиновых незадолго до революции – в 1915 году⁸. Этот, зафиксированный в архивах акт, уже сам по себе не сулил ничего хорошего в их дальнейших судьбах. Сам Александр Николаевич, как и его предки – участники Наполеоновских войн - до последней возможности сражался с внешним врагом своей Родины, в то время, когда большевики разрушали ее изнутри.

Влияние партии большевиков распространялось и на настроение солдат, принося огромный вред боеспособности всей армии. Резко отрицательная реакция командира 140-го Зарайского пехотного полка полковника Тверитинова на действия большевиков в 1917 году по разложению русской армии отразилась в научно-исторической литературе уже советского периода. В одном из донесений начальству полковник Тверитинов с возмущением напишет: *«Во время переезда наблюдалась агитация на железнодорожных станциях главным образом матросами, которые проводили взгляды большевизма»*⁹.

Казалось бы, военная карьера 37-летнего полковника Тверитинова только начала подходить к своему расцвету. Но последняя добавочная запись в послужном списке Александра Николаевича, очень характерная для всех героев Отечественной войны 1914 – 1918 годов¹⁰, поставила на его карьере точку. А именно: *«На основании резолюции фронтового съезда Северного фронта объявленного в приказе по полку от 19 декабря 1917 г. за № 428 § 2 переименован в солдата-гражданина и все награды и знаки отличия отменены»*¹¹.

От осознания невозможности что-либо изменить в своем любимом Отечестве, Александр Николаевич после расформирования полка заболел и был отправлен домой в г. Скопин, Рязанской губернии, – место

⁸ ГАРО. Ф. 98. Оп. 36. Св. 220. Д. 40. Л. 339 – 342 (1821 г.).

⁹ Ю. А. Поляков. Великий Октябрь: проблемы истории. – М., Наука, 1987. - С. 35. [Автор - Юрий Александрович Поляков (1921 – 2012) - советский историк, доктор исторических наук, профессор, академик РАН].

¹⁰ А именно так она и называлась с самого своего начала - «Вторая Отечественная война» - см. материалы еженедельного иллюстрированного журнала «Заря» тех времен, издаваемого в Москве Товариществом И. Д. Сытина.

¹¹ РГВИА. Ф.409. Оп.1. Д. 153197, п/с 102-810. Л. 27.

последнего пристанища Зарайского полка, расквартированного здесь с 1892 года. Александр Николаевич поначалу был уволен Скопинской гарнизонной комиссией в 6-месячный отпуск, потом привлекался к работе в Красной армии как военспец. В том числе он стал автором труда «Рота на ночлеге и в сторожевом охранении: Пособие для руководителей по подготовке ротных и взводных командиров», изданного в Смоленске в 1921 году. Затем, по делам службы был направлен вместе со всей семьей в Среднюю Азию, что фактически явилось ссылкой.

Но эта ссылка оказалась спасительной. В который уже раз ангел спасал Александра Николаевича! Благодаря убытию в начале 20-х годов в Среднюю Азию, бывшему командиру 140-го полка удалось избежать привлечения к чудовищному «делу скопинских офицеров», где он упоминался как один из организаторов контрреволюционного офицерского заговора. Дело было сфабриковано в 37-м и касалось бывших царских офицеров, продолжавших жить в Скопине. И 5 января 1938 года 18 скопинских офицеров расстреляли по приговору Особой Тройки. Почти все они были сослуживцами Александра Николаевича Тверитинова. В 1957 году всех участников дела реабилитировали за недоказанностью состава преступления.

Как и многие из Тверитиновых, Александр Николаевич нашел себя в преподавательской работе. В последние годы жизни он возглавлял военную кафедру Ташкентского института инженеров железнодорожного транспорта. Богу было угодно сохранить семью Александра Николаевича невредимой, но ее представители лишь через поколение смогли приблизиться к исторической родине и вернуться в Среднюю полосу России¹².

II. Внук

И вот что примечательно. Широта натуры, добрая душа и как следствие этих качеств удачливость, а также находчивость и предприимчивость – все это наглядно передалось по наследству и внуку Александра Николаевича – Николаю Николаевичу Тверитинову¹³

¹² Информация об Александре Николаевиче Тверитинове подготовлена совместно с его внуком Николаем Николаевичем Тверитиновым "третьим".

¹³ Николай Николаевич Тверитинов (р. 8. 12. 1954) – подполковник в отставке. Служил в системе МВД и ФСИН. Занимал должности, связанные с оперативно-розыскной деятельностью; возглавлял отдел собственной безопасности в подразделениях Минюста, отдел взаимодействия с органами МВД по раскрытию преступлений. Родился в Омске, детские и школьные годы провел в Алма-Ате. Окончил Тамбовский педагогический институт и остался в Тамбове. Затем окончил заочное отделение Саратовского юридического института. Был крещен в **Тверитинов Алексей** «Гудьба полковника царской армии»

«третьему» - основателю и Предводителю возрожденного Тамбовского регионального Дворянского Собрания.

Вот один из характерных эпизодов. Зимой 1997 года мы были с Николаем Николаевичем в Рязани в гостях у Предводителя Рязанского дворянства Николая Ивановича Тюнеева¹⁴, организовавшего для нас среди прочих мероприятий и поездку к любимому нами земляку Есенину в Константиново.

Мы мчались на УАЗике среди безлюдных рязанских просторов и лесов по высокой заснежено-заледеневшей дороге. Нас вместе с Николаем Ивановичем Тюнеевым было пятеро (не считая собаки – ротвейлера). Не могу назвать точного места, где это произошло. Помню только, что слева было обширное поле, а справа возникал лес, и уже смеркалось. Неожиданно откуда-то сбоку из-из леса на нас выскочил и мгновенно исчез жигуленок – «восьмерка». Наш водитель увернулся от лобового удара и, слегка зацепив заднее левое крыло Жигулей, тут же попытался выправить положение. Но скользкая дорога в совокупности с ковырячеством УАЗика превзошли водительское мастерство, и мы кубарем полетели в глубоченный кювет.

В принципе, случай достаточно ординарный – многих в наше время постигали подобные ситуации. И последствия в нашем случае были естественными – искореженный автомобиль и набор различных травм у всех участников путешествия, включая и сотрясение мозга... Кроме Николая Николаевича Тверитинова. Он единственный, кто не получил ни малейшей царапины или ушиба.

Однако ситуация сложилась прескверная - мороз, травмы, сумерки и не души. (А мобильников в то время ни у кого из нас еще не было). И тут Николай Николаевич совершил чудо, проявив достойные своего деда находчивость и оперативность. Пока мы все, выбравшись через разбитое окно, приходили в себя, пытаюсь понять, что же произошло, Николай исчез и через какое-то время как наваждение вдруг появился из леса во главе отряда из 18-ти мужиков. До сих пор непонятно, откуда они взялись, и каким образом он их собрал. За ними следовал и трактор «Беларусь».

Под руководством Николая Николаевича наш автомобиль был не только вытаскен из ямы на дорогу, но и приведен в состояние возможности самостоятельного передвижения. Дальнейшие события не

Елоховском соборе г. Москвы. Восприемник Алексей Дмитриевич Тверитинов (автор).

¹⁴ Николай Иванович Тюнеев (1929 – 2009). Выпускник Московского горного института, конструктор. Автор 14 изобретений по технологическим автоматам. С 1995 г. директор издательства «Новое время» (Рязань). Автор нескольких книг, в том числе романа «Соавторы», повести «Завтрашние сироты», сборников рассказов и повестей «Ради любви», «Крылья». Член Союза писателей России.

Тверитинов Алексей «Судьба полковника царской армии»

столь уж важны. Главное - мы были спасены. Добавлю только, что Николай Николаевич отдал нашему водителю свою зимнюю шапку и перчатки, так как стекла машины были разбиты, а мороз, да еще при встречном ветре, существенно давал о себе знать.

В жизни Николая Николаевича Тверитинова случалось немало рискованных ситуаций. Дай Бог, чтобы, как и его деду, ангел удачи сопутствовал ему всегда!

Лебедев Валерий

Пространство части или Целое, живущее без своих частей

Небольшое отступление

Быть, если не большим, то хотя бы претендующим на то, чтобы быть большим.

Быть, если не рабочим, то хотя бы находящимся на заслуженном отдыхе.

...

Два быть. Первое и второе. Начнем со второго. Рабочий? И на отдыхе рабочий. К первому. Даже ребенок, и тот пытается увидеть себя большим. Иногда ему удастся. Маленький, увидевший себя большим. Интересно, большой может увидеть себя маленьким. Что общего? Давно ли, большой + рабочий = миссия. Пролетариат: его путь снизу — на верх. На вершине, великий. На дне, вечный. Из великих — в вечные. Кто-то ухмылялся, были и такие, в увечные. Но общее настроение, еще немного, последнее усилие, и на весах истории эра пролетариата: пролетарии возьмут эти исторические весы в свои руки, сделают из истории — предысторию. Коротко говоря, упразднят свое пролетарское бытие. Себя как класс. Попутно, классы вообще, все классы. На долю истории? Найти подходящего кандидата по собственной части, нашла, задать ему высокое предназначение, задала, теперь не нужна. Дно истории? Есть только классовое дно, соответственно, классовая вершина. С ликвидацией классов остается вершина, только вершина, и ничего более?

1.

Только быть. Не быть? Сначала есть, уже что-то, потому на другой стороне возможно *не быть*.

Теперь поближе к жизни,

обычная, потому не слишком усердная попытка. Понятно, к той жизни, к которой можно быть поближе. Не всякая жизнь подпустит. Иногда удастся. Допустим, удалось. Это дает? Доступ к возможностям, на то и жизнь, без поблажек не бывает. Пока дожدهшься, прошла стороной, изошла. Тот же рабочий, ни чем особым не выделяется. На его горизонте. Потомственный. Доросший. Или дошедший. Погибший? Отдавший жизнь. Выживший. Или переживший. Перенесший. Или переболевший.

Лебедев Валерий «Пространство части или Целое, живущее без своих частей»

Представить прочее можно, но куда труднее. Потому? Что-нибудь попроще. Рабочий, достойный своего большого, или высокого звания. Рабочий, идущий с большого праздника, таковым считался субботник. Или тот же рабочий, числящийся на большом предприятии, скажем, на фабрике мягких игрушек. Где же поблажка, здесь нет пропасти, той, о которой говорят, социальная пропасть.

...

Ранее изложенное, если суммировать: Зеленая линия + Продолжения + Предположения,

дает мне возможность очертить некоторое пространство. Как всякое пространство, оно позволяет вполне определенные действия, а иначе зачем вообще пространство. В данном случае, такие действия — это слова. Произносимые слова, если угодно, звучащие. Им можно придать и другие возможности, или скажем так, другие оттенки. Отскакивающие, от стенки, например. Чтобы отскочили, сначала стенки, потом слова на стенки, стенки отбрасывают, слова падают.

Пространство, в котором могут падать слова. Еще? Пока ограничусь.

Разве слова могут падать, а что может быть со словами, о которых говорят: ничтожные слова, никчемные слова. А если это безумные слова? Безумство слов, надеюсь, песню петь не придется. Безумствуют, наверно, не падают, для подобных слов и нужны стенки, от которых они будут отскакивать. А где же пропасть, та самая, в которую будут падать слова.

...

Допустим, есть, слова, пропасть. Тогда о стенках, такие стенки возможны. Если возможны лбы, о которые разбиваются самые сильные аргументы, почему не возможны стенки. К чему я шел, пришел, чуть иначе, дошел. Неужели до стенки. До точки, как до той кочки, где можно споткнуться. В этой точке нужные предметы, вернее, в их роли выступают слова. Одна сторона. Возможна и другая. Дошел, не путь, который пройден, а состояние, до которого можно дойти. Скажем, состояние абсурда, состояние, в котором волей одного автора оказался один знаменитый персонаж. Тот персонаж, впрочем, использовал в размышлениях совсем другое слово, куда менее приятное. На его примере. Дошел. Вошел. Пребывал. Приятного мало. Выйти? Станный вывод, выходить не обязательно. В любом случае, здесь точка, требующая внимания. А как быть с вниманием, быть внимательным, в нужный момент. Современный взгляд, упор на собственные действия.

Не включать внимание, как бывает в отдельные моменты.

Не выключать.

Постоянно действующая величина. Но есть ли такое внимание, которое может, сможет быть вниманием многие годы. Сможет, скажу так,

Лебедев Валерий «Пространство части или Целое, живущее без своих частей»

работать, не выключаясь, многие годы. Долгие годы. Пример? Так, параллель. Разве можно покупать авто по частям. Купить части, все, собрать. Все одно, покупаешь именно части, не само авто. Не мешает? Весь авто можно сделать частью. В борьбе внимания, понятно, речь о внешних препятствиях, рождается истина. Или не рождается? Так что рождается, или может родиться в борьбе внимания, наверно, радость. Или горечь, если радость, так и останется на горизонте. Какой повод для радости? Радость радости, что это хоть такое?

...

Еще одно отступление, разумеется, небольшое.

К чему шел, к тому и дошел? Подошел. Мне нужен вопрос, из тех коротких, которые предполагают столь же короткий ответ. Предполагают? Требуют. Нужен, но дать не удастся. Не задать, но сразу дать? берите малые. Хорошо, хоть не милые. Пока задать. Не поддается. А если и удастся, только в дискуссионном порядке. Для наглядности. Один из таких вопросов, что такое смысл? Речь, понятно, о человеке. В чем смысл нашей жизни? Начинается, как правило, с отдельного человека. Смысл твоей жизни, выбери, найди, задай, сам себе. Потом вверх, община, город, страна, конечно, народ. Смысл существования, в чем он? Ведь оно, наше существование, длится уже тысячу лет, пора бы и vybrать, на чем-то остановиться. Споры продолжаются.

Нужен короткий вопрос.

По сути, выбрать один из таких, которые уже давно отнесены к разряду вечных. Что есть, не кто, а что? Что мы есть, не кто мы, а что мы есть. О нас самих, а мы сами, это люди? Людишки. Массы. Человечество. На этом фоне, мелькание лиц, хаос. Отдельные лица вдруг начинают быстро увеличиваться, некоторые лопаются. На то и хаос, именно он позволяет увеличиваться или лопаться. Немногие, становятся большими. Труженики, одним словом. А как иначе, если такой человек несет миру, весть? Ну, когда это было, миссию. Он пришел, исполнить миссию. А весть, это когда он уйдет. Вот тогда и придет время вестей. И кто их понесет?

2.

Два человека, всегда можно найти двоих, способных вытерпеть друг друга.

Возможно и обратное, два человека, не способные вынести друг друга. Почему же они живут рядом, в одном доме, пусть даже на разных этажах. Этажом выше. Этажом ниже. Не способны, вынести друг друга. Не способны расстаться, то есть, не способны жить друг без друга. Выход? Известен. Его описал старый писатель. Чем он отличался, я о писателе, от

Лебедев Валерий «Пространство части или Целое, живущее без своих частей»

своих современников по перу? Те помещали в центр одного человека. А этот сразу двух. Один, отдельно взятый? Был и такой. Стоял, = жил поблизости, смотрел на вызревание трагедии. Понятно, мешать не стал, пусть свершится. Возражение? Не знал, верно, кто мог знать. Стоит ли искать, да еще уточнять, почему лет сто пятьдесят, или сто, или чуть меньше, в центр помещался один человек, это был просто Человек. Надо просто принять, в центре один человек, это центр, при желании, ты сам. Все прочее? То, что мешает, должно дать ему возможности. И вот, человек в центре, с ним его возможности.

Это значит? Человек в центре своих возможностей.

Это значит?

Возражение, найдется. Конечно, человек — в центре своих возможностей. Если коротко, бессилие. Отмахнусь, от возражения, на какое-то время. Человек, в центре, какой-то необычный человек. Примеры, есть. Та же Тошнота (2019 — 1938 = 81). Тот человек, понятно, в сопровождении статистов. После чего следовал долгий монолог, на мой взгляд? Чем дольше, тем лучше, пусть выговаривается. Не значит договаривается. Это условие, бесконечное время на слова, соблюдалось не всегда, и даже так, далеко не всегда. Ныне. Можно ли продолжать монолог? Естественно. Зачем обходить, нарушать или третировать традицию. Опять человека в центр, того Человека? Интереснее, в такой центр, а какой-никакой центр всегда можно соорудить, хотя бы вообразить, поместить двух человек.

Почему два?

Ведь можно трех, как поступал старый писатель. Четырех. Или вообще, бригаду. Человек, вызывающий на беседу самого себя, открытие прошлого века. Говоря о прошлом веке, я говорю о 19-ом. Два человека, чтобы могли беседовать, разговаривать, выступать от имени класса, понятно, чтобы сказать нечто неприятное в адрес другого класса. Нет чтобы обменяться любезностями. Классы, любезничающие друг с другом, где вы видели. Невозможен в обществе один класс. Невозможно общество, в котором один класс. Есть один, будет второй. Бесклассовое общество невозможно? Почему же так верили, до того верили, что клали жизни на алтарь бесклассового общества. Целое должно состоять из частей. И два человека — уже претендуют на часть. Один? На узурпацию. Но разве это, я об узурпации, необычное поведение людей. Один. Два. Три. Группа. Две. Три. От узурпации не уйти? Смотря, что будут отводить себе в полное распоряжение. Вернусь к началу, два человека.

Серьезно. Или несерьезно.

Должен относиться серьезно, к чему-нибудь, должно быть что-то такое. А если несерьезно, ко всему? Есть один край. Будет и другой. Что

Лебедев Валерий «Пространство части или Целое, живущее без своих частей»

бы там ни городил защитник абсолютной серьезности. Не парадокс ли? Несерьезность становится основанием серьезности.

Это было? До 1917-го, звучит комично, но был хребет. Будущей государственности.

После 17-го, этот хребет нарастил мышцы, обрел первые формы, длилось примерно до 1922-го. Недолгая пауза. После 1927-го хребет начал менять формы? Начал расти, крепнуть. Соответственно, начал подстраивать пространство части под себя. Преуспел. Продолжалось это, и после 1953-го. Тем более после 1964-го. Попытка вернуться к формам начала, кто не радовался. Хребет как был, так и продолжал свое дело, какое? Продолжал жить. И не только жить. Укреплять себя. Ему так хотелось жить, вечно.

...

В этом месте не помешало бы очередное отступление.

Но я перехожу к заключению, пусть даже и преждевременному. В силу вступает традиция, должна. Их немало. Одна из них, довольно давняя, имеет дело с призраками. Скажем, призрак бродит, сначала по Европе, потом по миру. Так и хочется добавить, с протянутой рукой, пошловато. Погоня за призраком — до недавнего времени. Ныне, кто-то скажет, ушла в прошлое, отошла. Такое резюме — всего лишь повод вывести на сцену очередного призрака. Живы, будут жить, я о призраках. Коль так, возникает альтернатива,

кто я есть

или что я есть?

Мой выбор, конечно, что я есть? Переходя выше, что мы есть? Еще выше, что человек есть? Ответов немало, в глазах рябит. Для наглядности, хорошо известное: мы не пыль на ветру, кавычки опущу. Но нужен не отрицательный, положительный ответ. В такой форме вопрос не выводит на короткий ответ. Это значит, его придется преобразовать. Изменить его внешний вид. В этом и состоит следующий шаг, дать ему, я о вопросе, иную форму. Первое действие, чтобы обозначить развилку на этом пути, можно сделать не выходя за рамки данного пространства. Я о пространстве части, в качестве таковой части использую самого себя.

...

Есть настоящая история, чья история? Наша, другой истории у нас быть не может.

Есть настоящая жизнь, чья жизнь? Наша, другой она быть не может.

Без второго — нет первого, есть кто-то большой, потому что есть кто-то, поставивший себя большим. Раз так, должен быть и небольшой. Потому как ему предоставили возможность быть небольшим, и

возможностью этой он воспользовался. Воспользовался? его поставили, его ограничили, у него есть одно, быть небольшим.

Есть *два быть*.

И есть *два не быть*.

Утрачивается? Разумеется, человеческое, в какой-то части. Добавляется, понятно, не-человеческое, тоже в какой-то части. Наше бытие складывается из двух частей, должно складываться, иначе станет невозможным. Отсюда, жизнь человека = человеческое + не-человеческое. Для наглядности? Скажем, потребление. Да, есть такое в человеке, но как ему прожить без потребления. А истребление? Есть и это, в самом человеке, даже если речь идет об истреблении зависти или алчности. Но кроме этого есть еще и Слово: новый уровень. И здесь то же самое, и потребление, и истребление. Как это делается? Чего проще, взять камень и разбить, не окно, только фонарь, не потому ли появилась улица разбитых фонарей, кавычки опять опускаю. Как ни грустно, потребление не мешает истреблению. Диалектика? Не вижу. Отсюда,

человек = слово + камень.

Более полно, человек = язык + рука = слово + камень. Более полно? не значит, полно. Значит, неполнота. Не потому ли и жива диалектика, что наша жизнь есть неполнота. Конец диалектики? Конец части, всего лишь. Надеюсь, конец этой части настигнет человечество еще до конца истории.

Галина Вольская

Матери-одиночки

Как играет эта девочка! Лучше всех! Руки так и порхают над клавиатурой, в ее исполнении столько вдохновения! Да и сама она хороша, стройная, ладная, с густыми, длинными, светлыми волосами. Светлана смотрит на девочку, наслаждается красивой музыкой и уходит своими воспоминаниями все дальше и дальше назад...

Работать в воинской части Светлана начала в конце семидесятых, вернувшись в свой город с маленьким ребенком и не найдя больше нигде работу по специальности. Да и сюда ее приняли не совсем по специальности, училась она все-таки на физика, но программировать начала в НИИ, где работала по распределению после окончания университета. Не смогла ездить в постоянные командировки, кружилась голова в сборочном цехе. Отец ее ребенка работал с ней в одной лаборатории, он ездил в командировки с легкостью. Вернулся из очередной командировки, узнал, что у Светы должен быть ребенок, и сообщил, что помирился со своей прежней любовью. Он хочет на ней жениться, Света и ее ребенок ему не нужны. Нельзя сказать, что для Светы это было полной неожиданностью, она тоже рассталась со своей прежней любовью, только надежды на примирение там не было. А ребенок ей был нужен, но продолжать работать в одной лаборатории с его отцом, как ни в чем ни бывало, она не смогла.

Коллектив в том НИИ был преимущественно мужской, в воинской части лаборатория программирования состояла в основном из женщин. В таких коллективах любят посплетничать, много знают друг о друге. Поэтому вскоре Светлана узнала, что резковатая, недружелюбная женщина из лаборатории ЭВМ также растит ребенка без мужа, к тому же собирается родить еще одного ребенка, отца которого никто не знает. Об отце дочери Надежды женщинам все было известно, он служил офицером в той же лаборатории, где Надя, был женат, детей у них с женой не было. Оставить жену и жениться на Наде он не захотел, но девочку признал, помогает ей, хотя после рождения ребенка его перевели в другую часть. Надежду все считали очень некрасивой, и главное, что она сама так считала, стеснялась своей внешности, держалась скованно, отсюда порой излишняя резкость в отношениях с людьми. Возможно, опытный косметолог помог бы Наде улучшить слишком сухую кожу, решил проблему с часто краснеющим носом, осанку тоже можно было выправить, ни к чему так сутулиться и горбиться. Только не было в те времена опытных косметологов в небольших

провинциальных городах, и не положено было о них думать советским женщинам.

Света себя некрасивой не считала, на нее обращали внимание, она слышала признания в любви, замуж тоже звали, только не те, от кого она хотела бы это слышать. Высокая, достаточно стройная, с густыми темными волосами, большими карими глазами, но карменовского «меня не любишь, но люблю я, так берегись любви моей» в ней точно не было, уверенности в отношениях с людьми не хватало. А вот высокая требовательность к себе и другим, самостоятельность были у обеих женщин. Ни одна из них не стала бы вешаться на шею мужчине, пытаться удержать его любыми средствами. Чем-то похожие судьбы, характеры, но сближения в то время у них не произошло. Надежда была старше Светланы на десять лет, на многие вещи они смотрели по-разному.

Родился у Нади мальчик. В это время как раз сдавался новый ДОС (дом офицерского состава), ей выделили однокомнатную квартиру взамен комнаты в коммуналке. Специалистом Надя была хорошим, ее работу ценили, впрочем, как и работу Светланы. Квартира Нади находилась прямо перед проходной части, иногда Света заходила к ней в гости. Один раз Светлана нелестно отозвалась об одном из инженеров отдела, и тут же услышала: «Тише! Нельзя так говорить о взрослых при детях!» Свету в детстве вот так же от всего огораживали, слишком оберегали, она считала это во многом причиной своей неудачной судьбы. На ее взгляд детей надо готовить к реальной, а не к идеальной жизни, они должны представлять, с чем им, возможно, придется столкнуться. Надя придерживалась официальной политики государства, вроде бы, если не говорить о недостатках, то их и не будет. К тому же Надя, как многие, считала, что если человек пьет, то у него есть особые причины, его надо жалеть, перевоспитывать. Света убедилась, что пьют большинство просто потому, что хотят пить, и никто со стороны их не удержит и не остановит, если они сами не захотят остановиться.

К слову сказать, детей Надежда не баловала, приучала их к труду, к спорту. Ее дочка Катя занималась в горнолыжной секции. Но вдруг девочка стала худеть, часто болеть. После обследования выяснилось, что у Кати врожденный порок сердца, нужна операция.

Светлана уже пережила подобное со своим Антоном. У мальчика распух и стал сильно болеть коленный сустав. Два года не могли установить правильный диагноз, три месяца Антона продержали в костнотуберкулезном санатории, а потом объявили, что это не их заболевание и направили мальчика на операцию. Почти два месяца Света провела с сыном в больнице. Больничный лист ей не полагался, поскольку ребенку больше года, можно было только взять отпуск без сохранения заработной платы. Светлане помогали ее родители, но она

Галина Вольская «Матери-одиночки»

дополнительно взялась работать в больнице разносчицей на время отпуска той, что работала там постоянно. За это ей разрешили спать на большой кровати вместе с сыном. До этого мальчика положили на детскую кроватку, Светлана же устраивалась сначала на стульях, потом на раскладушке, которую сдавала ей уборщица.

У Нади помогавшая ей мама уже умерла. Сына Олежку ей пришлось оставить с сердобольными соседями и подобно Свете устраиваться нянечкой в больнице, взяв на работе отпуск без содержания. Надо сказать, что сотрудники относились к ним обоим вполне сочувственно. Были отдельные высказывания, Свете начальник штаба заявил, когда она приехала после операции сына: «Задним числом прогулы оформляете?» А начальник лаборатории Нади предложил ставить ей в табеле рабочие дни, спросив согласия у сотрудников. Все согласились, кроме одной, дочки бывшего начальника политотдела.

Операция у Кати прошла успешно, девочка быстро восстановилась, поступила учиться в медицинское училище. Настрадавшийся за время отсутствия матери Олежка тоже учился прилежно, как и Антон у Светы. Но у Светы случилось другое несчастье: покончил с собой ее отец, который ей так много помогал, и которого она горячо любила. Он много пил в последнее время, не мог или не хотел справиться с этой тягой. В день его смерти Света поссорилась с отцом, оба наговорили друг другу много обидного. Отец был очень пьян, попытка самоубийства была не первая, но в этот раз у него не выдержало сердце. Тем не менее, Светлана считала себя виноватой в смерти отца, сильно переживала, написала подробно, как все произошло, в письме только одному человеку, которого любила уже несколько лет.

Познакомилась Света с ним на работе, он приезжал в воинскую часть в командировки. Света ему нравилась, он собирался развестись с женой и жениться на ней, во всяком случае, так ей говорил. Потом выяснилось, что он не может оставить сына, позднее у него родилась еще дочь. Но письма он продолжал писать, Светлана долго не отвечала, а в один особенно грустный момент ответила, и их переписка уже не прекращалась.

Он приехал. Света призналась ему, что хотела бы иметь от него ребенка, он подтвердил, что тоже этого хочет. Трудно определить, насколько они оба были искренни, но ребенка зародившегося после единственной ночи, Света решила оставить. Этот ребенок стал ее спасением в борьбе с тоской по отцу, виной и осуждением себя. Родился еще один мальчик, моложе Антона на двенадцать лет, Светлана назвала его именем отца – Петр.

Работали Светлана и Надежда старшими инженерами, зарабатывали по советским меркам неплохо, возможность вырастить детей у них была. Только жизнь стала стремительно меняться, началась перестройка. Изменения затронули все сферы, не обошли и армию. Всеобщий дефицит, рост цен заставил многих забыть о какой-то гуманности. Все должности старших инженеров передали военным служащим, оклады военных служащих росли значительно быстрее, чем у вольнонаемных. Уже не только продукты, но и одежда, посуда, бытовая техника распределялись по талонам также со значительными привилегиями для военных служащих.

Сдавался новый ДОС, в котором Надежда рассчитывала получить двухкомнатную квартиру, ее однокомнатная стала тесна для подрастающих разнополых детей. Надя обращалась в территориальный округ, там заверили, что квартиру ей должны предоставить. Но ей предложили освобождающуюся квартиру в старом ДОСе с хрущевской планировкой, то есть с крохотными смежными комнатами, маленькой кухней, без балкона. Ничем не лучше ее однокомнатной квартиры, где-то даже хуже. Надя отказалась туда переезжать, ей предложили для вида еще одну такую же квартиру в другом районе и посчитали, что ее претензии необоснованны. Надежда от отчаяния пыталась даже объявить голодовку, но ничего не добилась, только подорвала свое здоровье. Из воинской части Надя уволилась, пошла сначала на рабочую должность на заводе, но родственники помогли ей устроиться по специальности в сбербанк. Компьютеры в городе только начинали появляться, работать с ними не умели, а Надя была хорошим специалистом.

При поиске работы, прежде чем найти сбербанк, Надежда обращалась к одному из предпринимателей, нуждавшемуся в программисте. Надя предложила пойти на это место Светлане, оклад там предлагали в два раза больше, чем Света имела в воинской части. Свете было страшно срываться с насиженного места, но все-таки она решилась. Антон оканчивал школу, ему надо было учиться дальше, Пете предстояло стать школьником. Работать обе женщины умели, работали в полную силу, дети у них также росли работающие, умненькие, оправдывая надежды матерей. Катюша окончила медицинское училище с красным дипломом, поступала в медицинский институт, но получила «четыре» по химии и не стала сдавать остальные предметы, конкурс большой, не пройти. Катя стала работать в аптеке, на работе ее любили, ценили. Олега взяли на открывшееся в военном интендантском училище отделение кадетов, он скоро должен был стать курсантом. Надя хорошо зарабатывала, оделась, стала больше следить за собой, у нее прибавилось уверенности в себе. Появился друг, имевший небольшой

Галина Вольская «Матери-одиночки»

особняк недалеко от ее квартиры, Надя помогала ему в работах на огороде.

Вроде бы все у Нади складывалось хорошо, Катя собралась замуж за хорошего парня, они готовились к свадьбе. В предсвадебных хлопотах Надя поссорилась со своим другом, на свадьбу он не пришел. И зачем-то ей понадобилось вечером в день свадьбы пойти выяснять с ним отношения. Родственники отговаривали ее от этого, предлагали не торопиться, отдохнуть. Она не послушалась, пошла.

Друг был пьян, их ссора продолжилась, он наговорил Наде много обидного. Она сгоряча схватила пузырек с уксусной эссенцией, сделала несколько глотков. Опомнилась сразу же, стала пить воду, но жидкость успела обжечь рот, гортань, пищевод. Друг вызвал скорую помощь, Надю отвезли в больницу, а он не нашел ничего лучшего, чем отправиться к ее сыну.

Что он говорил впечатлительному пятнадцатилетнему мальчику, которого Надя тщательно огораживала от жизненных невзгод, никто не слышал. Должно быть, Олег понял, что матери у него больше нет. Катя зашла в квартиру матери, чтобы взять полотенца и ехать в церковь на венчание. Олег висел в ванной комнате.

Наде сначала ничего не сказали, опасаясь ухудшения ее состояния, но предстояли похороны, Надя постоянно спрашивала о сыне, дальше скрывать было невозможно. В день похорон Света была вместе с подругой, Надя держалась мужественно, насколько могла. А одна из сотрудниц Надежды предложила Светлане:

- Может быть, вы пойдете к нам на работу? Надя не скоро выйдет с больничного, а нам все равно нужен второй программист.

- Нет, нет! Ей сейчас, как никогда, нужна именно ваша поддержка, я не хочу ни в чем конкурировать с ней.

Хотя с работой у Светланы в это время обстояло не очень хорошо. Ее начальник решил, что вычислительный центр ему не нужен, от него мало выгоды, старался сворачивать все работы, разрывать все договоры, которыми он был связан при организации своего предприятия. С предприятия надо было уходить, но только не на место Нади, тем более возраст Нади приближался к пенсионному, ее могли уволить.

Ушла со своего предприятия Света на завод, потом еще несколько раз поменяла место работы. Предприятия закрывались, разваливались, не платили зарплаты, пособия, пенсии. На то место, которое предлагали Свете, приняли молодого мужчину, он немало попортил Наде нервы, пока ей не предложили уволиться в связи с достижением пенсионного возраста.

Но вот постепенно что-то стало налаживаться. Восстановили почти полностью расформированную воинскую часть, где работали Света и

Галина Вольская «Матери-одиночки»

Надя. Света вернулась на свою прежнюю должность, Надя стала работать в военном училище.

Катя хорошо жила с мужем, но детей у них почему-то не было. Многие считали, что дело в Кате, все-таки она перенесла операцию на сердце, опасно рожать. Но Катя просто не беременела, а когда узнала об измене мужа, не смогла ему это простить, они разошлись. Через некоторое время Катя вышла замуж второй раз, у нее родилась чудесная дочка, потом сын. Бывший муж Кати женился, но детей во втором браке у него тоже не было.

Старший сын Светы окончил механико-математический факультет университета, у него хорошая семья, также двое детей – девочка и мальчик. Пете доучиться не удалось, попал в неприятную историю и был отчислен из университета. Но специалист он хороший, работает с увлечением, на работе его ценят.

А девочка, которая так прекрасно сейчас играет, внучка Нади, лауреат нескольких конкурсов. Дай Бог им всем счастья!

Вольский тракт

Снова мелькают за окном на этот раз микроавтобуса деревья посадок, степь, поля, опять деревья. Сколько раз пришлось проехать этой дорогой в ту и другую сторону? Не сосчитать. На автобусах, на машинах, в разные времена года. Деревья то в зелени, то в инее, поля то покрыты снегом, то темнеют вспаханной землей, то светятся желтыми глазами подсолнухов, поворачивающихся вслед за солнцем, потом их потяжелевшие черные головки клонятся к земле, то кивают наливающимися колосьями. Всплескивают разноцветными озерцами полевые цветы в бескрайних степях. И даже если едешь быстро, хочется запеть что-нибудь протяжное, широкое:

«Степь да степь кругом,
 Путь далек лежит...»
 или
 «Эх, дороги, пыль да туман,
 Холода, тревоги, да степной бурьян»

Деревни появляются не слишком часто, их знаешь наизусть, отмечаешь по ним начало, середину, конец дороги. К счастью, ни одна из деревень возле тракта не исчезла, как это случилось со многими деревнями в нашей стране. Некоторые только оказались в стороне от тракта при строительстве новой ветки. С одной стороны хорошо для них, ведь тракт шумит круглосуточно, но с другой стороны тракт дает возможность существовать всевозможным кафе, гостиницам, станциям заправки, жителям торговать местными продуктами.

Когда смотришь на карту мира, видно, как малы знаменитые европейские государства. Одна наша область занимает почти такую же площадь, как Германия, Франция, Польша, Италия. А сколько таких областей в нашей стране!

Не берусь говорить о прежней жизни Саратовской губернии, об этом много рассказывают другие, но при советской власти Саратовская область всегда была одной из мало обеспеченных. И не потому, что люди здесь плохо работают, работают не меньше других, кто-то получше, кто-то похуже. Но руководители области всегда стремились выслужиться перед центром, чтобы их заметили, взяли в Москву на повышение. Жители области их не особенно беспокоили, проживут как-нибудь, не велики господа. Поэтому важнее всего было выполнить централизованные поставки, добиться перевыполнения плана любым путем, в том числе с помощью приписок – кто это сюда приедет проверять. И стоит ли обращать много внимания на дороги внутри области?

Водители, да и пассажиры называли Вольский тракт «саратовские страдания». Старенькие, разбитые автобусы грохотали по буграм и ямам, поднимая облака пыли летом, буксуя в снежных заносах зимой. Весной и осенью в гололед движение становилось иногда совсем невозможным. Особенно опасными считались три холма подряд – «Три сестры», Лисий овраг с резкими, крутыми поворотами. Автобус добирался от Вольска до Саратова и наоборот около трех – трех с половиной часов. Тем не менее, желающих ехать всегда было много, билетов на всех часто не хватало. Вот так проедешь через всю страну, осталось немного, но проехать этот последний отрезок труднее всего. Выручали маршрутные такси, теплоходы, позднее теплоходы на подводных крыльях, но тоже не всегда. На такси и теплоходы на подводных крыльях купить билеты тоже сложно,

Галина Вольская «Вольский тракт»

а теплоход шел по Волге шесть часов, чаще всего ночью, нужно было сидеть на палубе, борясь со сном.

В автобусы в деревнях садились колхозники в черных кирзовых сапогах с такими же черными кирзовыми кошелками. На прилавках возле остановок торговали овощами, фруктами, ягодами, сушеной рыбой. Были ли куры и мясо, сейчас не припомню, не приходилось покупать это там. Наверно, были, но значительно дороже, чем в магазинах, как и на рынках городов.

Вот эту горку мы очень долго не могли одолеть в оттепель перед Новым годом. Автобус поднимался до середины, немного выше и соскальзывал вниз, а дома за праздничным столом ждали близкие. Здесь нас крутило на льду в маршрутном такси. Как-то пришлось проделать это путь глубокой ночью после окончательного разрыва с любимым человеком. На дорогу выскочил заяц и долго бежал впереди машины в свете фар, не решаясь сделать прыжок в сторону. Я поделилась своим горем с незнакомым водителем.

- Плохо ты его держала.

- Совсем не держала.

Перестройка вместе с множеством заводов, колхозов, совхозов уничтожила почти весь речной флот. Вольский тракт остался чуть ли не единственной связующей нитью между Вольском и Саратовом. Увеличилось число автомашин, появились микроавтобусы, но качество дорог по-прежнему оставляло желать много лучшего. Значительно улучшился тракт только когда стал частью федеральной трассы. Построили в некоторых местах новые участки немного в стороне от прежней дороги, часть деревень, приближенных к Саратову, освободили от непрерывного потока мчащихся автомобилей. Но стали скапливаться большие пробки перед железнодорожными переездами, особенно перед станцией Сенная. Проблемы решают, но пока решены не все.

Деревни возле тракта похорошели, их жители сейчас внешне ничем не отличаются от жителей городов, но легко ли слышать постоянно днем и ночью грохот проезжающих машин, дышать выхлопными газами? Шум трассы слышен даже на значительном расстоянии от нее.

Снова мелькают за окном знакомые пейзажи, шумит, гудит, грохочет Вольский тракт...

Аполлонова

1.

Мы живём не для того, чтобы произвести на кого-то впечатление

Не для того, чтобы кому-то угодить, порадовать

Если вдруг это само получается посредством нашего творчества,
особенностей личности, спасибо за это тем, кто за нами присматривает и
даёт нам возможность пропускать через себя что-то ценное в мир:
знания, творчество, ремёсла

Но это не цель

Это лишь результат определённого... пути, предназначения

Мы никому ничего не должны и нам никто ничего не должен

Даже детям...

Даже родители...

Даже...

Какую Америку я сейчас открываю?

Зачем тогда нам эти кандалы и рамки?

Зачем желание произвести впечатление... не просто впечатление —
правильное впечатление

Зачем нам подстройка под тех, кто знает, как правильно и хорошо

Религия, воспитание, литература как рассадник блоков

Политика, навязанная идеология (паразиты сознания)

«Хочешь быть в нашей песочнице и есть кексики, которые стряпает
мама одного из нас, тогда ты должен быть таким то
Хочешь ходить по нашим дорогам, дышать нашим воздухом, получать
наши деньги...»

«И что в итоге с тобой стало. Посмотри»

Отчего бы нам просто не жить той жизнью, какая есть

Цели и задачи... яд ментальной обусловленности

Видно же, что жизнь всё равно каждый день сама корректирует
наше направление, сама выстраивает наши планы, сама реализует цели

Какая мечта исполняется через тебя прямо сейчас...

Не спрашивай

Наблюдай

Какая цель реализуется через тебя сегодня...

Не фиксируй её, она уже завтра может стать другой

Просто живи

С любовью, Катя

2.

Сколько страсти и нежности в объятиях человека, который, возможно, чуть-чуть сомневается в своей силе, чуть-чуть не уверен в себе

В объятиях, напитанных робостью...

Это особый вид страсти, особый сорт преодоления

В таких руках хочется греться, их прикосновения осознанны и наполнены жаром ярких переживаний

В таких руках хочется нежиться, их прикосновения наполнены радостью, ощущением приближающегося чуда

Мы вспоминаем эти прикосновения, мы скучаем по ним, когда отношения выходят на уровень «мы точно вместе» или, того смешнее, «мы свои»

Люди все свободны по сути своей и природе

Ничто не может длиться вечно

Никто не «точно» и не «свои». Это иллюзия. Это скудодушие (есть такое слово?)

из подслушанного

— Вы грубиян, а у Вас был шанс поговорить спокойно с настоящей женщиной...

— Зачем мне эти разговоры? Я женат!

— Пройдёт.

Заметили, что перестали ценить собственные прикосновения к близкому

Заметили, что потухла энергия в руках, глазах, губах

Заметили, что суета и пустая возня по событиям жизни перетягивают внимание на себя, и дела становятся важнее секса

Заметили — руками не трогаем — наблюдаем — в нужный момент (при новом прикосновении, например) переключаем созданную привычку на ощущение, что это всё новое, знакомое

Обнуляемся

Получаем новое удовольствие от привычного и понятного, забыв, что это привычное и понятное

...Близкая мысль...

Художник, который восхищается своими картинами

Поэт или писатель, который уверен, что дал миру шедевр

Музыкант, который тащится под собственную музыку

Будто бы соприкоснулись с ними впервые

Сочинить и отпустить, забыть

И несколько лет спустя удивиться, что создал это

А те, кто заикливается на собственном величии...

Они уверены в том, что достигли своего предела совершенства и больше не развиваются

Они уверены в созданном, они не возвращают, не развивают, не наполняют энергией, а требуют энергетического заряда от «потребителей таланта».

А главное, когда творчество становится привычкой, наработанной схемой, выверенным инструментом, оно перестаёт быть творчеством

«Смотри на жизнь как на секс»

Пусть останутся муки творчества

Пусть останутся муки любви: позвонит/не позвонит, посмотрит ли, поцелует ли, возьмет ли за руку

Пусть будет эта тянущая боль в Душе: сомнения, переоценка, смятение

Навечно

Можно ли измерить объём чувств единицей времени?

Можно

Между нами вечность любви

С любовью, Катя

3.

Только в Царстве Идей существует совершенство...

В остальных пространствах реальности полутона и нюансы

Плоская жизнь с выпуклыми красками, хохолками страсти, рюшами впечатлений и соком жизни, проявленном в реакциях, действиях, основанных на них, и способах разгрести последствия

Мы живём в мире проекций

Выстроенных, никому не нужных концепций

Мерзких духу традиций и отравляющих жизнь ограничений, форматов, ловушек сознания

Мы сделали его таким, потому что с понятным миром — понятнее жизнь

Куда яснее, когда мы получаем на наше машинальное: «Здравствуйте» такое же пустое: «Здравствуйте»

И как непросто с такими, кто, как я, воспринимает буквально

Кто на безобидное «Здравствуйте!» может от чистого сердца ответить: «Не указывайте мне, что делать...»

Ибо «здравствуйте» — это глагол повелительного наклонения, да ещё и с раздражающим переизбытком в нём свистящих, напрягающих мой чуткий слух, звуков.

У меня нездоровая страсть и привязанность к тишине...

Созданная проекция в самый неподходящий момент непременно рухнет, как прогнившая у основания с годами стена

В какую сторону?

Разобьётся ли она о голову «жертвы»: «А я всегда говорил, что от тебя нет толку...»

Или о нашу собственную: «Я сама себе все это придумала, поверила и сделала ложные выводы, опираясь на ложные факты»

Решает случай, решает наша сила намерения... любовь решает

Чтобы проекции не рухнули, мы можем разрушать их бесконечно самостоятельно

Что то придумали себе о ком то: дали оценку, повесили ярлык...

Хвать себя за кончик мысли

Надёжно прибили проекцию?

Теперь отдирайте

Освободите близкого от звёздной пыли, которая убивает его всякий раз, когда требует соответствия себе; планка обозначена — подпрыгивай к ней каждый раз, или я в тебе мощно разочаруюсь

«Медитация» (для самостоятельной практики, читаем по кругу)

Я разочаровываюсь

Снимаю с себя «чары», иллюзии

Влюбляюсь в партнёра, друга, близкого каждый день

Наблюдаю за ним заново, изучаю пристально, открываю каждую его грань

Ищу

Нахожу

Отпускаю

Снова ищу

Такая жизнь будет покруче компьютерной игры стрелялки, где каждое мгновение на нас летит что то... что заставляет защищаться, разрушать приближающийся объект

Бац!

Ещё бац! Вдребезги!

Откуда в другой раз прилетит?

С любовью, Катя

4.

Если тебе нужно принять решение, тебе не нужно опираться на чьи то мысли...

Никакой роли мысли и советы не играют в жизни

Мысли заставляют нас оглянуться на прошлое

Самонадеянно прогнозируют будущее

И, опираясь на полученное, в ходе шатаний по этим иллюзиям они формируют наше «настоящее»

Которое таковым не является

Скорее, искусственное

Смотрят в прошлое, прогнозируют будущее, формируют искусственное

Зыбучие пески...

Зачем мы просим других людей озвучивать нам их мысли, когда даже своим доверять не можем

Мы пишем и получаем отзывы

О книгах, семинарах... творчестве

Это приятно, это ценно для автора, ведущего

Это даже может стать опорой для тех, кто собирается принять решение о покупке, об участии

Но это не должно быть ключевым моментом в начале действия

Ключ в терпении

В умении себя слышать и распознавать правду внутри себя

В способности отличить правильное от верного и возможности грамотно применить эти знания

И опять же: «Где нам об этом узнать. Как научиться»

Начать с основ, добывая их во внешнем по крупицам, откликаясь, осознавая реакцию внутри себя

Где добывать?..

У того, кому доверяем (наставники)

Через то, что питает, наполняет

Возможно, через меня...

Принимая то, что идёт через меня или через других, кто, как и я, занят тем, что настраивает себя на проводимость информации, энергии в этот мир

Через того, кто пробуждает через себя

Через что входить в осознанность — через что угодно

Через писательские техники, марафоны

Через чтение книг

Через совместные медитации и творчество

Путь осознанности — большой путь

Красивый, печальный, лёгкий

Прежде чем начать, задайте себе вопрос, запишите ответ:

«Что случится, сделаю я этот шаг?..»

Это путь

Мы идём его вместе

С любовью, Катя

5.

Я ненормальная, честное слово...

Пригласили на собеседование. Работу не ищу. Но позвали — пошла.

Приятные слова были сказаны в мой адрес.

Заранее напишу, что рада той встрече. Тепло побеседовала.

Возможно, даже посотрудничаем.

Речь о другом. Дали анкету. Как в солидных компаниях.

Всё правильно.

Сухие факты. Имя, телефон, адрес, возраст.

И пошли специфические вопросы, которые якобы определяют мой потенциал и всё такое.

Дошла до вопроса «Кем вы хотели быть в детстве?»

Сама работала в hr, знаю, что правильный ответ: космонавтом, врачом, учителем. То есть высокие и благородные цели с самого детства — это то, что нужно любой развивающейся... не зевайте, я уже до сути дошла.

Итак, вопрос мне, чудачеству земному: кем я хотела быть в детстве? Честно? Дюймовочкой я хотела быть в детстве. Гигантской себя ощущала. Великой в плохом смысле этого слова.

Глаза закрывала, и чудилось мне, что я высотой с пятиэтажку нашу, и руки, ноги длинные. Цвет кожи — голубой. (Кэмерон, привет!).

Ходила — углы сшибала. Всё болело тельце тоненькое. Ноги в синяках.

Поэтому, подслушав, что нужно Богу загадать желание, чтобы оно сбылось непременно, садилась маленькая Катя, поджимала ножки и — «Господи, Хороший, хочу быть маленькой, как Дюймовочка»

Ну...

Графу в анкете пустой оставила.

Не придрались. Но для себя отметила: не та я нынче. Реальные детские мечты вспомнила. А не «правильные, далеко идущие». С любовью, Катя

Плотников Игорь

Андрюха

В школьную пору, на летних каникулах я познакомился с пацаном. Звали его Андрей. Родители его переехали на Север из тёплой и далёкой Украины.

Первого сентября Андрей пришёл к нам в класс, в наш 8 «В».

Мы сели вместе, за одну парту.

У Андрюхи была характерная особенность: он заикался. А когда волновался, говорить он мог с большим напряжением сил.

Первое сентября. Клара Артёмовна, учитель русского языка и литературы, знакомилась с учениками класса. Она, как и Андрей, первый раз вошла в наш класс. Андрей Герасименко - в верхних строчках списка. Клара Артёмовна попросила его встать и назвать себя.

Заикался Андрей на буквах: «г» и «р». А когда заикался, не выговаривал «л» и «с» и притормаживал на букве «н».

- Гэ, гэ, гэ, гэ, – пытался назвать он свою фамилию.

Красного цвета лицо, от напряжения и неловкости, сильно контрастировало с крупными, светлыми кучеряшками.

- Гэ, гэ, гэ, гэ, – Клара молча стояла и терпеливо ждала, когда он назовет себя. Класс был в шоке.

- Гэ, гэ, гэ, – с разных сторон слышались смешки в нашем детском коллективе.

- Гэ, гэ, гэ, – это гэканье продолжалось довольно долго, и класс уже перестал хихикать.

- Ге, – слышалась подсказка откуда-то из угла кабинета.

- Гэа, гэа, гэа, – Андрей старался изо всех сил, но ещё больше волновался и у него ничего не получалось.

Я тоже пытался ему помочь, но он никого не слушал и хотел сам назвать себя.

- Гэасиэннко, – сказал, наконец, Андрюха.

По его вискам текли капельки пота.

Кто-то с места громко назвал его имя и фамилию: «Герасименко Андрей это!» Клара Артёмовна не отреагировала.

Наш маленький подростковый коллектив понял драматичность момента и дружно начал скандировать: «Герасименко Андрей!» Но Клара Артёмовна – педагог с огромным стажем педагогической работы – была непреклонна.

- Ан, ан, ан, – испытание для Андрея превратилось в настоящую пытку.

Пыткой оказалось испытание не только для Андрея, но и для всего класса. Мои одноклассники возмутились... но тщетно.

- Аанддгээй, – сильно растягивая гласные, наконец, произнес Герасименко Андрей.

После этой сцены класс проникся симпатией к Андрею и возненавидел Клару. Сразу и навсегда.

Андрюха был одним из лучших моих друзей!

Неисповедимы жизненные пути: сходятся, идут рядом, разворачиваются, упираются в перекрёстки, пересекаются...

На этой страничке небольшой эпизод из жизни человека. Страничка жизни... миниатюра...

Миниатюра? Жизнь – миниатюра!

...совсем недавно его не стало...

Маликова Эльвира***В клетке с тигром***

Холодные капли осеннего дождя больно бьют по девичьему лицу. Суровый ветер из стороны в сторону бросает маленькое хрупкое тело. Тусклые фонари едва освещают дорогу испуганной тринадцатилетней девочке. Часом ранее пьяный отец снова размахивал кулаками, грозясь убить и жену, и дочь. Если бы супруга незаметно не подсыпала снотворное, вместе с дочерью стала бы очередной жертвой домашнего насилия. Олеся не винила маму – он никогда их не отпустит. Скорее зверски покалечит обеих, чем навсегда оставит в покое. Тихо, на цыпочках девочка выбралась из квартиры. Вдыхая свежий запах упавшей листвы и молча прислушиваясь к стуку пронзительного дождя, Олеся нерешительно двигалась вперед. Она шла, оставляя позади крики, слёзы, скандалы. Шла, хотя знала, что скоро снова вернется в клетку к разъяренному тигру. В клетку, которую она привыкла называть своим домом.

Убийство

– Значит, вы утверждаете, что десятого января ночевали у подруги? – в который раз переспрашивает невысокий коренастый мужчина. По седым волосам у висков несложно догадаться, что ему уже давно за сорок. Блестящая лысина на макушке, отражая тусклый свет одинокой лампы, пускает зайчиков на потолке. Выглядывающие из очков маленькие выпуклые глаза пытаются сбить меня с толку. Я сижу в крошечном кабинете и отвечаю на нудные, однообразные вопросы.

– Также вы утверждаете, что давно не общались с соседкой, гражданкой Юсуповой, и что не имеете никакого отношения к убийству. Двадцать пять ножевых ранений в живот. Кому могла перейти дорогу безобидная восьмидесятилетняя пенсионерка? – спрашивает мужчина. Морщинистые складки на лбу сильнее съеживаются от недоверия.

– Ну не знаю. Не такая уж она и безобидная. Вечно включает телевизор на всю мощь. Аж стены трясутся. А еще она постоянно пьёт чай на балконе. Пила. Потом оттуда же и выливала остатки прохожим на голову. Недавно вообще соседа деревянной тростью на лестничной площадке покалечила. А этот мерзкий стеклянный глаз... Вы его видели?

Моё возмущение прервал вибрирующий мобильник. Я нетерпеливо открыла сумку и попыталась нащупать телефон. Рука задела

что-то холодное и липкое. По телу побежали сотни мелких мурашек. Сердце бешено заколотилось от испуга. Я в недоумении достала небольшой кухонный нож с бордовыми пятнами засохшей крови.

А потом я проснулась.

Ведь я так сильно тебя люблю

Вокзал. Шумные голоса людей, неровный стук колес потёртых чемоданов, печальные всхлипывания провожающих на перроне. Приятный женский голос перебивает беспорядочную суету: «Уважаемые пассажиры, продолжается посадка на поезд Казань – Калининград».

Молодая пара стоит в обнимку у железных лестниц седьмого вагона. Слёзы стекают по покрасневшим щекам светловолосой девушки. Парень нежно целует любимую в лоб.

- Не плачь, глупенькая, у нас ещё всё впереди! – подбадривает он, с трепетом всматриваясь в родные зелёные глаза.

- Но ведь целый год... вдали... друг от друга... – тихо сквозь слёзы произносит девушка, мысленно проклиная разлучницу-судьбу.

Если бы филиал университета не закрыли, ей бы не приходилось уезжать в чужой город доучиваться в головном вузе.

- Всё будет хорошо, ведь я так сильно тебя люблю! – шепчет он ей на ухо.

- Я тебя сильнее люблю! - она крепче прижимается к широкой груди.

Проводница нервно торопит влюбленных. Парень в последний раз целует возлюбленную. Девушка хватает дорожную сумку и поднимается по железным ступенькам. Обернувшись, она грустно машет ему на прощание. Он нежно смотрит в заплаканные глаза, пытаясь надолго запечатлеть в памяти любимый образ.

Они расстаются искренне веря, что через год всё будет, как раньше. Расстанутся, не подозревая, что скоро он сделает предложение не ей, а она не с ним пойдёт на свидание.

Гипермаркет

Мои руки спрятаны в карманах пуховика, а волосы растрепаны от шапки. Я смотрю в пол, не помогая любимому выбирать продукты в гипермаркете.

Почувствовав чей-то взгляд, я обернулась. Все вокруг расплылось, будто размылось фотошопом. Лишь когда-то родное лицо осталось в

фокусе. Зеленые глаза, которые я так давно не видела, по-доброму смотрели на меня издали. Время замерло, оставив нас вдвоем, как раньше. Он вытянул губы, посыл в воздух еле заметный поцелуй, будто шепнув: «Я помню». Старые обиды улетучились. На моем лице появилась улыбка, а в душе – благодарность за когда-то бывшее счастье

Я развернулась, взяла любимого за руку, и мы продолжили гулять по гипермаркету.

Обручальное кольцо

Как бы вы поступили, если бы нашли на улице обручальное кольцо? Продали бы за небольшие деньги или бы прошли мимо, не придав значения? Есть еще вариант – подобрать и надеть на себя в день собственной свадьбы. А потом носить, искренне удивляясь, почему ваш брак – сплошное черное пятно на белом листе вашей жизни.

Один весьма солидный мужчина, будучи мальчишкой, играя во дворе, нашел золотое кольцо и решил, что именно его будет носить, когда женится. Пятнадцать лет бережно укутанное в носовой платок кольцо хранилось в ящике серванта, пока хозяин не встретил девушку и не решил скрепить союз брачными узами.

С первого дня, словно распускающейся клубок нити, стремительно понеслись крики, слезы, скандалы, превращая семейную жизнь в сущий ад. Так продолжалось бы вечно, если бы терпение жены, выкованное из железа, не стало ржаветь и не прохудилось. А затем развод, деление детей, имущества... И лишь тогда – осенение. Дело в злосчастном кольце, которое, наверняка, много лет назад выбросил человек, разочаровавшийся в браке. Ведь говорят, нельзя надевать чужие украшения.

Мужчина продает обручальное кольцо, а деньги относит в интернат, с облегчением открывая новую страницу своей жизни.

Способность людей искать оправдания и перекладывать вину на вещи и обстоятельства поистине удивительна. Люди придумывают суеверия и сами в них верят, чтобы не нести ответственность за неудачи, хотя логичнее было бы перестать говорить неправильные слова, выбирать неправильных людей, делать неправильные выводы и, наконец, самим научиться отвечать за свои поступки.

DZUDZO***Свободная***

Жила – была Бабочка. Беззаботно порхала она над полевыми цветами, кушала нектар и наслаждалась летним солнцем вместе с подругами, такими же красивыми и легкомысленными. Её крылья, большие, черно – красные, с золотистыми крапинками, были настоящим предметом для гордости. При взмахе они вспыхивали на солнце, заставляя муравьев смущенно краснеть, а кузнечиков стрекотать похабные шуточки.

- Я свободна и прекрасна, - каждое утро сообщала бабочка подругам, а те понимающе кивали и повторяли то же самое о себе.

Но однажды вечером, когда заходящее солнце окрасило поле оранжевым светом, на горизонте показались двое. Женщина медленно вела за руку мальчика лет пяти. Она что-то говорила, а он улыбался и просто смотрел вперед. Бабочке понравились новые гости (в поле нечасто заходили люди). Она принялась заинтересованно кружить вокруг, пытаясь заглянуть им в глаза. Ну и, конечно, делая всё, чтобы её заметили, как же без этого!

- Привееееет! Я Бабочка, и я свободна и прекрасна! Как выживаете? – ей хотелось завязать разговор, но её почему-то не слышали.

Или не хотели слышать. На фоне этой мысли они стали нравиться Бабочке чуть меньше. У бабы, к тому же, были морщины, а у пацана не очень чистые зубы. Да и взгляд странный какой-то.

- Ну да ладно, - она старалась не заикливаться на плохом, - всё поправимо, пока я свободна и прекрасна! Наверно, они просто меня не заметили.

Красавица села на цветок, приняв самую изящную позу, чтобы гости увидели её в выгодном ракурсе. Это сработало.

- Сынок, здесь такая красота! – женщина подвела мальчика ближе, - черно-красная бабочка сидит на цветке. Я думала, здесь такие не водятся. Хочешь её? Ты... ведь помнишь, как выглядят бабочки?

Слепой мальчик невидящими глазами уставился вдаль. Потом нерешительно кивнул.

- Она будет жить у нас?

- Она будет только твоей, - заверила женщина, — это лучше, чем любые твои игрушки!

- Да! Хочу игрушку! Лови! – пацан заметно оживился и захлопал в ладоши, по-прежнему глядя в пустоту.

- Э? В смысле, лови?! Подождите-ка! – Бабочка запаниковала, но было поздно.

Очнулась она в какой-то комнате, сидя в банке. И поняла, что умирает.

- Но... я же... прекрасна и свободна... - шептала бедняжка, ломая крылья о стеклянную стену.

А в это время одна из её подруг, лимонно-желтая хохотушка, с любопытством кружила на поляне перед слепым мальчиком и его мамой.

- Здравствуйте! Взгляните, как я прекрасна и свободна! Нравятся вам мои крылья?

Счастье

- Здравствуйте. Чего желаете?

- Не знаю... Я пришла... уснуть, может быть? Или умереть? Где у вас здесь умирают?

— Это Вам не сюда, здесь храм Снов. Все здесь рано или поздно пробуждаются ото сна. Вам надо выйти через ту дверь, потом по тропинке налево. Там храм Смерти.

- Спасибо.

В прохладном главном зале храма повсюду были люди. Спящие люди. Мирные люди. Неподвижные тела тихо лежали на полу, как мешки, укрытые одеялами. Все в просторных серых балахонах – их выдавали всем, кто пришел просить помощи в обитель Снов. Дети и взрослые тихонько сопели, кто-то постанывал или бормотал. Стены и мраморный пол тоже были серыми. Даже воздух имел серый привкус. В гулкой тишине раздавались только аккуратные шаги прислужников. Кого-то будили – «Ваше время вышло, лимит сна исчерпан». Кого-то, открывшего глаза раньше времени, мягко успокаивали – «время еще есть».

Ей было невыносимо. Боль в груди жгла, давила, рвала сердце на части. Слабость в руках. Хотелось согнуться, сгорбиться, держась за рану в груди, закрывая её руками, как настоящую, кровоточащую. Увы, настоящей раны не было. Её ведь никто не наносил? Никто не делал ей больно, так?

«Ты всё это себе придумала. Ты вообще слишком много думаешь. Попробуй не расстраиваться и расслабиться. Почему ты не любишь людей?», - без конца советовали ей все, к кому она обращалась - мудрецы, лекари, знахари, звездочеты, даже уличные гадалки.

А обращалась она ко многим. Сколько же лет она бродила по миру в поисках ответов... нет, облегчения? Два, три года? Да нет, началось-то это с детства, наверно. Боль в груди, чувство несправедливости, обделенности, униженности. Чувство, что...

«Тебя здесь не ждали». «Ты грузишь, отстань». «Чего ты переживаешь, я не понимаю?».

Итогом стало её изгнание. Нет, по сути дела, её никто ниоткуда не изгонял. Она ведь принцесса, в конце концов, дочь короля. Законная наследница. Для родителей и государства – надежда и опора. Для придворных – умная и старательная девочка. Для принца...

Принц был сторонником прогресса. Когда их познакомили, он показался ей интересным и веселым молодым человеком. Остроумным, проницательным. Её мысли подхватывал на лету. Здорово же, правда?

Нет, не здорово. Он её не слушал. Когда она пыталась поделиться с ним сокровенным, донести свои переживания (а наша принцесса любила переживать, она вообще любила эмоции), он смеялся и шутил. А потом опять нёс очередную прогрессивную чушь, услышанную краем уха от соседних принцев.

Она любила этого балбеса. В конце концов, он был её единственным другом. Куча мыслей и идей роились в её голове. Да, в этом они с ним были похожи. Мысли надо кому-то говорить. Обязательно надо, иначе что это за мысли такие, которые ты никому не можешь сказать? А он опять не слушал. Или слушал и тут же забывал.

«О, а ты разве это говорила?». Или начинал поучать, вот это было самое противное.

«Нет, ты не понимаешь, дай я тебе объясню!».

В такие моменты хотелось бить его по губам.

Но принцесса сдерживалась. Потому что любила и боялась потерять хоть кого-то, связывающего её с миром людей. Хоть кого-то, кто её... слушал... слышал?

Один раз только не сдержалась. Дело в том, что у принца была привычка – тискать и целовать по углам служанок и молоденьких (и не очень) кухарок. И принцессу. А потом опять кухарок. Наш принц, повторюсь, был очень прогрессивным. Он где-то вычитал, что это «флирт». Что такое «флирт», принцесса не понимала. Зачем это?

– Зачем ты это делаешь? Ты ведь их не любишь?

– Ой, вот только ты меня не грузи, а? Мне просто весело.

Тогда она и ушла. Собрала нехитрые пожитки (наша героиня росла в строгости, несмотря на положение, и могла довольствоваться малым), закинула всё в телегу и отправилась в путь-дорогу. Телегу, кстати, потащила на себе, рассудив, что физическая тяжесть и боль в мышцах хоть немного затмят боль в груди.

Не вышло. Много времени прошло, одежда вся поистрепалась, ноги стерлись. А боль всё не проходит. Слышала из дорожных сплетен, что принц женился и ждет наследника. Не могла смотреть на целующиеся парочки.

- Он тебя бросит! Дура, беги от него!

Парочки странно смотрели и крутили пальцем у виска.

Потом услышала о храме Смерти. Он входил в единый храмовый комплекс со святилищем Снов и обителью Счастья. Не могла понять, чего хочет больше. Уснуть, просто отдохнуть от всего этого? Или умереть и расслабиться насовсем?

- Что будет, если меня не станет? – задала она вопрос служителю Снов, терпеливо дожидавшемуся у выхода.

- Полагаю, мир продолжит существовать. Не думаю, что что-то изменится.

- Да... согласна. А там, за гранью... там что-то есть? Вы знаете?

- Нет, миледи. У Вас есть шанс это проверить. Не хотите всё-таки поспать? Утро вечера мудренее, знаете ли, - служитель мягко улыбнулся, ни на чем не настаивая.

Она молча направилась к соседнему зданию. Высокое, из черного камня. Без окон. На входе стоял слугитель в черном балахоне.

- Здравствуй, - надо же, такой ласковый голос, - вижу, ты устала? Есть хочешь?

Бритый мужчина приветливо протягивал руку. За приоткрытой дверью была темнота. Бросив взгляд вправо, она увидела белое здание с золотой крышей.

- А... Извините... - ей почему-то стало стыдно, - я, наверно, схожу ещё туда...

- Конечно, - он понимающе улыбнулся, - ты всегда можешь сюда вернуться.

Возле обители Счастья её встретила женщина в белом платье. Её волнистые волосы были такими же золотыми, как крыша храма.

- Здравствуй, - она смотрела очень спокойно.

- Неужели это правда? – недоверчиво оглядела её принцесса, - Неужели счастье существует?

Женщина взяла её за руку и повела внутрь.

- Но здесь же ничего нет! – воскликнула принцесса, оглядывая пустую комнату.

Через витражные окна лился мягкий голубой свет. В воздухе танцевали золотые пылинки.

- Потому что счастье у каждого своё, - ответила женщина, - оно находится здесь, - она ткнула пальцем принцессе в грудь, - а в храме лишь принимает зримую форму.

- У меня... разве у меня может быть счастье?

— Это ты мне скажи, - впервые за их разговор улыбнулась женщина.

Принцесса ощутила какую-то тяжесть в руках и посмотрела вниз. Она сжимала веревки. Тонкие, но невероятно прочные. Их были десятки. И все они тянули её вниз, в пол комнаты, где терялись концы. Мышцы напряглись, локти и плечи заныли. На ладонях выступила кровь.

— Это принц... А это... Это мои родители! Мой титул, королевство! – она могла назвать каждую веревку.

И тогда она разжала пальцы. Страдания, боль, страхи. Вечная погоня за выдуманскими образами. Прошное. Всё выскользнуло из рук, исчезая где-то внизу. Принцесса... вернее, нет, она больше не была принцессой. Молодая женщина стояла посреди комнаты. Опустошенная. Счастливая.

Самый лучший День рождения

- Доброе утро, дорогая. С Днем рождения.

Гарри, проснувшись, первым делом совершил важный ритуал – поцеловал дремлющую жену в щёку. Она ведь так любила понежиться в кровати, к тому же легли они вчера поздно. Опять заболтались, прям как дети в свои 60 лет!

Меган мирно посапывала. Решив сделать ей сюрприз, он надел выстиранную одежду, которую его любимая всегда оставляла на тумбочке, и тихонько отправился в сад. Предстояло много работы. Вчера Меган как бы вскользь упомянула, что ей нравится фигурная стрижка кустов. Могла бы прямо сказать, что хочет такой подарок, дурочка! Гарри улыбнулся про себя от ощущения, как хорошо знает малейшие движения её души.

Спина болела, садовые ножницы натерли мозоли, но часа через два дело было сделано. В саду красовалось криво выстриженное подобие сердца. Наверно, Меган уже встала и готовит завтрак. Надо поспешить.

Подходя к веранде, Гарри ожидал ароматов готовящейся еды и шкворчания сковородки, но почему-то было тихо.

- Меган? – позвал он, заглядывая в кухню через окно.

Она сосредоточенно смотрела на нож, думая, с чего начать. Подняла глаза и молча улыбнулась ему. Как всегда, тепло и спокойно. Они вместе принялись готовить самый лучший завтрак в мире.

Ближе к обеду Гарри вспомнил, что обещал дочери опробовать новый пылесос. Она заказала его откуда-то издалека, и стоил он безумно дорого. Но на все уговоры оставить чудо техники себе дочка отрезала: «Папа, ты должен поддерживать дома чистоту и уют!». Странно, забыла она что ли, что уютом у них всю жизнь занималась Меган? Как бы то ни было, обещания надо выполнять.

На возню с пылесосом ушло гораздо больше времени, чем на куст. Гарри чертыхался, распутывая провода и читая инструкцию. Благо, Меган молча стояла рядом, нисколько не мешая. Наоборот, он заметил, что её присутствие успокаивало.

Покончив с проводами, Гарри вытер лоб.

- Пожалуй, это был насыщенный день. После работы полагается отдых, не так ли?

Меган кивнула и направилась в гостиную. Вот-вот начнется матч их любимой команды, нельзя такое пропустить! Удивительно, но жена разделяла и мужские интересы, в том числе, любовь к спорту. К сожалению, удобное кресло было только одно. Как глава семьи, его занимал Гарри. Он несколько раз порывался уступить Меган, но жена только улыбалась, прислонившись к стене. Наверно, отсюда ей лучше видно...

Ближе к вечеру Гарри заявил, что с готовкой на сегодня покончено. И вообще, приличные люди отмечают праздники вне дома.

- Тебе понравится.

Жена удивленно приподняла бровь, но ничего не сказала.

Он привез её в парк. Лето. Зелень. Резвящиеся дети. Это место всегда было полно жизни.

- Да, это оно, - он мягко взял жену за руку и повел по аллее, - Ты правильно поняла, любимая. Здесь мы впервые встретились, помнишь?

Она только крепче сжала его руку.

Перед сном они, как обычно, болтали о всякой ерунде. Точнее, говорил Гарри. Меган лишь кивала и внимательно смотрела на него.

Она всегда так делала. Например, в тот день, когда решила сесть за руль злополучной машины. Гадкий день! Гарри внезапно разозлился. Злость звенела в нём всё громче, оглушая...

Прозвенел будильник. Такой живой сон... Надо собраться, сегодня особенный день. Разогревшись с помощью клюшки для гольфа, он заодно

DZUDZO «Самый лучший День рождения»

выпустил остатки злости. Сегодня ни в коем случае нельзя злиться. Меган расстроится.

Через несколько минут он привел себя в порядок. Белоснежная рубашка и отглаженные брюки должны усилить ощущение праздника. Праздника...

- Доброе утро, дорогая. С днём рождения, - сказал Гарри, целуя фотографию в траурной рамке.

Назарова Светлана***Отрешенная***

Она вышла из электрички только потому, что бабушка, сидевшая рядом, тронула ее логонько за плечо и сказала, что поезд дальше не идет. Выйдя на улицу, она секунду постояла, глядя перед собой странным взглядом, и нерешительно направила шаги свои вслед за старушкой, чья маленькая сгорбленная фигурка в длинной черной юбке и старенькой куртке медленно двигалась к автобусной остановке. Обе они вошли в видавший виды автобус и уселись рядышком. Автобус скрипел и фыркал, унося своих пассажиров из маленького городка на вольные просторы деревень. Люди громко разговаривали, обмениваясь новостями после шумного Питера, мельтешили, как будто впитали городскую суету и сейчас пытались выплеснуть ее сразу же, не доехав до дома. А может быть предчувствие привычного домашнего, деревенского быта навело на них оживление...

Молчали в автобусе только две женщины: старушка и белая женщина, что пошла за ней. Она действительно была белой, потому что розовый шарфик, что окутывал шею под светлой курткой, подчеркивал болезненную бледность ее лица. И не было на этом матовом лице ни одной складочки, отвечающей на происходящее вокруг. Оно ничего не выражало. И взгляд был углублен в себя, и был он темен. И не было мыслей в этом взгляде. Женщина была молода и очень красива...

Водитель остановил автобус в последней деревне и, приятно потянувшись, выскочил на дорогу. Старушка спросила женщину, к кому она приехала в их деревню, но ответа не получила. Молча, вышла она и направилась к дому. Но развернулась вдруг на середине моста через речку и вернулась. Она подошла к женщине, взяла под локоток и повела ее к дому, шепча про себя тихую молитву. Сразу же за остановкой, что была у продовольственного магазина, стояли три церкви, мимо которых шли женщины. Храмы были полуразрушены, печальны, но красивы. Старушка останавливалась перед каждым и благоговейно крестилась. Женщина смиренно ждала. Старенький, покосившийся домик на другом берегу речки ждал свою хозяйку. Старушка сразу же затопила плиту, сварила картошечку, достала с погреба разных овощных заготовок, вскипятила чайник. В доме женщина также молчала. Медленны и печальны были ее движения, словно во сне. Старушка накормила гостью, вывела ее во двор, усадила на скамеечку и сказала: «Подыши чистым воздухом». Весна еще только, только заявила о себе растаявшим снегом и светлым вечером, а запахи весны пьянили, кружили голову. Старушка

тихо ворковала: «Как хорошо в Лавре-то, как хорошо... Думала, доживу до весны, съезжу. Съездила, помолилась. Слава Богу. А дома-то какая красота... Вишь как день удлинился. Уж сколько времени, а светло! Скоро и травка откликнется, и деревья, и всякая живность... Одно слово – рождение. Все как будто заново родится, а всего лишь просыпается. Ну и нового всего тоже много будет. За все, слава Богу. А ты не томись. Поживи сколь надо, а потом все и расскажешь. А я тебе досаждать не буду, приди в себя, а то ходишь, словно отрешенная. Ну, да ладно, иди, ложись, милая, умойся сначала, я все тебе подам».

Утро было таким же безмолвным, но светлым. Белая женщина ходила за хозяйкой след в след, молчала. Она все слышала и делала то, о чем просила хозяйка, правда не совсем умело... А по хозяйству было дел много... Все надо было успеть сделать вовремя. Сидеть рядом с гостьей и ждать ее выздоровления (а то, что она больна, хозяйка была уверена) старушка не могла. Маленькая пенсия не прокормила бы ее. Огород и сад было необходимо содержать в порядке, иначе урожая не дождешься, а без урожая стол будет скудным, и дни потянутся уныло. Старушка же была очень приветливой, хлебосольной хозяйкой. Она всегда встречала гостей – односельчан пышными пирогами с начинкой из яблок со своего сада, напитками из смородины. Малиновые пироги ее славились на всю округу. И много, много она умела готовить всякой всячины из овощей, не зная даже названия ароматным блюдам. Всему этому она была научена своей бабушкой, мать которой служила кухаркой в господском доме, который стоял за храмами. Женщины в их семье, так или иначе, были связаны с усадьбой. Они впитывали атмосферу дома на холме, невольно подражая ее обитателям. Господа всячески прививали своим подопечным культуру, тем самым, воспитывая их. И это воспитание бережно пронесли женщины через поколения. И всем новым знакомым уже в советское время казалось, что женщины сами «из бывших». Все они любили читать, и доказательством тому была богатая библиотека. И, безусловно, в книгах черпали они знания, самообразовываясь.

Старушка же, которую звали Ольгой Петровной, была одинока. Она работала в местном совете до самой перестройки. И было ей уж много лет. И жизнь ее была печальна, полна потерь и потрясений. И пусть некоторым моим соотечественникам не нравится то, что пишут и говорят о репрессиях, видите ли, набило уж оскомину, но такова была страшная реальность в нашей многострадальной стране, что людей арестовывали по ложным доносам, увозили и уничтожали, иных расстреляв сразу, других мучили долго на дальнем Севере, на колымских рудниках, на лесоповале, на великих стройках страны. Не обошла эта участь и семью Ольги Петровны. Отец ее не вернулся после ареста. И уже после разоблачения культа личности Сталина, много позже узнала она о его

Назарова Светлана «Отрешенная»

гибели на далекой реке Колыме, и была ей назначена небольшая денежная субсидия, при получении которой она каждый раз, всплакнув, ездила в храм, в город и заказывала об отце сорокоуст. Заказывала она также поминание об усопшей матери, которая недолго прожила после отца, в ожидании собственного ареста, как члена семьи врага народа. Поминала она и мужа своего героически погибшего на фронте, и детей своих, безвременно ушедших от нее, погибших уж после войны, подорвавшихся на mine в лесу, когда собирали они грибы вместе с другими мальчишками, которым «повезло» больше, они лишь стали калеками, кто без руки, кто без ступни... Но, несмотря на потери свои, печаль ее была светла. Она отнюдь не ожесточилась, нет, напротив, была смиренна и проста в общении, отзывчива и добра. О мудрости ее и решительности в нужный момент складывались даже легенды, над которыми она посмеивалась, но когда нужно было за кого-то заступиться, делала это незамедлительно, но очень своеобразно, так, что обидевшие и обиженные становились друзьями навек, а, то и родственниками. Но жила она в деревне, отличаясь от сельчан; часто молилась перед разрушенными храмами, а если удавалось достать ключи, открыть их, то стояла в пустом храме на коленях долго и смиренно, вся в слезах. И слезы эти не были для нее горькими, она каждый раз как бы очищалась. Часто видывали ее и на холме, где прежде стоял дом господ...

А барский дом сожгли после революции свои же сельчане, вынудив тем самым уехать господ в Париж. Храмы же сжечь побоялись. Видимо, Божий страх все же был в них в те лихие годы. Ну а затем храмы использовали в хозяйских нуждах: под склады. Вот и перестройка грянула на село, разрушив уже советское устоявшееся начало. И ничего уже не сжалось на осиротевших полях, и хранить на складах было нечего. И, как будто притихло все кругом в тяжелом ожидании... Молодые уезжали из деревни в поисках работы, а старики доживали свой век в каком-то тихом удивленном унынии, чуя нутром, что при их жизни не будет деревня, как прежде просыпаться с шумом тракторов и машин, не будут весело и задорно звучать женские голоса на фермах. Молодые, полные сил мужики, не будут степенно вести разговоры в свободное время, которого так мало бывает в деревне, и не будет у этих мужиков уверенности в себе, в завтрашнем дне... Но жизнь продолжалась, порождая ежедневно новые и новые заботы и проблемы, без которых на Русской земле, видимо, существование невозможно... Сколько выпало на эту деревню испытаний, уж и счесть невозможно! Сколько полегло безвременно в гражданскую войну, в годы репрессий, когда сосед доносил на соседа, пытаясь выжить в страхе, забыв про страх перед Богом. А скольких не дождались с Отечественной войны. Многие погибли в эти годы и в деревне, во время оккупации... И напрасно люди говорили: «За что,

Назарова Светлана «Птрешенная»

Господи?» За все, за все грехи, за костры у храмов, когда сжигали иконы и сбрасывали кресты, за ту картошку, что хранилась в осиротевших храмах, за расстрелянных священнослужителей, за вероотступничество, за новых идолов...

Но совсем недавно произошло событие, взбудоражившее всю деревню. К ним приезжал из далекого Парижа потомок тех самых господ, покинувших Родину после революции. В деревне уже давным-давно забыли про них. А они не забыли свое поместье, свой сгоревший красивый, большой дом, недалеко у бегущей реки. Не забыли храмы, которые были выстроены на их средства, луга, поля и небо над ними...

Господин долго бродил по округе, печально глядя на останки фундамента от погибшего дома, молчал... Затем, как будто, приняв решение, приблизился к храмам, перед которыми помолился сразу по приезде, благоговейно и торжественно, вызвав у местных мужиков, которые привыкли только к поклонам бабушек, искреннее удивление и уважение. Они поджидали его у храмов, смущенно. «Дом то хозяйский не уберегли»,

почувствовав себя, вдруг варварами, шептались они. «Да не мы же, не мы, деды наши пожгли», проговорил один из них, виновато... «Деды, не деды, а все одно мы – русские. Нам и ответ держать перед человеком и пред Господом. Вон он приехал, поздоровался, представился, как надо, про жизнь нашу распрекрасную расспросил. А мы что разбогатели, поумнели, от того, что все порушили в хлам. Храмы сохранились, да святой источник, слова Богу бьет нам во благо. Но если попросит помощи человек, помочь надо», сказал степенно Иваныч, пожилой учитель, всеми уважаемый в селе и так ими называемый.

А святой источник действительно беспрестанно изливал свои благодатные воды, бил из-под земли еще испокон веков. Он был левее храмов, и чуть дальше них, на склоне другого холма. Над ним высилась небольшое строение, где висели образа, которые никто не трогал, а в предбаннике люди могли раздеться перед тем, как окунуться в него, перекрестясь. Все ходили к этому источнику за водой в Крещение, стараясь запастись святой, крещенской водой на весь год. И вода стояла во всех домах до следующего Крещения и лечила тела и души сельчан. Еще прадед нынешнего гостя впервые построил над источником часовенку в честь чудесного выздоровления своей любимой жены. Она начала купаться в источнике по благословению священника, который служил в храме, теперь возвышавшемся посередине, между двух других, построенных позже. Храм этот был освещен во имя «Всех Святых», и поэтому в деревне называли его «Святые». Барыня эта уже жила без всякой надежды на выздоровление. Они с супругом объездили все модные курорты Европы, но безрезультатно. Она попросилась домой, в

Назарова Светлана «Птрешенная»

имение, где и мечтала умереть в тиши родных березовых аллей. Но случилось неожиданное... Ежедневные купания в источнике, молитвенное стояние в храме, пост, сотворили чудо: она выздоровела... Супруги вели благопристойный образ жизни, принимали живое участие в делах деревни. На господские деньги была построена школа, а затем и маленькая больничка, которая, впрочем вполне удовлетворяла нужды сельчан... Но, вдруг, началось строительство новой церкви, левее уже стоявшей, старой. И была эта церковь освящена в честь Святого великомученика Пантелеимона, молитвенника и целителя. Строительством храма господа возблагодарили Бога за чудесное выздоровление барыни. И много, много поломников потянулось с тех пор к храмам, к источнику, и многие, многие выздоравливали и несли свои сбережения на благодарственные молебны. Тем временем 28 июля барыня-красавица благополучно разрешилась сыном. И тогда на средства барские и многочисленных прихожан была построена церковь во имя Смоленской иконы Божией Матери, именуемой «Одигидрия», путеводительница, потому что в этот день был праздник «Смоленской», как стали и именовать ее крестьяне. Храм вырос справа от старой церкви (во имя «Всех Святых»). И тогда площадка вокруг храмов, холмик, где журчал источник, бывал полон людьми. Был построен дом для приема поломников, трапезная. И местные жители торговали у речки, куда сбегали воды от источника с холма. Постоянно дымили большие, медные самовары, обвешенные бубликами. Подавали также свежее испеченные пироги, рыбу, домашние хлеба. И не было шума нигде и никогда. Люди чинно садились за простые, строганные столы, неспешно, и долго распивали всевозможные чаи и мирно беседовали после причастия и купания в источнике. И никогда и никто не оставался на ночь без крова, все они размещались в деревенских домах, радушно принимаемых хозяевами, если дом для поломников бывал полон. Но те благословенные времена давно прошли, оставив память у сельчан, которые иногда, собравшись где-нибудь, по случаю, передавали из поколения в поколение многочисленные рассказы о выздоровевших в Святых местах. И были вместе с тем всевозможные людские жизнеописания, которые поражали и удивляли иногда, и поучали часто, ибо тяжкие грехи приводили к болезням и потерям.

И вот сейчас им предстоял нелегкий разговор с тем красивым мужчиной, одетым совсем иначе, чем они, богато, опрятно.

Он подошел к ним, молчаливый и грустный. Снова поклоняясь храмам, обратился к ним просто и вежливо. Говорил он с акцентом, но старался правильно строить фразы. Он подробно рассказал о своей семье, раскиданной по всему земному шару. Рассказал о том, как встречаются они все вместе, как передают из уст в уста все, что было

Назарова Светлана «Птрешенная»

передано им предками, впрочем, уже были изданы мемуары последнего хозяина сгоревшего дома. Им было несладко в изгнании. Много, очень много трудностей выпало на их долю... Но сохранили они в душе своей любовь к отеческим холмам, к Святому ручью, к храмам. И неважно уже теперь, что вместо дома возвышается лишь только холм, проросший кустарником, важно, что сохранились храмы. И обратился он к сельчанам с просьбой: помочь восстановить их. Все! Он обязался решить все финансовые трудности, доставку материалов, а сельчан просил об одном: провести все работы. Он мог бы нанять за деньги мастеров с Питера, но попросил именно своих, сельчан. Люди были удивлены, благодарны за доверие. Многие мужики и сами были мастера хоть куда, а иные научились всевозможным новейшим технологиям в строительстве в Питере, куда не один год ездили на заработки. Они были рады тому, что пока будет эта Богом данная работа, не надо будет отправлять сыновей в город. Рады были тому, что оплата полагалась высокой... Господин рассказал, что завтра они приедут с архитектором и прорабом, которые и будут ими руководить, как специалисты, знатоки русской старинной архитектуры.

И, вовсю уже кипела работа по восстановлению храмов, все они были в лесах, обновлялись постепенно, ежедневно. И радостью наполнялись сердца сельчан, и каждый в свободную свою минутку спешил туда и оказывал посильную помощь. Вначале проводили уборку, которая отняла бы много времени и сил, если бы не помощь сельчан. Все, кто мог: старики и дети, мужчины и женщины, все приходили к храмам с мешками и с носилками, с лопатами и ведрами, с вениками и тряпками. Спокойно, без суеты убрали они церкви дочиста. Ольга Петровна была непременной участницей столь важного действия.

И сегодня, решила она, пойдут они с ее новоявленной квартиранткой к храмам, к источнику, и будут ходить сколько Господь назначит... Еще утром, суетясь на кухне, вела она этот важный разговор с отрешенной женщиной, уже не заглядывая ей в глаза, зная, что пока слова ее не важны для нее, что пока она их даже не слышит, слыша все, но верила: все изменится... И, поработав в огороде до первых признаков ранней, старицкой усталости, отдохнув, отобедав, пошли они через речку к храмам. Женщину она нарядила в свои старенькие, но чистые одежды, и не отличалась приезжая теперь от деревенских, если бы не молчание и этот темный взгляд. На стройке встретили их приветливо и радостно, но радость переродилась в удивление, изумление... «Отрешенная, дай только», шептались вокруг. Но Ольга Петровна объяснила все просто и быстро, со свойственной ей мудростью. «Молитесь все за нее!» И закипела работа в храме. Каждый выполнял то,

что предписывали прораб, да бригадир, из своих. И отрешенная женщина вслед за хозяйкой своей занималась делом...

Затем, умаявшись, старушка, взяла за руку женщину, и, перекрестившись, с поклонами, вывела ее из церкви, повела к источнику. «Не бойся, не простынешь, Господь милостив, разденься, окунись вслед за мной в Святую воду источника», приговаривала она, помогая женщине. Они осторожно спустились по ступенькам в холодную воду, и тут старушка впервые увидела в глазах приезжей ответ на прикосновение воды. Она, слегка испугавшись, удивилась, приостановилась и ждала. Но внимательные руки Ольги Петровны успокоили ее... После купания, женщина прилегла на скамеечку, не в силах сдвинуться. Старушка засемила к храму и, раздобыв пару телогреек, заботливо укрыла женщину, присела рядом. Затем, дав ей немного соснуть, увела домой, уложила в постель. Наутро заметила она, что мертвенная бледность исчезла с лица отрешенной, она казалась более оживленной, чем вчера... И работа в огороде и в храме спорилась в ее руках, и повторное купание принесло ей покойный, длительный сон до утра.

Так продолжалось немало дней. Однажды отрешенная взяла в руки карандаши, что стояли в стаканчике, давным-давно никем не касаемые, бумагу, что лежала стопочкой, приготовленная для записок в храме, для сочинений, которые писала старушка иногда, растроганная каким-нибудь событием, хотя она не считала себя писательницей, отнюдь нет, просто ей было приятно «высказаться» на этих листках, и в деревне знали, что она пишет, видели не раз ее за этим занятием, и относились к этому уважительно. Писала она и об односельчанах, которые поражали ее какими-то странными действиями. Частые посиделки в зимние вечера иногда сопровождалась чтением повестей и рассказов. Слушательницы смеялись над собой, над соседями, но чаще плакали, вытирая слезы краешком платка, ибо были эти повествования столь реалистичны, что прожигали душу. Жизнь сама ложилась на бумагу, рукою Ольги Петровны. Писала она легко и просто, так как думал, так как давалось Господом. И когда, удивленные женщины, хвалили ее, говорила: «Бог даровал, не я». И еще знала она, что когда-нибудь записки ее прочтут, близкие ей люди, и опубликуют, и поэтому время от времени редактировала их.

Женщина долго смотрела на бумагу и карандаши, как будто вспоминая что-то, вдруг нарисовала храмы, к которым ходили они ежедневно. Рисовала она на память, все как было, в лесах, с людьми... Ольга Петровна была поражена и растрогана. И увидела она лицо преобразившейся женщины: оно было одухотворено. Глаза отражали радость и удовольствие... И тогда старушка приняла решение и сама удивилась тому, что не додумалась до этого раньше. Она решила

Назарова Светлана «Отрешенная»

написать заявление в милицию, с просьбой отыскать родных отрешенной. И мысль эта зародилась у нее потому, что она решила, что рисунки эти смогут помочь милиции в поисках, будут подсказкой. И еще решила она купить ей краски, кисти, бумагу для рисования...

По приезде из города, Ольга Петровна загрустила. Она уже не сомневалась в том, что скоро, очень скоро расстанется с полюбившейся ей женщиной, которая в столь короткий срок стала для нее родной. Течение дней продолжилось. Все было, как прежде, но Ольга Петровна, все чаще вздыхала, иногда потихонечку и проливала слезки. Но, успокоившись, корила себя за эгоизм, говорила про себя: «Вот придумала, сама же мечтаю, чтобы нашли ее, и сама же боюсь расставания. Но ведь живая она, живая, а это главное. Пусть она будет где-то далеко, но будет жить, а Бог даст и выздоровеет. А может быть и детки у нее, сердечной, есть, на рисунках, то часто она ребеночка изображает, девочку. Нет, нельзя мне сейчас скорбеть, нет повода. Кто же, как не я ей счастья желаю, родной моей, милой доченьке». И снова все шло своим устоявшимся чередом.

Уже осень подкатила к деревне, разукрасив деревья, кусты, травы в свои, желто-серые тона. Но работа в храме продолжалась, несмотря на уборочные работы в огородах. Торопились подвести под крышу, чтобы сухо было в храмах, чтобы уже спокойно продолжать работы внутри.

Но летом еще случилось чудо: сами собой стали сквозь штукатурку проявляться на стенах лики Святых. А в среднем, самом старом храме появилась частично роспись Тайной Вечери. Лик Христа был так ясен, и взгляд Его был так милостив, что даже мужики падали ниц пред Ним и крестились, уверовав. Приехали и из Парижа нежданные гости, сам хозяин с хозяйкой, с детьми, с другими родственниками. Они привезли из Епархии священнослужителей, которые отслужили молебен, окропили водой храмы, источник, всех благословили на труды во Имя Господа, возблагодарив Его.

И в этот осенний день люди трудились дружно, плодотворно, но страшный крик ввел вдруг всех в оцепенение. Прямо на пол с высоты своего роста упал вдруг мужчина и замер. К нему подбежали люди, пытались его растормошить, но он был мертв. И вдруг наша отрешенная, решительно всех растолкав, в мгновение ока, склонилась над ним, несколькими точными приемами осмотрела его, и очень сильно ударила его кулаком по груди, так, что все охнуло. Но она одним резким движением руки заставила всех отойти подальше. Затем, проверив ротовую полость, придав голове правильное положение, начала проводить реанимационные действия над человеком, стоя на коленях перед ним. Свой платок с головы она положила на рот пострадавшего и, глубоко набрав воздух в свои легкие, выдыхала его в легкие мужчины,

Назарова Светлана «Отрешенная»

второй раз. Затем быстро и точно на грудной клетке в нижней трети грудины она сложила ладони крест-накрест, руки же перпендикулярно груди, и сильно и ритмично, и довольно часто стала давить на грудину так, что она прогибалась сантиметра на три, при этом она шепотом, с трудом шевеля губами, начала вдруг считать: « Один, два.. пятнадцать». Затем снова, выдыхала воздух в рот мужчины, поглядывая при этом, поднимается ли его грудная клетка, проникает ли воздух в его легкие.

Кто-то из женщин бегом помчался к Ольге Петровне, которая, после трудов праведных отдыхала спокойненько дома. Получив невероятное известие о своей подопечной, Ольга Петровна, как могла, семенила к храму, где собрался народ, и безмолвно, но участливо наблюдал за новыми чудесами: отрешенная-то доктор, доктор-то знающий, человек-то решительный; за первым, а затем вторым самостоятельным вдохом воскресшего, всего-то через несколько минут после неожиданного удара кулаком в грудь. А при первых словах доктора, обращенных к больному, люди зашевелились, весело переговариваясь, боясь подойти поближе к ним. Но доктор тихим голосом уже давала распоряжения, заботливо укрывая мужчину, приговаривая при этом ласково. Прошло какое-то время, приехала машина скорой помощи, вызванная кем-то. Выслушав профессиональный доклад «отрешенной», проведя несколько манипуляций над пациентом, увезли врачи его в больницу.

В это время на дорогой машине подъехал сначала к магазину, а затем к храму молодой мужчина с девочкой на заднем сиденье, которая нетерпеливо теребила отца: «Ну где же мама»? Мужчина вошел в храм и тихонько спросил людей у входа: «Как можно найти Ольгу Петровну»? Но глазами встретился с той самой, которую так искал, о которой так тосковал, за которую так боялся... Она с криком, который впервые за столько месяцев вырвался из ее груди и поэтому был неестественным и страшным, бросилась навстречу мужу и припала к нему, ослабев, обмякнув в его объятьях. Из машины выскочила девочка, и, испугавшись того, что мать потеряла на миг сознание, громко запричитала. Ольга Петровна засуетилась: «Быстрее неси ее сюда, к источнику». Но Анна, а именно так звали женщину, уже открыла глаза, и слезы радости покатались по щекам. Ее уложили на новую скамеечку под новым домиком-навесом над источником, где было уже много образов, умыли водичкой. Она восторженно любовалась дочкой, которая вцепилась в руку матери, боясь ее снова потерять, и было в этом жесте что-то детское, наивное, но в то же время что-то большое, чувствительное, выстраданное, взрослое... Ольга Петровна в этот восторженный момент была счастлива. Она, убедившись в хорошем самочувствии Анны, суетливо стала приглашать всех в дом на ужин. «Пойдемте, пойдемте. Ужинать пора. Дочка проголодалась, да и тебе, внученька надо покушать после дороги. Сынок, вон там моя изба, за мостом, где мы с дочкой вас дожидались». «В машину, в машину садитесь, у дома припаркуемся,

бабушка», ласково приглашал ее к машине Олег, муж Анны. Ольга Петровна боязливо неумело влезала в машину на переднее сиденье, поддерживаемая Олегом, сразу вдруг показавшись совсем уж старенькой, маленькой, седенькой... И новое выражение, которого не бывало на лице ее, появилось вдруг: она отдыхала смущенно, сбросив груз ответственности, она знала, теперь за ней будут ухаживать, ее будут лелеять... Соседи кричали ей весело посмеиваясь: «Ну, все, Петровна, обжилась семьей, теперь каждый выходной встречай-привечай! А как же, как все! А сынок-то новый русский что ли, бизнесмен что ли. Ты спроси, спроси его!» «Нет, дорогие, я ученый, сделал немало открытий. Машина куплена на мои премии, на деньги за публикации. Анна, врач реаниматолог. А беда с ней случилась после того, как не смогла больного спасти. Переживала очень. Прямо с больницы пошла, без памяти, куда глаза глядят. Мы в студенческие годы часто на электричке по этой ветке ездили за город. Нам было очень хорошо в парках города, что рядом с вами. Видимо, ноги сами понесли ее на вокзал, а может, Господь направил для выздоровления». Возможно, она будет писать картины, подумал он про себя, так как не выдержала тонкая натура художника реалий медицинской действительности, и именно то, что она прекрасный, талантливый художник оказало решительную помощь в ее поисках. «Я вам всем благодарен за Анну. И у вас впереди большое будущее, Божье дело исполняете. А Ольге Петровне скажу: «Вы теперь наша навсегда»...

03.10.10.

Горбунов Павел

На кончиках пальцев

Я всегда знала, что прикоснулась к чему то необыкновенному и это оставило во мне след... Но чтобы это было связано с тёмными силами... В это я поверить не могу.

Недавно в своем почтовом ящике я нашла письмо. Обыкновенное письмо в бумажном конверте от старого друга детства Коли Макарова. Это раньше он был Коля, сейчас даже и не знаю, как к нему обращаются и как он выглядит. Знаю только, что он стал директором местного краеведческого музея. И все.

Собственно вот само письмо: «Привет! Не знаю, дойдёт ли до тебя это письмо, но знакомые в городе смогли дать только твой почтовый адрес, ни сотового, ни электронки никто не знает. Так вот по какому поводу я пишу – я сумел найти много интересного по скелету, который мы видели в подземных ходах. Помнишь, когда учились в школе – мы лазили в пещеры на том месте где был мужской монастырь. Из этих пещер вела куча ходов - куда никто не знал... Не знают и до сих пор. Сейчас на месте входа построили церковь и туда никого не пускают. Так вот – я могу сейчас с уверенностью предполагать, что мы видели скелет самого дьявола! Я понимаю, что этого не может быть в принципе – дьявол и бог не имеют тел... Но если Христос был сыном бога в человеческом теле, то это сам сатана в человеческом облики, вернее скелет от того человека в ком он был... Запутанно, но как-то так. Помнишь – когда мы нашли каменный гроб, мы подумали, что там лежит богач и решили поднять крышку. И когда открыли, вместо золота и бриллиантов увидели скелет, лежащий на истлевших лохмотьях. Мы ещё начали смеяться – как он смог суда попасть. Не подписи кто это, и гроб какой-то странный. «Чтоб не вылез, наверное», - шутили мы. А когда Олег с Петькой решили посмотреть, не припрятал ли он чего под собой – то увидели, что ноги у него заканчиваются копытами а на голове из черепа торчат небольшие рожки. И как после этого все бежали к выходу...

Так вот: что мы тогда там нашли всю жизнь не давало мне покоя. Сначала я думал, что мы видели тело человека к которому для показа в бродячих цирках и зарабатывания денег приделали копыта и воткнули в голову рога. Такое было распространено в средние века. Я так всегда в принципе и думал, что нам попался

именно такой сконструированный человек... И, ты не поверишь, в середине 90-х годов в жёлтой газетёнке я увидел точно такой же скелет –

с копытами вместо ступней и маленькими рожками на черепе! В статье было написано, что это сам дьявол и нашли его в Мексике! И вот тут во мне проснулся дикий, даже животный интерес – кого же мы все-таки тогда нашли...

После того как я стал директором музея, меня начали просить найти родословные, модно это сейчас стало, и поэтому я начал ковыряться в архивах. К архивам города у меня доступ был свободный, а в остальные я рассылал запросы как директор музея. Параллельно с родословными, я и занялся поиском каких то фактов о каменном гробе под мужским монастырём... В местном архиве я случайно обнаружил, что к нам в город из Санкт-Петербурга прибыл секретный груз и распоряжение сохранить его в мужском монастыре. Что это за груз указано не было – только размеры ящика в котором он прибыл.

Эти размеры примерно совпадали с тем каменным гробом, который мы видели. Для начала я решил снова забраться в те пещеры и поискать. Как я уже писал выше, на месте входа восстановили церковь и просто так войти в те пещеры сейчас нельзя, но я получил разрешения батюшки и полез в подземные ходы.

Но там всё изменилось – много ходов обрушилось (поэтому туда никого и не пускают), вспомнить точно, где мы его видели я не смог. Поэтому ничего не нашёл. Тогда я налёг на архивные данные. За основу взяв документ о секретном грузе из нашего архива.

У меня тут скопилась целая папка переписки по этому каменному гробу, но вкратце: получается так, что этот самый странный скелет привёз в Россию Пётр I когда купил коллекцию Альберта Себа, для Кунсткамеры. Может, не прям у Себа купил, а где ещё, когда скупал всякие странности для кунсткамеры. Но первые упоминания об этом чудном скелете как раз на те времена приходятся. Дальше с этим экспонатом происходили какие-то странности, что конкретно не пишут, но выставлять его боялись. Даже пожар в новом здании Кунсткамеры в декабре 1747 года как то связывают с ним... Дальше уже церковь вмешалась – постановили, что это дьявол и решили его подальше отправить. А тогда куда ссылали всех? Понятное дело в Оренбургские степи, большей жопы мира тогда не знали. Чтобы уж точно спрятать – велели вывезти и в монастыре каком-нибудь запереть. Чтобы монахи своими молитвами ежедневными нейтрализовали силу нечистую. Ну подальше сама поняла – это к нам в Бузулук и в мужской монастырь. Ну а монахи его уже в эти пещеры засунули... И всё б осталось шито крыто если бы после

революции монахов не разогнали, а из части монастыря не устроили колонию. Ну а дальше ходы в подземелье никто не охранял... Странно, что его до нас никто не нашёл. В общем не знаю даже как классифицировать тот скелет с копытами и рогами... То что это сам

Горбунов Павел «На кончиках пальцев»

дьявол, или кто-то в чьей оболочке он был, я уверен. Не могу только объяснить, почему в Мексике ещё такой же... Но что-то необычное и таинственное мы тогда точно нашли... И знаешь Петьки с Олегом в живых нет. И о тебе ничего не слышно. Поэтому я это письмо написал. Мой почтовый адрес на конверте, электронный – n_makarov70@mail.ru. Напиши мне. Интересно как у тебя дела».

Эти неровные строчки на листе бумаги заставили всплыть в памяти давно забытые воспоминания.

И по-другому взглянуть на некоторые странности моей жизни, на которые я раньше не обращала внимания.

Память услужливо вытащила из своих дальних закутков события того дня – как ярким, солнечным утром мы полезли в пещеру, как ходили там по бесконечным разветвлениям боясь заблудиться... Как, по моему Петька, закричал от куда то из темноты что нашёл клад...

Это был не сундук окованный железом, а каменный ящик с крышкой. Похоже, что его вырубили из одного большого валуна или из куска скалы. Крышку еле удалось сдвинуть всем вместе. Когда мы туда заглянули, то в тусклых лучах фонариков увидели то ли скелет, то ли мумифицированное тело. Кости каким-то образом были скреплены. По телевизору и в учебниках по истории я много раз видела, как археологи откапывали древние могилы – в них кости были рассыпаны. А в найденном нами скелете были сцеплены вместе образуя тело... В желтом свете фонарей было плохо видно, но мне показалось, что руки и ноги были как будто высохшие и покрытые серой кожей. Скелет лежал на каких-то полуистлевших тряпках. В них то и решили поискать чего-нибудь ценное Олег и Петька.

Меня же притянули к себе глаза, вернее глазницы черепа этого скелета. В них что то было... Осветив своим фонариком глазницу, я поняла, что это лепестки каких-то цветов. Удивительно, но выглядели они свежее засушенными... Если всё в каменном ящике было истлевшим, то эти лепестки - как будто их только сорвали с высохших цветов. И набили ими череп. Я взяла несколько лепестков из глазницы, растёрла между пальцев и понюхала... Аромат диковинных цветов и трав на мгновение унёс меня из под земли... Куда-то далеко, на простор наполненный благоуханием неизвестных сказочных мест и стран... До сих пор не знаю, что это были за цветы и ароматы. И тут кто-то крикнул – «Глядите у него копыта вместо ног!». Все лучи фонариков переместились на ноги скелета. Они выглядели как обыкновенные высохшие ноги мертвеца, обтянутые серой кожей, но заканчивались копытами. Как у коровы или быка. На какое то мгновенье все замерли, и стало слышно, как стучит в висках кровь. Потом лучи фонариков как по команде поползли по телу вверх, ощупывая его и выискивая, что-то ещё не нормальное... Ничего странного

Горбунов Павел «На кончиках пальцев»

не было, пока лучи не остановились на голове. Вернее черепе. На нём среди клочков оставшихся волос были рожки. Или рога. Они были не большие, прямые, но это были рога! Растущие прямо из черепа! Никто даже ничего не сказал... Просто бросились убежать...

Уже на поверхности, под солнышком мы все посмеялись над своим страхом, а может просто бравировали друг перед другом.

Но, наверное, с того самого момента меня стали интересовать запахи. И я до сих пор ишу тот самый... Переехав в Питер я не пропускала ничего, что было связано с духами и косметикой... Выставки парфюмерии, презентации новых ароматов, открытие парфюмерных магазинов... И во многих из них меня узнают сейчас.

А пальцам, растиравшим сухие лепестки, передался странный дар...

Мне всегда нравилось рисовать. И я училась рисовать. Сначала в художественной школе в своём городе. Что-то получалось – что-то нет. После школы я решила продолжать и поступила в Куйбышевское художественное училище, а дальше не смотря на скептицизм всех своих близких в Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина (тогда он так назывался). Как и все художники, я начала красить картинки на продажу. Основное место продажи картин иностранцам был Невский. Так вот, когда я приходила на «панель» за деньгами, у меня часто создавалось впечатление, что некоторые картины изменились. Я списывала это на освещение. В следующий мой приход этих картин не было. Они были проданы. Такое впечатление, что картина менялась и находила своего владельца. Менялась под него... Но сейчас это ни как не проверишь... У меня остались фотографии некоторых, но где сейчас находятся оригиналы... Разлетелись по свету.

Так может это началось ещё тогда...

Совсем недавно со мной, вернее с моими картинами произошёл странный случай. Сначала мне было просто весело от... От странности ситуации...

Итак, по порядку – после окончания очередной выставки мне пришлось забрать все свои картины из галереи. Друзья предложили развесить их у себя, в только что отремонтированном помещении. Я развесила картины на свежестроенных в белый цвет стенах. Да, что, наверное, имеет огромное значение во всей этой истории – это здание, которым владели мои друзья. Изначально оно было церковью, или храмом. Но после революции его несколько раз перестраивали, и использовали не по назначению... Не как храм.

Сейчас вот оно снова ремонтируется и пока не понятно, что в нём будет дальше.

А пока оно было свободно – в нём поселились мои картины. Так вот, когда пришло время им переместиться на очередную выставку, я

Горбунов Павел «На кончиках пальцев»

обнаружила под каждой из них на белых стенах проявившиеся картины человеческих костей. Под каждой из картин, точно по размерам холста (поэтому их не было видно, пока картины висели) появилось чёрно-белое изображение. Как на рентгеновских снимках... Человеческие скелеты. Голов, вернее черепов видно не было. Казалось, что люди, кому принадлежали эти скелеты от куда-то пытались выбраться. Я даже сфоткала несколько на телефон и отправила подруге... Ну чтобы посмеяться вместе... В ответ получила смс: «Неудачная флюорография – переделывай».

И вот теперь после прочтения письма в моей голове одни вопросы: «Что это за сила у меня на кончиках пальцев? К которой я прикоснулась тогда под землёй. И что будет дальше? Что случилось с Петькой и Олегом? Что будет со мной дальше?»

Павел Ломовцев (Волхов)**ВИТЯЗЬ**

Светает. Пора подниматься.

Время ночей окончено.

(Все имена в этом рассказе вымышлены.)

1. В ФОКУСЕ

- Почему эта комната называется «Фокус»?

- Ее геометрия позволяет фокусировать энергию мысли в одной точке. Основание - цилиндр, потолок - купол. Ну и, соответственно, круглый стол в точке фокусировки.

- Чем-то храм напоминает...

- Значит, задачи в чем-то пересекались.

- Логично... Кстати, здесь не работает связь. Тоже как-то связано с геометрией?

- Нет, конечно. Внешний контур помещения экранирует радиосигналы. Это позволяет максимально концентрироваться на поставленной задаче. Ну и, как Вы, наверное, понимаете, это - защита от возможной утечки информации.

- Интересно, а в храмах купола золотом тоже для этого покрывают? И все-таки любопытно, для чего же на самом деле строили храмы?

...Разговор прервал появившийся в дверях седой человек в генеральском мундире. Все присутствующие встали. Генерал едва заметно кивнул и мягким полужестом попросил всех занять свои места. Не спеша сев за стол, он достал из футляра очки и, аккуратно протирая стекла, оглядел присутствующих:

- Для тех, кто со мной не знаком, я - Тёрехов, Александр Михайлович, генерал КГБ на заслуженной пенсии, ...как у нас говорится, отставной козы барабанщик, - улыбнувшись, добавил он. Надев очки, генерал аккуратно уложил футляр в карман кителя.

- Хотел пожить себе спокойненько остатки дней, с удочкой на берегу тихой речки, но - разводя руками, вздохнул Тёрехов, - президент очень просил меня подключиться к одному весьма непростому делу и собрать под это дело серьезную команду. Ваши ведомства рекомендовали вас. Так что, если что, не обессудьте! Специально представлять вас я не буду: думаю, в процессе разговора мы все познакомимся. Итак...

Павел Ломовцев (Волхов) «Витязь»

Генерал взял пульт дистанционного управления и включил экраны.

- Перед вами фотография человека, который, находится в анабиозе около пятисот лет. И на тот момент ему, по всей видимости, было, по меньшей мере, столько же. Конечно, в рамки нашего понимания это вписывается с трудом, но разные физико-химические анализы упрямо выдают одни и те же цифры. Одежда и предметы, найденные при нем, - продолжил Терехов, переключаясь на новый слайд - дают основания предполагать, что этот человек - воин, принадлежавший к высокому сословию или высшему командному составу. Некоторые мои коллеги предполагают, что он из касты так называемых боевых магов.

Терехов продолжал листать слайды. Все присутствующие напряженно смотрели на экраны. Иногда генерал делал небольшие паузы, и тогда в комнате наступала полная тишина: ни дыхания, ни шороха.

- Для нас он может быть ценен как живой носитель утерянных знаний. Это самое меньшее, что мы от него ожидаем. Главный же наш интерес - это ответ на вопрос, что заставило его добровольно остановить ход своей жизни на такой продолжительный срок. На это должны были быть какие-то очень веские причины. И учитывая, что он воин из элитного сословия, есть основания предполагать, что России, а возможно, и всему миру, может грозить какая-то серьезная опасность, о которой уже тогда знали посвященные.

Терехов хотел переключить кадр, но его опередил полковник, сидевший напротив:

- Александр Михайлович, а что за табличка у него на груди?

- Очень своевременный вопрос, - улыбнулся Терехов. - И об этом как раз будет следующий слайд. Кстати, позвольте всем представить: Багров Геннадий Петрович, военная разведка. ...А насчет таблички... Я, пожалуй, лучше передам слово специалисту в области лингвистики, профессору Игнатьеву Валерию Павловичу.

Генерал подошел к седому человеку с небольшой аккуратной бородкой и протянул ему пульт. Мужчина прокашлялся и, слегка поправив галстук, начал свое выступление:

- Текст на табличке написан на малоизученном диалекте славянской языковой группы. Не все слова нам знакомы, и, более того, некоторые буквенные символы не имеют известных науке аналогов. Так что есть вероятность, что перевод сделан не совсем точно, но... это, увы, все, что мы на сегодня имеем. Вот, посмотрите, пожалуйста на слайд: сверху - оригинал, в центре - предположительное звучание текста, а снизу - соответственно, наш вариант перевода на современный язык.

В разговор вступил более молодой генерал, сидевший рядом с Тереховым:

- Странно: на послание не похоже, на инструкцию к действию тоже. Что же он тогда хотел нам сказать?

- Кто знает, Юрий Борисович... - задумчиво ответил Терехов. - Здесь явный намек на то, что ее не читать надо, а смотреть, держать перед глазами.

- Зачем?

- Ну... давайте немного пофантазируем... Возможно, текст формирует в нашем сознании какие-то образы, которые должны запустить определенную цепочку важных событий...

- Что-то уж больно мистикой пахнет!

- Знаю, Вы у нас прожженный материалист, - улыбнулся Терехов. - и убедить Вас в подобном крайне сложно, - Терехов дружески похлопал по плечу коллегу. - Это мой старый знакомый - Черкасов Юрий Борисович, боевой генерал, ветеран десантник. Суровый парень, но горячий патриот! Кстати, для вас будет персональное задание.

- В чем суть задания?

- Есть вероятность, что определенные силы попытаются перехватить нашего подопечного или, в случае неудачи, ликвидировать любыми возможными способами. Так что наша с вами задача - обеспечить гарантию безопасности воина.

- Проработаем. Главное - полномочия дайте.

- Обсудим.

Еще один генерал, сидевший рядом с Черкасовым, неуверенно поднял руку. Терехов жестом пригласил его к беседе, заранее представив аудитории:

- А это - Арсеньев Виктор Владимирович, генерал МВД. Отвечает в группе за связи с общественностью и информационную безопасность. У Вас какой-то вопрос?

- Да... Возможно, я не прав, но... может быть, не стоит искушать судьбу, а просто взять и захоронить его как положено, по народным обычаям? Ведь не может же тело столько времени оставаться живым!

- Позвольте? - поднял руку высокий мужчина в сером костюме.

- Да, конечно, - ответил Терехов. - Это - доктор медицинских наук, профессор Погодин Евгений Федорович. Он руководит группой по изучению физиологии нашего воина. Так что, Вам слово, пожалуйста.

Погодин слегка наклонил голову и заговорил, словно читая лекцию студенческой аудитории:

- Мы провели тщательное исследование, насколько это, конечно, было возможно без риска причинить пациенту вред. И с полной ответственностью можем сказать, что он живой и все системы его

Павел Ломовцев (Волхов) «Витязь»

жизнедеятельности полностью работоспособны. Одно только мы до сих пор не можем выяснить: как вывести его из состояния анабиоза.

- Может, и не надо знать? - как бы размышляя вслух, сказал Багров.

- В каком смысле?

- А что, если он сам встанет, когда это потребуется? А мы своим неумелым вмешательством только навредим ему.

- Что ж, возможно, вы и правы.

Генерал Черкасов, бросив на стол карандаш, повернулся к Погодину:

- Допустим, Вы правы, что он жив и даже может когда-то проснуться. Но можете ли вы, медики, подтвердить, что ему действительно пятьсот или тысяча лет? Может, он впал в этот.. анабиоз каких-нибудь двадцать лет назад?

- Насчет тысячи лет мы действительно ни подтвердить, ни опровергнуть не можем: у нас нет инструментария и методик, которые позволили бы нам дать абсолютно достоверный ответ на этот вопрос. Но за то, что ему не двадцать лет, и даже не сто, я Вам ручаюсь.

- У Вас есть доказательства?

- Да, ..кое-что есть... - сосредоточенно потирая руки, ответил Погодин. - Дело в том, что некоторые аспекты его анатомии значительно отличаются от нашей.

- Что Вы имеете в виду?

- Я не буду сейчас вдаваться в подробности: если нужно, я сделаю об этом специальный доклад. Но, если в двух словах, его нейронная система, по всей видимости, на порядок совершенней нашей. Это касается в первую очередь скорости обработки и анализа информации. Причем эта обработка многоканальна и многофакторна, если говорить сухим техническим языком. К тому же, мы предполагаем, что он способен к дистанционному контакту.

- Это что такое?

- Телепатия и гипноз. Но это пока лишь наши смелые гипотезы, - Погодин взял стакан и отпил пару глотков. - ...Теперь о сердце. В отличие от нас, оно у него симметрично и находится ровно посередине. Кстати, мы с коллегами взяли на себя очередную смелость предположить, что оно было таким изначально у всех людей. Ведь остальные органы у нас по прежнему симметричны. Что же явилось причиной деформации сердца - это, видимо, отдельная тема для размышления...

Погодин заглянул в свой конспект и попросил переключить слайд:

- Обратите внимание на эту таблицу: здесь указаны рост и ширина плеч нашего воина в состоянии так называемого вынужденного покоя. Это уже впечатляет. Но мы предполагаем, что в случае восстановления

Павел Ломовцев (Волхов) «Витязь»

жизненных функций он может показать и более внушительные результаты.

- Теперь я понимаю, почему язычники своих предков Богами называли... - невольно восхитился Багров.

- Я бы Вам еще много интересного о наших предках рассказал! - улыбнулся Игнатъев, поглаживая седую бороду.

- А Вы возьмите и расскажите, - отозвался Терехов. - Я думаю, нам всем об этом полезно послушать. Давайте только оговорим удобное для всех время и место.

- Хорошо. - с готовностью ответил профессор.

- А пока, - оглядел присутствующих Терехов, - нам нужно обсудить один вопрос, требующий безотлагательного решения.

Генерал неторопливо снял очки и задумчиво протер линзы бархоткой.

- Суть проблемы в следующем: до того, как воин попал к нам, его видели археологи и несколько случайных зевак. Некоторые сведения о находке просочились в прессу. Мы пока не знаем, во что может вылиться обнародование этой информации. А рисковать, как вы понимаете, мы не имеем права. Поэтому нам нужно оперативно проработать и аккуратно забросить в СМИ альтернативную версию. И сделать это так, чтобы никто не заметил подмены. Евгений Федорович, подумайте, пожалуйста, может быть, стоит изготовить муляж нашего богатыря?

- Хорошо, подумаем. А может быть, просто подберем другую мумию...В общем, посмотрим, как лучше...

- Замечательно. Я на Вас очень рассчитываю. А насчет таблички... Валерий Павлович, тут уж Вы поколдуйте. Задача - изменить содержание, максимально сохранив внешнее сходство.

- Нам ли не привыкать решать невыполнимые задачи... - отшутился Игнатъев. - Придумаем что-нибудь...

- Будет очень здорово! Ну а непосредственно информационным обеспечением у нас займется генерал Арсеньев Виктор Владимирович.

2. УСТИНА

По тихой улочке маленькой деревушки шла старушка, задумчиво и неторопливо ступая по свежей утренней росе. Только что сошел туман, и где-то над горизонтом в густых облаках пряталось Солнце. Весна стояла влажная и прохладная. И потому, наверное, природа так не хотела прерывать свой утренний сон. Старушка шла, едва заметно улыбаясь теплым лучам восходящего Солнца, стаям густых облаков и легкому ветерку, вздымающему локоны ее седых волос. По ее плавной походке и строгой осанке издалека ее вполне можно было принять за

Павел Ломовцев (Волхов) «Витязь»

молодую женщину. Впрочем, и само лицо ее удивительным образом сохранило женское обаяние и красоту.

Старушка подошла к калитке небольшого дома, окрашенного в ярко-зеленый цвет. Во дворе сидела пожилая женщина в цветастом платье и перебирала садовую рассаду. Старушка негромко окликнула ее по имени и, осторожно открыв калитку, вошла во двор. Увидев ее, женщина радостно улыбнулась и встала, стряхивая с рук землю.

- Новости у меня, Лизавета, - как-то одновременно грустно и радостно начала разговор старушка. - Уезжаю я.

- Да куда ж ты на старости лет то? - всплеснула руками Лизавета.

- Суженый меня позвал. К нему поеду.

Женщина испугалась не на шутку:

- Какой суженый, Бог с тобой! Уж не с того ли света поманил?

- Нет, не с того! - улыбнулась старушка. - На этом свете он ждет, родимый. Просит спутницей верной стать. И наследников славных ему подарить.

- Да ты, матушка, совсем обезумела! - ужаснулась женщина. - В твои-то годы - потомков планировать?!

- Так я ко времени помолодею.

- Ой, ну тебя! - отмахнулась в отчаянии Лизавета. - Сама не знаешь, что говоришь!

- Придет час - увидишь. Многое увидишь, чему прежде не верила.

- Да мне бы тебя живой-здоровой видеть, а больше и не надо ничего! - пустив слезинку, обняла Устину Лизавета. - А про него-то как ты узнала?

- Да вот как-то... сама не знаю. Почувствовала.

- И знаешь, где он?

- Знаю.

- Ой смотри, Устина! - тяжело вздохнула Лизавета, присаживаясь на скамейку. - Мало ли что покажется! Не гони сгоряча!

Устина задумчиво погладила ветку старой яблони:

- Он год уже мне снится. А нынче утром позвал. Так что третьего дня поеду.

* * *

В ночь перед отъездом Устина так и не смогла заснуть. Ходила по комнатам, вышла на крыльцо. Долго глядела на звезды и пролетающие мимо облака. Посидела на скамейке, слушая тихие звуки ночной природы. Обняла березку и попросила ее впредь оберегать родной дом. Поклонилась земле и тихо поблагодарила ее за все.

Под утро покапал мелкий дождик. Вместе с ним поплакала и Устина. Стоя у окна, она задумчиво глядела куда-то вдаль. В глазах ее были грусть и радость, покой и тревога, тепло воспоминаний и свет

Павел Ломовцев (Волхов) «Витязь»

надежды. Но главное, о чем говорили ее глаза - это негасимая любовь к жизни и вера в то, что все будет хорошо.

В дверь кто-то постучался.

- Открыто, - негромко ответила Устина и аккуратно поправила занавеску.

Вошла Лизавета с большой сумкой в руках.

- Гостинцев вот приготовила на дорожку, - Лизавета суетливо достала из сумки пакет с пирожками, пару банок с разносолами и холщовый мешочек с сушеными грибами. Потом выложила на стол пару новых шерстяных носок. - Вот, ночью связала: теплые, пушистые. Куда занесет тебя, один Бог знает, а ноги в тепле держать надобно!

Устина мягко обняла подругу и шепотом поблагодарила.

- Да ладно, чего там! - вытерла слезу Лизавета. - Ты там главное себя береги! А я за домом погляжу, и за садом твоим ухаживать буду. Авось еще вернешься в свое теплое гнездышко!

- Ой, и не знаю даже! - вздохнула Устина. - Но, коли смогу, непременно приеду! Тут же все душой согрето: и дом, и тропы-дорожки, и деревце каждое. Да и вы все сердцу дороги....

Лизавета прошла по комнате и с грустью сняла со стены пучок сушеных цветов:

- И кто ж теперь лечить нас будет травами чудесными?

- А внучка твоя Дуняша чего ради ко мне повадилась? Охотой и прилежанием она все мои знания приняла. Сердце у нее светлое: травы она слышит, с водой и ветром ладить умеет, и Солнце к ней ласково. Так что будет вам помощница надежная!

Еще раз окинув взглядом родные стены, Устина быстро подняла старый брезентовый рюкзак и большой потертый чемодан. Лизавета поспешила помочь ей вынести вещи на улицу. У калитки Устина остановилась и с улыбкой оглянулась на старый дом, согретый за долгие годы счастливой жизни. Лизавета снова всплакнула:

- Каждый день буду вспоминать глаза твои лучистые! И как мы теперь без тебя?!

Устина только отмахнулась рукой и, быстро вытерев глаза уголком платка, решительно вышла за калитку. По ухабам деревенской дороги к дому спешил грузовик. Соседский шофер вызвался подвезти Устину до города. Угрюмый плечистый мужик, громко вытерев нос, грубо и неуклюже, и одновременно бережно и осторожно погрузил в машину все вещи и, торопливо вытерев кепкой сиденье, открыл перед Устиной дверь кабины.

- А может, останетесь? - исподлобья пробасил он. Устина немного виновато улыбнулась в ответ. Шофер снова громко вытер нос и резким движением запустил двигатель машины.

Павел Ломовцев (Волхов) «Витязь»

а

3. КРЕПКАЯ СЕНА

Очередное совещание в Фокусе обещало быть долгим, и коллеги по проекту решили прерваться на обед. На территории комплекса было достаточно уютное кафе, и все дружно отправились изучать местное меню. Первым сделал свой выбор Арсеньев. Взяв пару салатов и творожный рулет, он устроился за столиком у окна. Медленно помешивая чай, он в раздумье смотрел на густые облака, плавно плывущие по голубой глади весеннего неба.

Безмятежный полет облаков нарушил хрипловатый баритон генерала Черкасова:

- Свободно, Виктор Владимирович?
- Да, конечно. - Арсеньев пододвинул поближе тарелки с салатами.

Черкасов выложил на стол блюдо с котлетами и порцию макарон по-флотски. Рядом аккуратно поставил два стакана черного кофе. С явным удивлением поглядев на меню Арсеньева, Черкасов спросил с любопытством:

- Что это Вы без мяса? Пост, что ли, соблюдаете?
- Нет, я вообще мясного не ем.
- Болеете? - осторожно поинтересовался Черкасов.
- Нет, - улыбнулся Арсеньев. - просто перешел на вегетарианство.
- И давно у Вас это? - с некоторым подозрением покосился Черкасов.

- Уже лет двадцать.

- И... как?

- Убедился, что оно того стоит. Нервы крепче стали, устаю гораздо меньше, чувствую себя здоровей. Даже такое ощущение, что я моложе стал.

- Ну... не знаю, - недоверчиво нахмурился Черкасов, - какой же это мужик без мяса? Нет, я так не смогу! - решительно отмахнулся он и с аппетитом откусил большой кусок котлеты.

Арсеньев снова задумчиво поглядел в окно:

- Тучи собираются. Похоже, дождь будет. А у меня теща с детьми с утра на дачу поехала.

Черкасов мельком взглянул на небо и неопределенно кивнул. Арсеньев вздохнул и перевел взгляд на своего соседа:

- Юрий Борисович, вот Вы - человек, многие виды видавший, как говорится, сквозь огонь и лед прошедший. Быть может, Вы подскажете, как лучше ответить на один очень коварный вопрос?

- Что за вопрос? - Черкасов отложил вилку и пристально поглядел на собеседника.

Павел Ломовцев (Волхов) «Витязь»

- Мне приходится часто выходить в народ. Это бывают запланированные мероприятия или чрезвычайные обстоятельства. Всегда задают много вопросов. В одних - надежды, в других - злоба или отчаяние, в третьих - тревоги и сомнения. Но очень часто звучит один и тот же вопрос: «Почему наша власть так щедро финансирует вооружение, тогда как быт, культура, медицина и другие сферы нашей жизни пребывают далеко не в лучшем цвете? Меня даже собственная теща запилила. Говорит: «Чем вы там вообще в своих министерствах занимаетесь? Может быть, пора вам там и о народе подумать?»

Черкасов отодвинул тарелку и сосредоточенно поглядел в окно:

- А знаете, что бы я на это сказал? Я бы привел одно сравнение, понятное для простого народа. ...Вот смотрите: допустим, у Вас есть садовый участок с домиком, огородом и всяким подсобным хозяйством. А где-то рядом живут не очень добросовестные соседи, которые и украсть могут и окно камешком высадить. Сторожить сутки напролет невозможно: днем работать надо, ночью спать. А вот крепкий забор - это уже вариант решения проблемы. И с садовыми вредителями будет проще разобраться: сбежать и спрятаться им станет намного сложнее. Да, конечно, удовольствие недешевое, и расходы в ущерб хозяйству. Но пока нет забора, наводить порядок в огороде просто не имеет смысла: все равно разграбят, растопчут и изгадят.

- А что, очень даже интересное сравнение! - с благодарностью улыбнулся Арсеньев. - Вы даже не представляете, как помогли мне!

- Да, ерунда! - отмахнулся Черкасов, поднимаясь со стула. - Сейчас горчицу возьму: остроты что-то не хватает, - взяв набор с соседнего столика, он устроился поудобнее и снова вернулся к разговору. - Так вот на тему обороны: восстановить стену - это ведь не только оборонка. Нам приходится каждый день отчаянно отстаивать на внешних рубежах весь спектр своих ценностей, прав и интересов, включая элементарное право на существование. Защищаться от диверсий, провокаций и подлых ударов в спину. Вся эта кухня требует очень даже немалых сил и вложений. Вот и приходится затягивать потуже пояса, пока забор строим...

Арсеньев хотел было что-то сказать, но Черкасов, снова поднимаясь со стула, опередил его вопросом:

- Пойду кофе еще возьму и бутербродов парочку. Вам принести что-нибудь?

4. КОД ДОСТУПА

Устина прежде никогда не была в Москве. Да и в других больших городах ей бывать не приходилось. И, видимо, только чудо

Павел Ломовцев (Волхов) «Витязь»

помогло ей не заблудиться в этом огромном лабиринте одинаковых зданий и запутанной сети московских дорог. Она сидела во дворе многоэтажной коробки на новенькой лавочке рядом с детской площадкой и ждала. Кого - она пока не знала. Она только знала, что нужно сидеть здесь и ждать. Слегка поддувал прохладный ветерок, но Солнце уже грело по настоящему. Устина слегка прикрыла глаза, наслаждаясь утренним теплом. По ее ровной женственной осанке трудно было поверить в ее почтенный возраст.

Из подъезда вышел немолодой мужчина в темно-сером костюме. Пройдя несколько шагов, он достал телефон, зазвонивший мелодией старой советской песни. Устина встрепелась и обернулась на звук. Мужчина что-то коротко ответил и направился к одной из стоявших поблизости машин. Когда он походил мимо Устины, она привстала и негромко окликнула его:

- Постой, мил человек!

Мужчина остановился и удивленно посмотрел на старушку:

- Что Вам бабушка? Ищите кого-то?

Устина внимательно посмотрела на него и на миг отвела взгляд, как будто к чему-то прислушиваясь. Снова повернулась к мужчине и осторожно спросила:

- Ты будешь Арсеньев Виктор Владимирович, генерал милиции?

- Я, - немного напрягшись, ответил мужчина. - А Вы с какой-то жалобой? Так это в отделение районное...

- Мне жаловаться не на что. Ты, я вижу, человек хороший. - едва заметно улыбнулась Устина.

- Тогда что Вам от меня нужно? - настороженно поинтересовался генерал.

- Послание тебе передать надобно, - тихо ответила Устина.

- Какое еще послание? - удивился Арсеньев.

Устина ответила не сразу. Чуть прикрыв глаза и слегка приподняв голову, она медленно и нараспев произнесла несколько коротких фраз. Арсеньев слегка побледнел: это были слова с таблички древнего воина. Она сказала их немного по другому, не так, как было написано у профессора. Но что-то подсказывало генералу, что именно она все произнесла правильно. И от этой мысли ему стало как-то совсем не по себе.

- Откуда Вы это знаете? - с трудом приходя в себя, спросил Арсеньев.

- Витязь мне сказал, и тебе велел передать, - приветливо ответила Устина.

- Как, ...в смысле, ...сам? - это явно не укладывалось в сознании генерала.

Павел Ломовцев (Волхов) «Витязь»

- Сам, кто же еще? Так что, милый, води меня к нему. Ждет он, родимый!

Арсеньев явно не был готов к такому повороту событий. Постояв несколько секунд в полной растерянности, он достал телефон и, как бы извиняясь, попросил старушку:

- Вы могли бы подождать пару минут?

- Подожду. Куда же мне теперь спешить-то? - послушно и спокойно ответила Устина.

Арсеньев отошел в сторону и набрал номер Терехова. Устина снова присела на скамейку, аккуратно подвинув к себе рюкзак с чемоданом. Предвкушая скорую встречу с тем, кто все это время являлся ей во сне, она чувствовала себя счастливой.

5. ЧУЖАЯ ИГРА

Генерал Черкасов сидел в штабе дивизии, сосредоточенно перебирая бумаги. Он явно не был в восторге от бумажной работы, и ему не терпелось поскорей с этим закончить. Поставив подпись под последним документом, он привстал, чтобы дотянуться до фуражки, но тут вошел молодой адъютант и сообщил, что его ожидает полковник Багров.

- О, черт! - выругался генерал и снова опустился в кресло. - Я же забыл совсем! Давай зови его скорее.

Адъютант козырнул и поспешил выполнять приказание. Через минуту в дверях появился Багров.

- Вы уж простите, Геннадий Петрович, что дежурного не предупредил, - извинился Черкасов. - Закрутился тут: БТРы новые получаем. Вот сижу, думаю, кого первым осчастливить обновкой. А Вы присаживайтесь. Кофе хотите?

- Нет, спасибо, Юрий Борисович. Я только что чаем побаловался.

Багров достал из папки коробку с диском и положил на письменный стол:

- Вот, как обещал, привез программу по шифрованию данных. Сами будете ее осваивать?

- Что Вы! - отмахнулся Черкасов, - Я в этих компьютерах не смыслю ни черта. Сейчас я приглашу человека, - Он поднял трубку и набрал короткий номер. - Девятова найдите мне срочно. ...Когда уехал? ...А когда будет? ...Жди на линии: сейчас выясню, - Черкасов обернулся к Багрову. - Геннадий Петрович, у Вас полчаса есть?

Багров утвердительно кивнул. Черкасов отдал распоряжение сообщить сразу же о приезде Девятова и положил трубку:

- Может, прогуляться пока хотите? Я Вам нашу дивизию покажу.

Они вышли на улицу. В тени еще было прохладно, но Солнце уже грело почти по-летнему. Коллеги прошли мимо плаца, оформленного по периметру военно-патриотическими стендами. Дальше шла аллея, украшенная ровными рядами пирамидальных тополей. Задумчиво глядя вдаль, Черкасов спросил Багрова:

- Я вот тут все размышляю, ...если этот... воин действительно хочет нас о чем-то предупредить, что он нам может сказать нового? Мы ведь и без него в курсе, кто на нас зубы точит и бомбы метит!

- Думаю, что бомбы - это не самая главная угроза. Хотя бы потому, что наши «друзья» за бугром прекрасно понимают, что в открытой войне и от них мало что останется. Да и любой разумный понимает, что всякий раз, когда воюют две стороны, в тени всегда остается третья сторона, которой эта война выгодна, и которая, скорее всего, эту войну спровоцировала.

- Это Вы про те три фамилии, ..или сколько их там, которые прикарманили себе мировые ресурсы?

- К сожалению, эти, как Вы выразились, «фамилии», всего лишь казначеи, послушно исполняющие волю невидимых хозяев.

- Кто же тогда, по-вашему, хозяева? - искренне удивился Черкасов.

- Боюсь, у нас нет того уровня доступа, чтобы знать об этом.

- И что нам мешает его заполучить?

- Могу, разве что, поделиться догадками. Судя по всему, в не очень далеком прошлом нашу Землю постигла крупная катастрофа, а скорее всего - война глобального масштаба. И тем, кто выжил, похоже, пришлось начинать все с чистого листа. Но кому-то, видимо, посчастливилось найти или сохранить какую-то жизненно-важную информацию, знания, накопленные многими поколениями предков. Они могли поделиться этим с людьми, вернув земле мир и процветание. Но они поступили иначе: решили использовать знания как средство господства над человечеством. Так появились государства, армии, финансы и средства массового внедрения информации и идеологии. Эти субъекты хорошо понимали, что лучший способ удержаться у власти - это оставаться в полной тени. Но нужно было как-то править миром. И они постепенно разработали сложную и многоуровневую сеть управления, а возможно, просто использовали уже готовую схему.

В кармане Багрова зазвонил телефон. Извинившись, он поспешил ответить на звонок:

- Да, Танюша... Нет, все нормально, я успеваю. ...Билеты? Сейчас посмотрю для верности, - Багров достал из внутреннего кармана блокнот и, перелистав несколько аккуратно вложенных бумаг, убедился, что билеты на месте. - Да, все в полном порядке. Так что встречаемся в половине седьмого в фойе. ...Я тоже тебя люблю.

Павел Ломовцев (Волхов) «Витязь»

Багров бережно положил телефон в карман и с улыбкой пояснил собеседнику:

- Мы тут с женой и дочкой в театр собрались. На «Спящую красавицу».

- Что, и в театре та же тема? - пошутил Черкасов. - Надеюсь, эту красавицу нам не придется спасать...

- Я тоже надеюсь, - устало улыбнулся Багров, - что хотя бы сегодня вечером можно будет просто расслабиться и отдохнуть.

Офицеры шли не спеша по аллее мимо полосы препятствий, уходящей вдаль к железным ангарам.

- Кстати, Вы не договорили ...про схему управления, - обернулся к Багрову Черкасов. - Давайте уж, выкладывайте Ваши соображения.

- Да здесь, мне кажется, все однозначно, - пожал плечами Багров. - Имея монополию на информацию, можно с легкостью поднять до небес самое ничтожное и втоптать в грязь самое великое и достойное. По этой технологии хозяева расставляют на игровом поле разные фигурки в лице отдельных персон, социальных сообществ, народов и целых государств. Тех, кто удобен и выгоден в эксплуатации, они щедро поддерживают финансами: деньги ведь для этого и созданы. Тех же, кто пытается отстаивать право на вечные ценности и собственные судьбы, объявляют изгоями, стравливая на них всех, кого уже успели купить, обмануть или запугать. Так контроль за информацией и манипуляция финансовыми потоками задает вектор действий, желаний и помыслов многим миллионам людей, заставляя их добровольно приносить в жертву свои судьбы, жизни и души.

Черкасов напряженно потер кулаком лоб и хмуро предложил свернуть на другую аллею. У перекрестка офицерам пришлось остановиться. Дорогу им пересекла колонна новых БТРов в сопровождении двух штабных автомобилей. Проводив взглядом колонну, Багров решил перевести разговор на более приятную тему:

- Молодцы, все-таки, наши: куют броню, всем бедам вопреки и санкциям назло! Вон какие красавцы! Вообще у вас техника завидная: я тут посматривал по дороге, пока к Вам шел.

- Да, не жалуемся, - пробасил Черкасов, глядя вслед удаляющимся машинам.

- А там, в ангарах, у вас...

- Учебная авиация. Ну и всякие тренажеры... А за ними - вышка парашютная. Кстати, не хотите прыгнуть?

- Спасибо, я на своем веку достаточно попрыгал. Мне ведь по долгу службы и с десантом полетать пришлось и с матросами соли похлебать. Куда только не бросали нашу разведку! Разве что на Луну еще не посылали...

Павел Ломовцев (Волхов) «Витязь»

- А зря! - угрюмо пошутил Черкасов. - Оттуда обзор отличный... - Он отпиннул в сторону лежавшую на тротуаре сухую ветку. - Так Вы говорите, настоящие правители в тени. Кто же тогда на троне сидит?

- Если без особых подробностей, картина примерно такая: во все структуры управления и контроля хозяин ставит своих жрецов и оракулов, а на толпу выставляет декоративную фигурку фараона. При всем внешнем величии, единственное его полномочие - это отвечать головой за исправное исполнение правил игры, прописанных данной стране. А рычагов давления у жрецов немало, чтобы крепко держать его в колее. Да и в помощь им целая армия волонтеров, всегда готовых бесплатно и бескорыстно доставлять фараону новые проблемы. Вот уж воистину великая сила - социальное программирование...

В принципе, большинство фараонов вполне устраивает роль тряпичных кукол. Но иногда некоторые из них пытаются оспаривать волю жрецов в интересах вверенной им страны, порой предпринимая отчаянные попытки просто элементарно удержать и сохранить то, что у них есть и не позволить добыть страну на радость более услужливым соседям. У самых горячих и несговорчивых век обычно недолго: увы, система знает, как себя защищать. Но иногда приходит фараон, способный вести ответную игру, выстраивая сложные ходы и находя непростые компромиссы. Для этого он, конечно, должен быть блестящим дипломатом, опытным разведчиком и гениальным стратегом в одном лице.

Офицеры шли мимо ровных рядов казарм и большой спортивной площадки. На ней сейчас полным ходом шла физическая подготовка. Задумчиво поглядев на бравых бойцов, Черкасов упрямо нахмурил брови:

- А вот мы возьмем и откажемся играть в эти игры...

- Возможно, наши предки в недавнем прошлом пытались это сделать, - ответил Багров, глядя куда-то вдаль.

- И что?

- Похоже, они даже не подозревали, каким будет ответный аргумент.

- В смысле, какой аргумент?

- Оплавленные камни, засыпанные города и сотни воронок, излучающие по сей день остаточную радиацию. Что же такое должно было случиться, чтобы север вдруг стал востоком, а восток - югом? У нас ведь до сих пор по инерции южные государства называют странами востока. А Сибирь - Себёр - это не что иное, как искаженное пришлыми поселенцами слово Север.

- Но... если все это так, почему тогда об этом никто не говорит?

- Наверное, потому, что те, кто за это в ответе, сегодня стоят у власти. Или, скорее всего, у власти - их бывшая прислуга, которой внезапно посчастливилось стать господами. Слишком какие-то они мелкие и дешевые при всем своем внешнем могуществе. Ведь в господа рвутся лишь те, кто сами по своей природе - жалкие и ничтожные рабы. А вольным и великим власть и богатства ни к чему: они богаты сами по себе, они Богом наполнены.

- Интересно сказано... - хмыкнул Черкасов. - Ну а хозяева, куда же они подевались?

- Улетели, умерли, внезапно деградировали... Мало ли... Ну а ловкие холуи смекнули, что можно воспользоваться моментом и учинить на руинах уничтоженной цивилизации свой порядок. У них на руках могли оставаться опасные козыри. По крайней мере, так они сегодня себя ведут. Но возможно, всё это блеф. Мы не уверены в этом до конца, а значит, рисковать и действовать на «авось» не имеем права. Поэтому пока мы играем в эту чужую игру, лавируя компромиссами, жонглируя словами и оттачивая искусство тайных движений. А параллельно ищем ответы и выходы из этого порочного круга.

- Ничего, прорвемся! - хрипавато пробасил Черкасов. - И не из таких переделок выходили!

Навстречу офицерам бежал адъютант. Остановившись и переведя дух, он старательно отрапортовал:

- Товарищ генерал, майор Девятов прибыл в расположение части. Я пытался Вам звонить, но Ваш телефон снова отключен.

Черкасов достал телефон и, потеряв лоб, с досадой ответил:

- Да не люблю я все эти штучки! Вот и забываю включать. А ты Девятову куда сказал идти?

- В штаб, товарищ генерал.

- Хорошо. Свободен.

Адъютант козырнул и направился было назад. Но Черкасов его остановил:

- Вообще-то погоди. ...Ты вот что мне скажи: что важнее всего защищать?

- Наверное, правду... - чуть подумав, ответил адъютант. - Ведь когда ее нет, у людей судьбы рушатся, народы враждуют, страны между собой воюют...

- Вот Вам и ответ, Юрий Борисович, для чего пришел наш богатырь, - улыбнулся Багров. - Время приходит правду вернуть людям. А за правду ой как повоевать придется!

6. ЗАВЕТНЫЙ ЧАС

Павел Ломовцев (Волхов) «Витязь»

Устина шла по длинному гулкому коридору в сопровождении двух генералов. Ей было здесь явно неуютно. Она напряженно поглядывала на красные огоньки, размеренно мигающие над массивными железными дверями. Время от времени им встречались солдаты, застывшие, словно восковые фигуры. Арсеньев о чем-то спросил Устину, но она, похоже, его даже не услышала. Еще один поворот - и они остановились у большой двери с сенсорным замком. Выполнив необходимые процедуры, Терехов приоткрыл дверь и пригласил Устину внутрь.

В дверях их уже встречал профессор Погодин. По-английски вежливо поздоровавшись, он предложил всем подойти к камере, в которой хранился витязь. Взволнованно взглянув внутрь полутемной комнаты, Устина вдруг всплеснула руками и громко взмолилась: «Да что же вы с ним делаете-то, ироды?!» С лица Погодина в один миг слетела вся его ученая спесь. Перепуганный не на шутку, он робко спросил, что не так? Несколько секунд Устина стояла в оцепенении, и лишь потом тихо ответила: «Оставьте нас на полчаса...»

Мужчины, растерянно переглянувшись, поспешно покинули комнату, аккуратно прикрыв за собой дверь. Звуки их шагов отдавались звенящим эхом, затихая где-то в дальнем конце коридора. В наступившей тишине только монотонно гудели электрические приборы.

Устина медленно подошла к витязю и, плавно опустившись на колени, обняла его ложе. Она глядела на витязя, но не могла ничего видеть: по лицу ее текли крупные слезы, застилавшие пеленой глаза. И все же он был рядом. И миг рядом с ним превратился для нее в целую вечность. Прикрыв глаза, она подняла голову, будто подставляя лицо Солнцу. Казалось, что она чуть слышно пела какую-то очень старинную песню. Не было уже ни стен, ни холодных огней искусственного света. Время и пространство в почтении отступили перед этой простой женщиной. Они знали: так нужно, и терпеливо ждали...

Тишину вечности неожиданно прервал скрип железной двери. В комнату нерешительно заглянул Погодин. Вслед за ним осторожно подошли Терехов и Арсеньев. Устина стояла посреди комнаты, сложив перед собой руки. Взгляд ее был спокоен и полон решимости. Она подошла к Погодину и попросила его записать, что необходимо для ухода за витязем.

С первых слов стало понятно, что менять придется всё. Поселить витязя Устина велела в сосновом срубе, вдали от цивилизованного мира. Сама нарисовала план дома и указала место на карте. На вопрос: «Почему именно там и именно так?» она отвечала, что такова воля витязя. И добавила, что в зоне его пребывания - никакой техники и никакого электричества, поскольку все это подавляет сознание.

Павел Ломовцев (Волхов) «Витязь»

- В каком радиусе должна быть зона? - поинтересовался Терехов.
 - Я в километрах не сильно понимаю: я вам на карте нарисую, - ответила Устина.

- А как насчет ухода? - осторожно спросил Погодин, - Компрессы, стимуляторы, питательные среды?

- Это всё не годится, - кивнула Устина в сторону дорогого и сложного оборудования, окружавшего витязя. - Я тут кое-что с собой привезла. На первый случай. А вы помогите впрок запастись.

- Где и что надо собирать? - вступил в разговор Арсеньев.

- Из разных мест придется брать. Вы мне карту побольше дайте, я покажу.

Карту нашли в одной из соседних комнат. Выяснилось, что прокатиться придется чуть ли не по всей России. Там растут одни травы, там - другие. Здесь - минералы, обладающие особыми свойствами, а тут - лучшие семена для рассады.

- Да, богатая география получается! - почесал затылок Арсеньев. - Для таких дистанций вертолет выделять надо...

- Ну так выделяй, коли надобно, - спокойно ответила Устина.

- А может, мы пока что-нибудь здесь, в городе, закупим? Время хоть сэкономим... - осторожно спросил Погодин.

- Бестолковое тут всё у вас. А природа живая мудра: она во всем подсобит, ни в чем не откажет. И накормит, и согреет, и от бед сохранит. Была бы душа светла да сердце открыто...

7. ОПАСНЫЙ ПОВОРОТ

Устина, внезапно появившись из ниоткуда, перечеркнула все планы участников проекта «Витязь». И всерьез озадаченная команда снова собралась в Фокусе. Терехов попытался обобщить основные новости:

- Сегодня в восемь утра мы отправили вертолет для сбора необходимых материалов. Ответственный на борту - подполковник ФСБ Куликов Олег Алексеевич. С ним - два старших лейтенанта, ведомство то же. Команде также поручено доставить из сибирских сел двух помощников для ухода за нашим подопечным. Насколько я в курсе, в дальнейшем список помощников будет пополняться.

- Кто подбирал персонал? - поинтересовался Черкасов.

- Устина. Она наотрез отказалась от предложенных нами кандидатур. Мотивировала это тем, что ее во всем направляет витязь. Она называет имена и местонахождение людей, но, похоже, сама никого из них не знает.

- Рискованно как-то это... - задумался Черкасов. - Такое ответственное дело доверять непроверенным лицам... Президент в курсе?

- Да, конечно. Он вчера встречался с Устиной. И после разговора с ней дал добро на все ее действия.

- На все действия? - подозрительно нахмурился Черкасов. - Не слишком ли большие полномочия?

- Я уж надеюсь, что президент все взвесил, принимая такое решение, - пожал плечами Терехов. - Кстати, Вы еще самого интересного не знаете. Устина сказала, что все, кто призван в помощь витязю, будут помогать страной и миром править.

- То есть, займут государственные посты? - еще больше насторожился Черкасов.

- Я тоже так спросил, - вступил в разговор Арсеньев. - А она ответила, что... - генерал поспешил достать из кармана блокнот и, перелистав несколько страниц, процитировал: - «Этот порядок ваш скоро уйдет в небытие. Мир, построенный вопреки естеству Природы и Вселенной, как его ни лечи, всё одно обернется против человечества».

Арсеньев перелистнул еще пару страниц:

- Я тут, пользуясь случаем, не удержусь: прочитаю еще одно высказывание Устины: «Не о том всё ваши политики пекутся. Честь надо спасать и совесть, любовь и доброту. Тогда остальное всё, и деньги и вещи сами займут положенное им место».

- Красиво. сказано, ни убавить, ни прибавить... - отозвался молчавший до этого Багров. - После таких слов действительно хочется доверять этой женщине.

- Слова, конечно, красивые, - Черкасов напряженно потер ладонью поверхность стола, - Но откуда нам знать, что эта старая женщина в реальной ситуации проявит себя адекватно и вытянет в одиночку целый проект? Не знаю, как вы, а я бы ни за что не стал рисковать.

- Ваши предложения? - внимательно посмотрел на Черкасова Терехов.

- Предлагаю разместить в месте пребывания витязя батальон быстрого реагирования, располагающий малой авиацией, легкой бронетехникой и средствами РЛС. Для хранения воина я бы соорудил защищенный ангар. Ну а саму позицию мы, естественно, накрываем маскировкой.

Багров медленно покачал головой:

- Такое скопление вооружения не останется незамеченным для спутников-шпионов, а это значит, что витязь станет явной потенциальной мишенью. Более того, нахождение такого количества железа и

электроники в непосредственной близости к витязю негативно скажется на его состоянии.

- Ну это Устина вам сказала. А что, если это просто ее старческие фантазии?

- По крайней мере, пока она не давала нам повода так думать. А насчет Ваших опасений по поводу безопасности... При нынешних технологиях можно и с гораздо большего расстояния осуществлять контроль за ситуацией, и, соответственно, оперативно реагировать при необходимости..

Все вопросительно посмотрели на Черкасова. Поймав на себе не очень одобрительные взгляды, он нервно встал со стула и, пройдя несколько шагов, хрипло спросил Терехова:

- Александр Михайлович, Вы можете устроить мне встречу с президентом?

- Если будет возможность, я спрошу его об этом. Надеюсь, у Вас будут на то веские аргументы.

8. ЗЕЛЕНый СВЕТ

Машина с президентом уже второй час ехала по лесу, огибая поросшие мхом деревья и густые заросли кустов. За рулем сидел подполковник Куликов. Два его помощника бдительно поглядывали по сторонам. Дорога давно закончилась, и панель навигатора была единственной путеводной нитью в этом лесном лабиринте.

Президент выглянул в окно. Утреннее Солнце уже проглядывало сквозь пронзительную зелень свежей листвы, мягко согревая лицо и руки.

- Хорошо здесь! - с нескрываемым наслаждением вдохнул президент пьянящий букет лесных ароматов. - Вот бы пожить тут недельку: нервы и здоровье подправить! А, Олег Алексеевич?

- Вы прямо мечты мои читаете! - улыбнулся Куликов, продолжая пристально глядеть на дорогу, - Тут ведь прямо под ногами вся аптека: самые лучшие лекарства, и главное - совершенно бесплатно! А красота вокруг такая, что прямо душа распускается!

Проехав еще немного, Куликов остановил машину:

- Всё, приборы показывают, что мы на месте.

Согласно полученной инструкции, он заглушил мотор и выключил навигатор. Всю электронику, включая мобильные телефоны, также обесточили и сложили в машину. Через несколько минут из глубины леса появился молодой высокий мужчина крепкого телосложения с длинными светлыми волосами и окладистой бородкой. Он не спеша подошел к гостям и, чуть исподлобья оглядев каждого, молча отдал поклон. Потом, обращаясь к президенту, представился низким бархатным баритоном:

Павел Ломовцев (Волхов) «Витязь»

- Я Ермил, помощник Устины.

Президент с готовностью протянул руку:

- А я...

- Знаю, Вы - президент. Я в телевизоре Вас видел.

- Ну что ж, замечательно. Тогда представлю моих помощников: их Вы, скорее всего, не видели по телевизору. - пошутил президент. - Это Олег Алексеевич, командир. И... мои молодые защитники - Костя и Андрей.

Ермил уже был знаком с этой командой: совсем недавно они почти буквально свалились ему на голову на военном вертолете и привезли в этот нетронутый лес, благословленный Устиной. Но он просто молча поздоровался с каждым из офицеров и, снова повернувшись к президенту:

- Со мной только Вам можно. Они остаться должны.

Спорить было бесполезно: пришлось подчиниться. Президент аккуратно отсоединил средства связи и передал Куликову.

- Выключить надо. - строго сказал Ермил.

Раацию отключили и отправили отдыхать вместе с телефонами.

- Это тоже надо оставить, - показал он на наручные часы. - Электрические они.

Наконец все требования Ермила были выполнены, и они отправились вдвоем куда-то вглубь лесной чащи.

Какое-то время они шли молча, и только звуки утренней природы наполняли тишину зеленого царства. Ермил шел впереди по едва заметной тропинке, утопающей в густом разнотравье.

- Уютный лес, светлый, - поделился впечатлениями президент. - И очень красиво, что ели и березы вместе растут. Тут, наверное, грибов много?

- Много. И ягод тоже с орехами, - ответил Ермил. Он явно не был привычен к душевным беседам и говорил очень кратко и сдержанно.

Президент резко остановился:

- Кто-то прямо передо мной пробежал...

- Бурундук, - ответил не оборачиваясь Ермил. - Тут их много водится.

- Интересно: он совсем людей не боится!

- Так звери только одичалых людей пугаются, что от мира живого оторваны.

- Это, в смысле, городских?

- Ага. А тут только я, Федор, да Устина.

Они шли дальше вглубь леса, молча слушая голоса его обитателей. И тут президент заметил, что какая-то пестрая птичка все это время с любопытством следует за ними, перелетая с ветки на ветку.

- Что это за чудесное создание? - поинтересовался он у Ермила.

Павел Ломовцев (Волхов) «Витязь»

- Это? Вьюрок, - Ермил свистнул, и птичка села ему на ладонь.
- Так она что, ручная? - удивился президент.
- Нет, дикая.
- Почему же тогда на руку села?
- Я позвал.
- Вы что, птичий язык знаете?
- В живом мире один язык, тот что от Бога с рождением дается.

Звучит у всех по разному, а суть одна.

- Да, ...нам бы, людям, так научиться... - вздохнул про себя президент.

За разговорами они подошли к маленькому бревенчатому домику. Ермил остановился, и указывая на домик, пояснил исподлобья:

- Это банька. Вам помыться надо.

- Да я, вроде бы, не грязный... С утра только душ принимал, - удивился президент.

- Не грязь, а энергию города нечистую Вам сбросить надобно, - пояснил Ермил. - В эту дверь войдете, одежду всю оставите. А после в другой предбанник на той стороне выйдете. Там другую одежду найдете, к встрече подобающую. Ну а я пока сушняка наберу, чтобы время скоротать...

9. ЛЮДИ И ТЕНИ

Куликов достал из багажника два больших пакета.

- Пока мы тут ждем, надо бы время с пользой провести, - пояснил он своим помощникам. - Пойду травы какие-нибудь поищу. Может, еще и ягод наберу. А вам такой боевой приказ: никаких разговоров о политике! Коль уж довелось нам в таком чудном месте оказаться, наслаждайтесь, жизни радуйтесь! ...Вот, только послушайте, как соловьи-то поют! А воздух какой чудесный! Давно ли вы чистым воздухом дышали?Может, мы здесь и оказались для того, чтобы вспомнить, ради чего на самом деле жить стоит?!

Куликов ушел. Андрей, оглядевшись вокруг, заметил на краю поляны большой ствол поваленного дерева. На нем вполне можно было посидеть. Он осторожно пересадил на ближайшую ветку зеленую гусеницу и отряхнул небольшой участок бревна от старой листвы. Не долго думая, Костя присел рядом. Андрей взял длинную ветку и начал задумчиво рисовать на земле какие-то простые узоры:

- Костя... - обернулся он к другу. - Ты ведь у нас - ходячая энциклопедия. Вот скажи: с кем будут воевать витязи, когда проснутся?

- С демонами, - спокойно ответил Костя, поглаживая мох на бревне.

- Нет, я серьезно.

Павел Ломовцев (Волхов) «Витязь»

- А ты что понимаешь под демонами? - пылливо взглянул на Андрея Костя.

- Ну... понятное дело, что. Монстры какие-нибудь, с рогами, горящими глазами, огромные, лохматые. Но это же сказки, а я на самом деле спрашиваю.

- Да, это сказки, ...что про демонов придумали, - Костя в раздумье провел пальцем по шершавой коре дерева. - А что, если на самом деле все гораздо проще и банальней?

- В смысле? - подозрительно покосился на Костю Андрей.

- Слово «демон», образованное из слов «де-моно», можно перевести как «лишенные единства».

- Единства чего?

- Души и тела, конечно. Или, другими словами, это - бездушные человекообразные особи, внешне не отличимые от обычных людей.

- Но ведь... наукой же не доказано, что есть душа.

- Наукой много чего не доказано. Но ты же не будешь отрицать, что люди бывают душевными и бездушными?

- Ну... нет, конечно.

- Вот и все доказательства.

Андрей сосредоточенно дорисовывал на земле очередной узор:

- Ладно, допустим. А почему тело лишается души?

- Как вариант, это может быть следствием страшного шока или невыносимой боли. Видимо, так появились первые демоны. А потом они начали массово отключать души других, нарабатывая под это целый арсенал вооружений от запредельно-сложных технологий и до самых простых бытовых средств.

- Но зачем? - недоумевал Андрей.

- Чтобы получить над нами власть, конечно. Ум, лишенный души, беззащитен, обмануть его проще простого. И мы, сами себе умные, ничего не подозревая, начинаем жить чужими мыслями и чужими желаниями. Да и жизнь, в конечном счете, тоже проживаем ради чужих, так и не вспомнив, кто же мы на самом деле и для чего пришли в этот мир.

- И что, много у нас таких отключенных?

- Совсем лишенных души, я думаю, очень мало. А вот те, у кого связь повреждена или ослаблена, ...это, похоже, сегодня почти всё человечество.

- Как ты это определяешь?

- Чем слабее связь, тем больше размываются грани между добром и злом, правдой и ложью, дозволенным и запретным, великим и ничтожным, достойным и позорным.

Для одних красота - это шелест весенней листвы, журчание ручья, пение птиц, многоцветие лугов, мерцание ночных звезд... Для других - прямые углы, бетон, пластик и стильные кнопки.

У богатой души - живые и вечные ценности: любовь, добро, честь, справедливость, мир, покой, вдохновение... У нищей - ценности искусственные и хрупкие: гаджеты, фасоны, колеса, квадратные метры... Ну и конечно же деньги, деньги, деньги... Видимо, чем-то же надо нищету компенсировать...

- Да, в точку сказано! Надо бы запомнить... - Андрей встал. - Слушай, погоди маленько: что-то в горле пересохло. Пойду, термос вытащу.

- Забавно, - усмехнулся Костя, - я тут целую речь выдал, а в горле у тебя пересохло.

- Конечно, я тут столько информации проглотил. Надо же чем-то запить! - отшутился Андрей. Он открыл багажник и достал из большой сумки литровый термос.

- Тебе налить? Чай по домашнему рецепту.

- Нет, спасибо, попозже немного.

- А может, пирожок хочешь? Мне тут мама от души в дорогу наложила!

- Да у меня тоже сегодня полно всего! - посмеялся Костя. - Но я пока еще не проголодался.

Андрей уселся на бревно и налил полный стакан ароматного чая. Термос аккуратно приставил рядом. Отпив с удовольствием пару глотков, он снова повернулся к Косте.

- Ну вот, теперь совсем другое дело, - Он поморщил лоб, вспоминая предыдущий разговор. - Слушай, а совсем лишенные, в чем их отличие?

- Ну... может, не совсем осознанно, они как-то чувствуют, что разделены и расколоты на части. И поэтому все целостное, живое, совершенное вызывает у них боль, ненависть и злобу. Потерявшие душу, они чувствуют себя ущербными и неполноценными. И в попытке ухватить свое место под Солнцем, они жадно поглощают уроки лжи, коварства и жестокости. Если таким людям достанется власть...

- Можно, я догадаюсь? - поспешил Андрей. - ...Они станут всеми способами навязывать нам политику разобщения и раскола.

- Вот ты и подошел к тому главному понятию, на котором сегодня держится власть демонов.

- Что за понятие?

- Демократия.

- Демократия? - сначала искренне удивился Андрей, но, похоже, его тут же осенила мысль, что кроется за этим названием. - То есть, первая половина - это «демоны», а вторая.... Так, ...если вспомнить школьный

курс математики, ... «кратность» означает «деление, разделение»? ...Значит, выходит, «демоны разделяют»...

- И тут мы получаем священный лозунг римских императоров: «Разделяй и властвуй». Разобщить страны и народы, детей и родителей, мужчин и женщин, знание и силу, форму и смысл. Оторвать от живой природы, прописав на огороженном пятачке частной собственности.

- Забавно... - невесело хмыкнул Андрей, - А ведь на их лозунгах все с точностью наоборот...

- Так на то они и есть - красивые лозунги, чтобы эффективно усыплять доверчивую толпу.

- Логично... - усмехнулся Андрей, выразительно воткнув палку в землю. - Слушай, а случайно, слово «ака-демия», с этим никак не связано? Неподалеку раздался какой-то треск.

- Что это? - встрепенулся Костя. Андрей инстинктивно хватился было за кобуру, но вспомнил, что в эту поездку оружие им взять не позволили. Он внимательно всмотрелся вдаль:

- Отбой тревоге. Это лось, по валежнику прошел.

- Как ты его разглядел в таких зарослях? - удивился Костя.

- Да я по повадкам понял. Меня же в деревне воспитали. А там я со всеми лесными жителями перезнакомился. Ну, не сам, конечно, дед всему научил.

- Понятно. А этот лось, ...он не нападет на нас?

- Нет, мы находимся вне зоны его личной свободы. Так что, если пугать не будем, он просто пройдет мимо. Все нормально, расслабься!

Костя еще раз настороженно обернулся, но, все-таки доверившись другу, устроился поудобнее на бревне. Андрей поднял брошенную палку и снова начал сосредоточенно рисовать узоры:

- Как ты думаешь, эти демоны давно у власти?

- Нет, конечно. Такая власть всегда приводит мир к катастрофе. А раз мы еще живы, значит они господствуют совсем недолго. И это вселяет надежду, что мы еще в состоянии вспомнить, каков он мир, настоящий, вечный и справедливый. А это значит, что мы все-таки сможем разбудить свои спящие души. И тогда никто нас ни обмануть, ни победить не сумеет. Ведь в обмане и есть вся их сила.

- И все так просто? - усмехнулся Андрей, обводя свои узоры большим, ровным кругом. - А стратегия победы тоже такая же простая?

- И да и нет. Решай сам... Хочешь победить тьму, тогда наполни мир Чистотой и Светом!

Несколько секунд Андрей сидел молча, осмысливая сказанное.

- А витязи? Они что, могут в этом помочь?

- Думаю, могут. С пробуждением Света темным станет очень плохо. Настолько плохо, что единственным их желанием станет полностью

Павел Ломовцев (Волхов) «Витязь»

уничтожить Живых. Вот тогда и понадобится помощь витязей. ...Хотя, как мне кажется, их задача - больше подстраховать нас, а мы должны сами справиться. Ведь это же наш мир и наше будущее.

Андрей пристально поглядел на друга и осторожно спросил:

- ...Слушай, Костя, ...а откуда ты все это знаешь?

Костя вдруг растерялся:

- ...Понятия не имею... Как-то само пошло... Может, тут место такое, особенное? Или потому, что витязь рядом...

- А ты... случаем, не из их потомков?

- Да кто ж его знает... У нас ведь дальше четвертого поколения у всех память стерта...

- Да уж...

Андрей глубоко вздохнул и поднял взгляд на ярко-голубое небо:

- И все-таки, ...когда же оно всё начнется?

Костя загадочно улыбнулся:

- А может, уже началось?

- С чего такие выводы? - неуверенно нахмурил брови Андрей.

- Да так... Шестое чувство подсказывает... Кстати, шеф с прогулки возвращается. Так что изображаем предельную бдительность.

- Последний вопрос, на десерт. Зачем уходили Хранители? Они же не могли не знать, что без них беспредел начнется.

- Наверное, они предоставили людям возможность самостоятельно пройти экзамен на зрелость. Или на прочность... Как тебе больше нравится...

10. СЛОВА НЕ НУЖНЫ

Ермил привел президента к небольшому, но очень крепкому и добротному дому из свежей сосны. Сам он отказался заходить, сославшись на дела в огороде. Президент поднялся на крыльцо и осторожно постучался в дверь.

- Заходи, милый! - послышалось изнутри.

Президент вошел, сняв при входе выданные ему сандалии и, поправив новенькую холщовую рубаху, почтительно поздоровался с Устиной. Она приветливо улыбнулась в ответ и, отложив в сторону вязальные спицы, поднялась с лавки:

- Ну здравствуй, князь. Ждали мы тебя очень.

- Какой же я Вам князь? - смутился президент.

- Как какой? Самый обыкновенный, - спокойно ответила Устина. - Великий князь всяя Руси, - И, не дав гостю возразить, она плавным жестом показала на дверь в глубине комнаты. - Да ты проходи. Тебе с витязем

встретиться надобно. Только ты тихонько заходи, молча. Тяжко ему пока от шума разного да света яркого.

Президент вошел в полутемную комнату. Витязь будто бы спал безмятежно. И в то же время казалось, что сон его очень чуток. И что готов он в любой момент подняться, расправить могучие плечи и дать отпор любой нечисти, посягнувшей на нашу землю...

Некоторое время президент стоял, погруженный в свои мысли. Казалось, что время здесь течет совсем не так, как в остальном мире. Оно будто бы соткано из неведомых образов и едва уловимых чувств. И здесь оно то замирает, то мчится с невероятной скоростью. Здесь всё по-другому. Всё так, как оно должно быть...

Устина осторожно подошла к президенту и жестом попросила его оставить витязя. Они вернулись в соседнюю комнату. Устина убрала со стола вязание и, поправив скатерть, предложила присесть. Президент не переставал любоваться ее величавой осанкой и плавностью каждого движения. Она, без всякого сомнения, была достойна его.

Сначала не хотелось ни о чем говорить. Просто хотелось тишины. Но взглянув мельком на стену, за которой лежал витязь, президент все-таки спросил:

- Я даже не знаю, как его зовут. Он назвал свое имя?

- Нет. Темные знают все имена. Услышав, они придут, покуда он бездвижен. Сам понимаешь, нельзя пока.

Президент пристально посмотрел на дверь:

- Насколько я знаю, он не один. А много их?

- Мне знать не велено, и вам покуда не положено. Скажу только одно: достаточно, чтобы исполнить назначение.

- Но я правильно понимаю, что он - главный витязь?

- Он великий, но не главный. Верховный витязь на люди не выйдет: то не его задача.

- А на кого же он выйдет?

- На него и на таких, как он, - кивнула на дверь Устина. - А ты, я гляжу, много вопросов принес.

Президент только сейчас вспомнил, что все это время держал в руке свернутый лист бумаги:

- Да, вот тут мы составили список...

- Дай-ка я погляжу.

Устина, не дослушав, попросила листок. Она внимательно пробежала взглядом плотно исписанную страницу, потом обернулась к стене, словно к чему-то прислушиваясь. Чуть заметно кивнув, она скомкала лист и плавно бросила в горящую печь. Президент от неожиданности чуть не вскрикнул:

Павел Ломовцев (Волхов) «Витязь»

- Да Вы что, мы над этим списком две недели бились!

- Не о том вы всё спрашиваете, - с улыбкой вздохнула Устина. -
Лучше пускай он сам тебе поведаёт, что нынче надобно стране и миру.

Президент явно не был готов к такому повороту событий:

- В смысле, ...как он это скажет?

- Узнаешь. А пока давай-ка с тобой чайку попьем.

Устина налила президенту чая с незнакомым, но очень приятным ароматом из маленького расписного чайника. Подлила кипятку из сверкающего зеркальными гранями самовара. Себе взяла кружку, которая уже была полной. Президент отпил с удовольствием несколько глотков. Сразу стало как-то очень легко и спокойно. Мысли и тревоги начали терять очертания и таять, словно утренний летний туман... Все куда-то поплыло, стало совсем легким и невесомым...

Устина приоткрыла дверь в комнату напротив и тихо шепнула: «Федор!» В комнату заглянул крупный юноша с темно-русой окладистой бородкой и длинными густыми волосами. Он был чуть ниже Ермила, но явно крепче в плечах. Увидев президента, медленно клонящегося набок, он проворно и осторожно подхватил его и, аккуратно взяв на руки, переложил на кровать.

* * *

Устина стояла у окна, задумчиво глядя вдаль. В глубине комнаты послышался шорох. Она обернулась. Полулежа на кровати, президент беспокойно осматривался по сторонам, пытаясь осознать, что произошло:

- Это я что, спал?

- Спал, милый, - ласково ответила Устина.

- Так это снотворное было? - покосился он на чашку с недопитым чаем.

- Сон-трава это. Только во сне ты мог витязя услышать.

Президент посмотрел в окно и быстро спустил ноги с кровати:

- Подождите, а который час? Меня же охрана хватится! Они там тревогу поднимут!

- Ты не волнуйся, - ответила Устина, поправляя занавеску, - Я к ним Ермила посылала. Он их успокоил.

Президент пересел на лавку. Устина присела напротив:

- Ты мне лучше скажи, как встреча с витязем сложилась? Много он тебе поведал?

- Много... - Президент пристально поглядел на причудливые отражения в самоваре.

- Ты как будто не рад этому... - с легкой тревогой спросила Устина.

- Да вот... боюсь, что не все поймут тех решений, которые мне предлагает витязь...

Павел Ломовцев (Волхов) «Витязь»

- Те, что днем одним живы, не поймут, - спокойно ответила Устина.
 - Только надо ли кивать на тех, кого нет в дне завтрашнем? Ты лучше о живых думай...

* * *

Уже на закате президент с Ермилом вернулись к машине. Куликов, Костя и Андрей, дружно сидели на заднем сидении и сладко спали.

- Так вот, значит, как Вы их успокоили! - усмехнулся президент.

Он подошел поближе и, хлопнув ладонью по крыше автомобиля, негромко скомандовал: «А ну-ка подъем!» Андрей с перепугу вскочил, ударившись головой о потолок. Костя, ничего не понимая спросонья, принял оборонительную позу. Куликов просто растерянно улыбнулся и поспешил выйти из машины:

- Простите, сами не знаем, как это мы уснули...

- Зато я знаю, - посмеялся президент, оглянувшись на Ермила. Тот только застенчиво пожал плечами. - Так что не переживайте: все нормально. Надеюсь, и вы тоже с пользой поспали...

11. СРОЧНО ОБЕЗВРЕДИТЬ

Президент и Черкасов вышли из здания и направились к автомобильной стоянке. Черкасов был мрачнее тучи. Разговор явно сложился не в его пользу. Напоследок он хотел что-то еще сказать, но президент мягко его опередил:

- Юрий Борисович, ты очень ценный специалист, опытный вояка. Ты - бравый казак. И я тебя, правда, очень ценю. ..Но, все-таки, от проекта, ты уж прости, мне придется тебя отстранить. Не обижайся, просто здесь нужен другой взгляд, другой опыт, другой образ мышления.

Черкасов не сказал ни слова. Хмуро кивнув на прощание, он решительно направился к машине. Громко захлопнув за собой дверь автомобиля, он несколько секунд сидел, крепко держась за руль и напряженно глядя вдаль. Несколько резких движений - и машина на полной скорости срывается с места.

Черкасов мчался по загородной трассе. По обе стороны до самого горизонта простирались поля, зеленеющие ранними всходами. Генерал нервно давил на газ, тщетно пытаясь успокоиться и обдумать сложившуюся ситуацию. Тревожные мысли шальными пулями проносились в его воспаленном сознании:

- Президент под полным влиянием этой старой колдуньи... Это ставит под удар не только проект, но и безопасность страны... Надо срочно собрать надежных и смелых офицеров, готовых идти наперекор приказам ради спасения государства... Устину изолировать... Витязя взять под полный личный контроль...

Павел Ломовцев (Волхов) «Витязь»

Черкасов продолжал гнать машину, поднимая за собой длинное облако серой пыли. Он уже проговаривал вслух свои мысли, в спешке выстраивая свою безумную боевую стратегию.

Вдруг неизвестно откуда посреди полотна дороги появился старый седой олень с большими раскидистыми рогами. Он стоял неподвижно поперек полосы и как будто смотрел прямо в глаза генералу. Олень был уже совсем близко, когда Черкасов заметил его. Он громко выругался и, резко вывернув руль влево, с силой надавил на тормоз. Машина со свистом и скрежетом пересекла полосу и вылетела на обочину. Лишь каким-то невероятным чудом она не перевернулась, увязнув в мягкой и влажной земле.

Несколько секунд Черкасов сидел неподвижно, продолжая крепко сжимать руль. Медленно и тяжело выдохнув, все еще не отрывая глаз от руля, он стал искать на ощупь дверную ручку. С трудом открыв дверь, он, покачиваясь и едва держа равновесие, вышел наружу. Слегка ослабив давящий на шею галстук, генерал огляделся по сторонам. Вокруг, куда хватало взора, простирались зеленые посевы. Никакого оленя нигде не было...

* * *

Устина вздохнула и, поправив занавеску, отошла от окна.

- Прости уж меня, Юрий, но по-иному ты бы не остановился. И по неразумению своему мог большие беды земле родной принести.

* * *

На следующее утро Черкасов подал в отставку. Молча, без всякий объяснений. О случае с оленем он никому никогда не рассказывал.

12. ТУДА, ГДЕ СВЕТ

Президент по уже знакомой лесной тропе подходил к дому Устины. Увидев ее неподалеку с корзинкой лекарственных трав, он поспешил помочь ей занести корзину в дом.

- Это который раз я уже к вам заявляюсь? - с улыбкой спросил президент, входя в комнату вслед за хозяйкой.

- А ты не считай, - ответила Устина, аккуратно раскладывая травы на столе. - Цифры - они штука лукавая: людей от истинной сути вещей уводят. Лучше я вот что тебе скажу: радость у нас большая!

Президент только что заметил, что Устина сегодня была какая-то особенная, как будто бы сияла вся. Она плавно положила на стол связку нежно-сиреневых цветов:

- Утром сегодня витязь вздохнул... Чуть заметненько так... Пробуждается, родимый!

Павел Ломовцев (Волхов) «Витязь»

Она осторожно отворила дверь. В комнате у витязя впервые были приоткрыты ставни. Мягкий свет наполнял комнату какой-то особой торжественностью. И казалось, что от витязя тоже исходил свет. Свет, проникающий сквозь стены, преодолевая все препятствия и любые немислимые дали....

С этим странным чувством президент снова вернулся в комнату, где его уже ждала Устина.

- Значит, скоро что-то изменится? - спросил он, в раздумье глядя на солнечные блики.

- Изменится. Встанут витязи, чтобы вслед поднять волхов и ваян, да защитой надежной им стать.

- Вы хотели сказать «волхвов»? - попытался уточнить президент.

- Нет, милый, покуда волх не встанет, от волхва мало толку.

- Тогда... кто они такие? И про ваян я тоже ничего не слышал.

Устина улыбнулась и мягко погладила руку президента:

- Не торопи, князь. Всему свое время. Скажу тебе только, что с их приходом изменится всё в этом мире. И все изменятся. Свет вернется в души людские.

- Вы прямо что-то невероятное рассказываете... - поразился президент.

- А чего невероятного? Станет все так, как быть должно и как прежде было всегда. Вот и всего.

Президент подошел к окну и глубоко вздохнул:

- И несколько людей изменят целый мир?

- Почему же несколько? - ласково улыбнулась Устина. - Им на подмогу подымеется рать великая из простого народа. Духом и телом защитят они землю нашу. Многие уже пробуждаются. Услышали их сердца голос витязя!

Дверь отворилась и в комнату вошел Федор. Молча поклонившись, он подложил в печку дров и закинул в топку самовара небольшую охапку щепок. Снова поклонившись, он также молча вышел. За все время он так и не сказал ни слова. Он не любил говорить и ценил тишину. А здесь его и без слов все хорошо понимали.

Устина накинула на плечи свой любимый платок с синими цветами и мельком посмотрелась в зеркало самовара. И только сейчас президент с удивлением заметил, что и в ней произошли какие-то перемены:

- То ли мне кажется... Но, по-моему, Вы как будто моложе становитесь... - осторожно поделился он своим впечатлением.

- Да ну тебя! - смущенно отмахнулась Устина, прикрывая платком разгумянившиеся щеки.

Они посидели за столом, попили чаю с разными угощениями из даров природы. Особо ни о чем не говорили. Просто хотелось покоя,

Павел Ломовцев (Волхов) «Витязь»

тепла и уюта. Запастись этим чувством впрок, чтобы легче пережить заботы и тревоги грядущего дня. Пройти самому и вдохновить на путь тех, кому есть ради чего жить...

Но время приходит прощаться. Президент вздохнул и направился к висящей на стене накидке. Устина тихо подошла и с легкой грустью прикоснулась к его руке:

- Больше ты не приедешь. Витязь теперь сам тебе вещать будет.

- Как? - немного оторопел от неожиданности президент.

- По разному. То сны, то встречи случайные, а то и другие знаки придут. Ты, главное, слушай. И к природе живой прикасайся: она чувства обострит и силы прибавит.

- А что, если я не замечу знака? Или вдруг что-то не услышу? - тревожно спросил президент.

- Не можешь не услышать, коли Русь тебя призвала! - Устина обняла президента и ласково улыбнулась. - Теперь иди. А витязя мы упрячем до срока.

Президент вышел на улицу. Под ногами лежал мягкий и пушистый снег, первый снег, вмиг преобразивший все вокруг. Устина с крыльца помахала ему рукой и тихо прошептала: «Ступай с Богом, ...витязь...»

Президент не слышал ее последних слов. Он шел по свежему снегу, задумчиво глядя вдаль. Впереди была долгая дорога, сложная, опасная, полная тревог и волнений. Но путь стоил того: где-то уже совсем рядом что-то пока еще не очень явное и понятное излучало тепло и покой, вселяя новые силы и укрепляя веру в завтрашний день. Это пробужденные от долгого сна души наполняли своим светом возрожденную великую Русь...

Anastasia_Stark_***Эспрессо***

Она была как капучино.

Нежная пенка наверху — оболочка, видимая всем. Открытый и добрый взгляд, улыбка, не сходящая с губ, и легкая, почти невесомая походка. Но далее... Далее чувствуется молоко вперемешку с самим кофе. Это уже пошла истинная натура. Та же доброта и любовь к людям, но не настолько наивная доверчивость. Вкус, оседающий на языке — грусть, томившаяся глубоко внутри. Где-то там, не ощутимая сразу, но оставляющая послевкусие. И наконец, не стоит забывать, что сделано все из крепкого эспрессо. А вот это уже стальной характер, проявляющийся очень редко, но от этого еще более значимый. Основа, за которую держится все ее существо. И те, кто действительно знают ее, любят именно эту терпкость. Потому что это она настоящая. Именно такая, какая бывает только по ночам в одиночестве. Именно ее душа без оболочек. Просто она. И никто в полной мере не знает ее такой. Кроме него.

Он был как американо с карамельным сиропом без сахара.

Ты чувствуешь сладкий запах и сначала наслаждаешься только им. Точно так же, как смотришь на него и видишь эту улыбку, от которой не можешь оторвать глаз. Потом делаешь первый обжигающий глоток и только тогда понимаешь, что он совсем не сладкий. На языке остается эта горечь с мягким, почти незаметным оттенком карамели, которую ты так хотела попробовать. Это сила, за которую цепляется та самая улыбка и глаза, благодаря которой не было бы этого прекрасного запаха. Но тебя не останавливает этот вкус, потому что он уже приятней, чем сладость. Он манит, и ты хочешь еще и еще. Как наркотик... Только потом тебе говорят, что все было разбавлено водой. Что это был эспрессо вместе с кипятком. Это тебя не огорчает, наоборот, ты хочешь еще крепче, еще насыщенней, еще раз желаешь почувствовать ту горечь. И понимаешь, что сладость — всего лишь приятное дополнение. На самом деле притянуло тебя не это. Притянул тебя тот самый крепкий аромат, который расплавил и заставил почувствовать всю мощь настоящего. Крепость, жесткость и мягкое послевкусие — вот основа такого чудного напитка, изначально показавшегося таким безобидным. И вот ты вспоминаешь ту самую первую улыбку и думаешь, что, наверное, ничего бы не было, если бы не тот сладкий запах. А карамельный оттенок — это и была любовь,

томившаяся так глубоко в его душе.

Они не смешивались.

Она прекрасно дополняла его своей нежностью, а он безупречно окутывал ее в свои крепкие, но мягкие сети, защищая ото всего мира ее, такую родную, душу. Если бы не их основа, если бы не эспрессо, этот крепкий и, для некоторых, невкусный напиток, как бы они нашли друг друга? А те, кому не нравится эта горечь и есть те самые люди, заставившие их принять такую оболочку. Те люди, из-за которых они стали скрывать себя настоящих. Но оба они слишком умны, оба они слишком многое поняли, чтобы так просто раскрыться. И, наверное, никогда не станут прежними. А зачем? Они и так знают, что рядом есть человек, который все поймет. И только для него они будут открытыми. Потому что они и обнажили потрепанные души друг друга. Потому что они слишком любят друг друга, чтобы дарить в полной мере эту любовь кому-то еще. Потому что у них один напиток на двоих. Горький, крепкий, терпкий и такой родной.

И лишь синхронный шепот слышен в уютной тишине: *«Что насчет эспрессо?»*

Сломленная

Фэндом: Мартин Джордж «Песнь Льда и Пламени», Игра Престолов(кроссовер)

Тонкие длинные пальцы обхватывают кружку с теплым какао, который для этой нимфы кажется обжигающим. Костяшки белеют, словно отпусти дымящийся напиток и оторви взгляд бездонных синих глаз — мир рухнет, и она вместе с ним. Ей хочется кричать, звать на помощь, заплакать в конце концов, но слез нет, как и сил, и она просто сидит с покрасневшими пустыми глазами, глядя на нетронутый шоколад, а в душе сердце кровоточит так, что, кажется, скоро совсем распадется на миллионы кусочков.

— Санса... — тихий голос, в котором нет никаких эмоций на первый взгляд. Но она слишком хорошо его знает, чтобы понять — это не так. В хриплом баритоне скрыто разочарование и... сочувствие (?)

Девушка никак не реагирует, продолжая сидеть в том же положении, не двигаясь, не поднимая глаз, не чувствуя и не слыша вообще *ничего*.

Длинные музыкальные пальцы по-хозяйски ложатся ей на плечи, поднимаются выше, к шее, невесомо поглаживают щеку, на которой могли бы быть слезы. Другая рука плавно, едва касаясь, пересчитывает

каждый позвонок, заставляя синеглазую неосознанно покрыться мурашками. Все происходит нежно, так кажется со стороны, но она чувствует каждой клеточкой своего тела, чувствует в этих жестах, в этих руках, что чуть сильнее сжали шею — его терпение на исходе.

— Санса... — на этот раз разочарование прямо у самого уха, так, что рыжее создание может почувствовать покалывание от его бородки.

И снова никакой реакции, разве что теперь мужчина может буквально физически ощущать беспомощность. Ее беспомощность. Но этого мало, ему надо увидеть.

— Санса... — те же холодные пальцы, что секунду назад чувствовали, как бьется пульс под тонкой бледной кожей, подцепляют подбородок, чтобы, наконец, увидеть эти пустые глаза, чтобы убедиться — он был прав.

И вот в бездонной синеве появляется хоть что-то. Страх. Страх, так явственно видимый, потому что она в ужасе от человека перед ней. Эти презрительные серые глаза смотрят холодно на боль, спрятанную глубоко внутри погибающей души.

Нимфа сжимается, будто хочет спрятаться от этого тирана, что так долго и трепетно оберегал ее. Что сейчас смотрит на нее свысока, что видит каждую эмоцию, проскальзывающую на ее лице. И, черт возьми, она уверена, что видит как в глазах демона пляшут недобрые огоньки. Она знает, что за спокойным внешне человеком таится угроза. Для нее. Она знает, что этой ночью не избежит наказания, которого смертельно боится. Но не боли, которая потом сменится волной наслаждения такой силы, что ее организм рискует не выдержать и отключиться, а вот этого разочарования. Потому что эта нездоровая связь, это подчинение и этот недостаток кислорода, когда он уходит — это *ненормально*.

Ее разбитая душа не выдержала, сломалась и умерла. И ей хочется наплевать на все, просто уткнуться в плечо своего личного демона и никого не видеть, лишь чувствовать холодное прикосновение, но... Она провинилась, и он не позволит, потому что она не заслуживает такой награды, как его ласка.

Нимфа силится сказать хоть что-то, оправдаться, но с губ срывается только шепот, едва слышимый, но ему этого хватает.

— Петир... — сколько отчаяния, сколько страха и сколько надежды в голосе. Почему она всегда возвращается к нему?

Серые глаза всматриваются в синие, пальцы сильнее сжимают подбородок, оставляя синяки, как одно из напоминаний. Напоминаний о том, что она посмела сбежать, уйти, не выдержав очередного натиска.

И вернулась... Не смогла потому что прожить и дня без серо-зеленых глаз, без знакомого запаха мяты и дорогого табака. Без этих самых рук, что убаюкивали ее после всего, что обнимали так трепетно и

Anastasia_Stark_ «Сломленная»

нежно, что несли ее, когда никто не пришел на помощь, что собрали ее душу и снова разбили, подстроив под себя и сделав ее такой, какая она сейчас.

Губы что-то шепчут, но понять невозможно, потому что она просто ими шевелит, не произнося ни звука. Но глаза... Глаза говорят вместо тысячи слов. В них такая мольба, такое море отчаяния и такое желание оказаться в объятиях мужчины, чей взгляд неувлимо меняется и теплеет, когда он видит, нет, скорее чувствует все это.

Нет, она не боится наказания, она знает, что заслужила, знает, что, в конечном итоге, получит наслаждение, знает, что он потом будет долго держать ее в объятиях, целуя и закрывая ото всех, и что она будет, наверное, спокойна.

Он наклоняется и накрывает ее губы в требовательном, но нежном поцелуе, уверяя этим, что он никуда не денется.

— Глупая, — тихо шепчет этот тиран, в голосе которого сейчас столько привязанности, — ты же знаешь, что только я могу тебя защитить.

На это рыжая нимфа лишь кивает, пряча глаза, а слезы, что так долго томились в глубине, наконец, прорываются, и она тихо плачет, между всхлипами говоря лишь одно родное имя: «Петир...».

— Ну-ну, — успокаивающе обнимает мужчину, позволяя уткнуться ему в плечо, позволяя почувствовать ту самую ласку. А затем поднимает как ребенка и несет в спальню. Бережно укладывает на кровать, кутая в одеяло и ложась рядом. А она вцепляется в его рубашку, совершенно точно оставляя на ней следы своих слез и слабо подрагивая от бесконечного потока рыданий.

И, наверное, она точно сумасшедшая, раз смогла полюбить того, кто растоптал ее, кто дал ей такие жестокие уроки, кто полностью подчинил. Но разве не она сама это позволила?

Он пришел к ней, когда в этом мире не осталось никого. Он забрал ее, окутал, спрятал, и именно он был рядом, когда она услышала о смерти всей семьи, именно он потом утешал ее и успокаивал, и именно он помог ей преодолеть все, просто потому что был рядом, не позволяя сделать опрометчивые поступки. И она приняла это. Приняла, что он доминант, и только благодаря этому спаслась. И даже после всего, после всех ночей, где она не смела пошевелиться, боясь получить, точнее не получить,

желанную нежность и наслаждение, она, черт возьми, все равно была благодарна ему.

И в какой-то момент рыжая нимфа поняла, единственное, чего она действительно боится — его ухода, его безразличия к ней. И она уверена, что тот недостаток кислорода, когда его нет, эта растерянность и эта пустота в сердце, может быть лишь от одного факта. Она любит этого деспота. Совершенно ненормально, неправильно, нездорово, но *любит*. И неужели эти холодные руки, что сейчас ее убаюкивают, что серо-зеленые глаза, горящие от волнения, когда ему сказали, что его девочка ушла, и вот эти вот губы, целующие невесомо, осушая ее слезы, могут принадлежать человеку, которому она безразлична?

Об этом девушка подумает позже, потому что сейчас она просто уснет в этих объятиях и забудет на время обо всем.

А мужчина смотрит на уже спящее создание, рыжие волосы которой разметались по всей подушке и которая слегка беспокойно посапывает у него на груди, и понимает — он никого и никогда так не любил, и он никогда ее не отпустит, потому что ту боль, которую он испытал, услышав о ее побеге, еще раз не выдержит. Она — якорь, спасающий его от самого себя, и она всегда будет *его девочкой*, а он всегда будет рядом.

Она совсем не так представляла свою жизнь

Фэндом: Мартин Джордж «Песнь Льда и Пламени», Игра Престолов(кроссовер)

Она думала, что встретит накаченного парня на байке и будет курить с ним одну сигарету на двоих, сидя в его куртке, а встретила подтянутого мужчину с седыми висками в льняной рубашке, который каждый раз испепелял ее взглядом, стоило ей только взять сигарету в руки.

Она думала путешествовать по миру, не зная точки прибытия, слушая рев мотора и ощущая, как ветер треплет волосы, а ехала с собранными в высокий хвост волосами в дорогом авто с личным водителем, где было так тихо, что можно было услышать постукивание костяшек по подлокотнику рядом сидящего спутника с серо-зелеными глазами.

Она представляла, что будет громко ссориться со своим парнем, а затем бурно мириться, а на деле разбивалась об невозмутимый взгляд мужчины за тридцать, позже сгорая от его чувственных ласк.

Она хотела нежиться в постели в дешевом мотеле, чувствуя запах табачного дыма от рядом сидящего парня в накинутой на голые плечи

косухе, а просыпалась в пентхаусе от запаха свежевystиранной рубашки и от ощущения теплой руки на бедре.

Она думала набить одинаковые татуировки со своим суженым в дополнение к уже имеющимся, а в итоге получила укоризненный взгляд и выслушала целую лекцию: «Почему наколки вредны здоровью», что не мешало ей потом почувствовать, как его умелые пальцы обводят контур каждой.

Она предполагала, что домом для нее станет бесконечная дорога, природа и холодные мотели, а приходила в минималистично обставленный особняк, где всегда было тепло и с губ неизменно срывалось родное имя.

Она думала, что ее жизнь будет похожа на быструю езду на мотоцикле, а в конечном счете все напоминало поездку на мощной машине: снаружи мир представляется громким и быстротечным, а внутри — тихо и спокойно.

Она считала, что ее жизнь будет свободной, без каких-либо обязанностей, вместе с похожим на нее человеком, а в итоге встретила свою полную противоположность и открыла в себе совсем другие качества.

Санса никогда не думала, что сможет полюбить жизнь, как у большинства, и что ее будущее будет таким безмятежным, но такой счастливой, как сейчас, она не ощущала себя еще ни разу, и так сильно, как Петира, она еще никого и никогда не любила.

Спирьянов Олег

Маленькая жизнь

Просыпаемся, идём на работу . Неожиданно пошёл дождь. Зонт мы забыли дома. Пытаемся глазами найти хоть какое-нибудь такси. Садимся в первое попавшееся. Приезжаем на работу мокрые, замёрзшие. День у нас уже не сложился. Как обычно аврал. Часов в семь вечера идём с работы. Устали, больше ничего не хотим, лишь бы добраться до дома. Скорей бы к семье. И вот мы уже здесь. Мы видим, как пёс радостно виляет хвостом, как родная встречает нас так, как будто нас не было уже тысячу лет. Обнимает, целует. Идём к сынишке в спальню. Он уже спит. Поправляем ему одеяло, целуем в лоб и тихо шепчем ему на ушко, что любим его. Именно в этот момент мы понимаем, что всё это было не просто так. Это уже было запланировано волею судеб. Что пройдя через эти испытания, окажемся счастливы. Поймём, что мир прекрасен . Ляжем спать .

Лучик солнца

Просыпаемся, идём на работу. Светофор - красный свет, стоим, ждём. Пока есть время, читаем новости на телефоне. Вдруг видим фотографию, которая трогает наше сердце до глубины души. Мы вспоминаем давно забытые места, друзей. Вспоминаем чувства, которые испытывали в те мгновения. Понимаем, как это похоже, как это знакомо. Невольно сердце начинает биться чаще. Неожиданно проступает слеза, но это не грусть, это счастье, приятное, заставляющее нас улыбнуться. Зелёный свет - идём дальше, в новый мир.

Полёт в воспоминания

Прыжок из самолёта. И вот мы летим. В первые секунды нами овладевает страх. Мы боимся. Сердце бешено стучит. Тело становится ватным. Приходим в себя. До земли ещё далеко. Парим в воздухе. Наблюдаем за красочным пейзажем. Вечереет. Горы наливаются розовым цветом. Облака плывут. Медленно, никуда не спеша. Красиво. Лёгкая дрожь пробегает по коже. Нет, не от страха. Нам хорошо. Пришло время открывать парашют. Дёргаем за кольцо. Но парашют не раскрылся. Пытаемся воспользоваться вторым. И тоже ничего. Паника затуманивает

нам разум. Мы пытаемся за что-то схватиться. Но попытки тщетны. Паника сменяется злостью. А злость - унынием. Что заставило нас пойти на этот необдуманный поступок? Почему именно сегодня? За что? Принимая тот факт, что мы не в силах что-либо изменить. Просто. Летим. Вниз. Пока есть время, вспоминаем приятные моменты из жизни. Вспоминаем, как Новый год праздновали вместе с семьёй и друзьями. Салют, хлопушки, фейерверк. Все улыбаются, смеются. И вот часы 12 бьют. Открываем бутылку шампанского. Взрыв. Наполняются бокалы. Все счастливы. Вспоминаем последнюю поездку на море. Нежимся на лежаке. Держим любимую за руку. Наблюдаем за тем, как огромный огненный шар постепенно растворяется в волнах. Лучики солнца пронизывают море. Оно будто горит, переливаясь оранжевыми, красными и розовыми цветами. Мы не заметили, как вечер сменился ночью. На небе разбросали звёзды. Луна возшла. Мы с любимой вдвоём. Никто не мог нас потревожить в то прекрасное мгновенье. Это был отличный вечер.

Я бы хотел, чтобы мне приснился сон,
В котором только она и он.
Он розами её балует,
Ведь сердце у него ликует.
Она тоже его любила
И всю себя ему дарила.

Земля всё ближе. Ближе. И... Тьма...

Кафе

Сидим в кафе. В руке кофе. Болтаем с ней. Ведь сердцу от этого милей. Мысль за мыслью. Жест за жестом. Сначала не понимая. Но трезво рассуждая. Осознаём. С каждой минутой. Глаза становятся родней. Улыбка кажется милей. Голос мелодичней. Мы в жизни не вкушали. И словно не дыша. Мы разговариваем с ней. Каждое слово. Заставляет наше сердце биться чаще. Чувства переполняют нашу голову. Сердце поёт. Душа ликует. И в самый пик. Нашего торжества. Она встаёт. Увы. Но ей пора. И распрощавшись поцелуем. По улице сырой бредём. Мечтаем. Быть может, встретимся мы днём и будем вместе мы вдвоём. Внезапно. Стало холодно. Нет. Не от ветра ледяного на горке той замершей. Просто мы оставили частичку себя. Ей. Прекрасной девушке своей.

Татьяна Пилипенко

Куручки-несушки

Сводит судьба людей по разным, одной только ей ведомым причинам. И оказываются иногда вместе люди несовместимые. И приходится им рядом быть каждый день, и терпеть друг друга с утра до вечера. А если еще и работа тяжелая и начальство крикливое, то превращается твоя жизнь в сплошное недоразумение. И жалко себя до невозможности.

Шел-шел по жизни своей дорогой, а она возьми и приведи тебя в столовку. А время было такое, что еще и рад будешь за мизерную зарплату и тарелку супа последние силы отдать.

"Заведующая"

Заведующая столовой, женщина умная, хитрая и очень подозрительная, руководила коллективом с видом помещицы. Это были ее владения, где другим работникам отводилась роль дворни. А за дворней нужен глаз да глаз...

Заведующая не сомневалась, что устроились мы сюда работать исключительно для того, чтобы улучшить момент и обнести ее родную столовку до последней поварешки. Переубедить ее в обратном было невозможно.

Подозрительность ее была фанатичной. Своим долгом считала поймать, уличить и застигнуть врасплох каждую из нас, не допустив ничего умыкнуть у нее из под носа.

Очень любила подкараулить и внезапно выскочить из-за угла в самом неожиданном месте. Даже в туалете сидела с открытой дверью, чтобы и эти минуты быть в курсе происходящего.

Матерщинницей заведующая была редкостной, но, не считая это ругательством, целыми днями сыпала отборным матом. Одни и те же выражения, в зависимости от интонации могли означать противоположные эмоции. Чувство юмора у заведующей отсутствовало полностью. А шутки в свою сторону воспринимала как дерзость, и целый день держала юмориста под прицелом, заподозрив его, на всякий случай, в покушении на столовскую собственность.

По именам она нас не называла никогда. Всех звала "Маруськами" или "балеринами". А "балеринам" на тот момент было далеко за пятьдесят.

В конце рабочего дня любила хорошенько погонять:

- Ну что, "Маруськи", задницы мокрые? Нет? Тогда еще шесть ведер картошки из подвала! Бегом!

И, похихикивая, переименовывала нас в "курочек-несушек".

- Знаю я вас, "несушек", вечно по углам скребетесь. Не пойму только, ищите или прячете что.

В том, что каждая из нас воровата у нее сомнений не было, и, если хорошо поискать, то обязательно в укромном уголке найдешь припрятанное. А хорошее настроение у "несушек" в конце рабочего дня связано только с количеством утащенных продуктов. Других поводов, по ее мнению, быть не могло.

Заведующая приходила на работу раньше всех - часов в пять утра. "Маруськи" появлялись позже. На плите уже что-то жарилось, булькало, кипело, а заведующая ходила с таким видом, что, вот приходится делать все самой, а "Маруськи" за что ни возьмутся - все изгадят.

Работа начиналась мгновенно и бегом. Целый день приходилось держать темп, иначе был вариант получить толчок в спину. Разговаривать запрещалось. Если кто-то притормаживал или останавливался около другой "Маруськи", заведующая тут же подскакивала, вставала рядом и молча смотрела то на одну, то на другую. Желание разговаривать пропадало сразу.

Самым непонятным для нее было наше ежедневное стремление поскорее уйти домой. Все попытки под конец дня завалить нас работой оказывались безрезультатными. "Маруськи" отчаянно сопротивлялись, возмущались и, чаще всего, оставляли навязанную работу на следующий день.

Так и текли однообразные трудовые дни, перетекая в хлопотах в недели, месяцы и годы.

"Маруська-мойщица"

"Маруська-мойщица" была очень крупной женщиной средних лет, которая одинаково любила жаловаться, хвастаться и злить заведующую.

Кухню разделяла невысокая, чуть выше человеческого роста, стенка. С одной стороны стоял разделочный стол, где работала заведующая, а с другой - мойка. И мойщица, так сказать, была всегда "под рукой". Друг друга они не видели, а колкости могли говорить любые.

Татьяна Пилипенко «Курочки-несушки»

Молчать "Маруська" не умела, и целый день сначала сетовала на тяжелую жизнь, плохое здоровье и нищету, а к концу дня, видимо, забывшись, начинала хвастаться новыми покупками и грандиозными планами. Потом, опомнившись, опять переходила на жалобы и стенания, оправдывая все покупки жуткой экономией и питанием исключительно столовскими супчиками.

Мойщице было безразлично слышат ли ее другие "Марушки". Главное, чтобы слышала заведующая, на которую она затаила обиду. А та не могла простить ей переход по собственному желанию из поваров в мойщицы, стараясь вдвойне завалить работой, чтобы не повадно было должность менять на ту, где ответственности поменьше.

Беспрерывно сетуя на болезни, "Маруська-мойщица" не упускала возможности переложить часть своих обязанностей на какую-нибудь и так забегавшуюся "несушку". Жалобы звучали настолько искренне, что не оставалось сомнений в их правдивости. И все чаще и чаще мойщица курила в тенечке и с хитрым прищуром посматривала, как очередная доверчивая "Маруська" тащила из подвала тяжеленные ведра с овощами.

Заведующую безумно раздражал ее высокий с подвыванием голос. И как только мойщица заводила свои причитания, та из-за стенок начинала в такт ее передразнивать. Но быстро сдавалась, переходя на грубость.

- Поглядите, здоровье у нее плохое, бедненькая! Сейчас все расплачутся! Тебе сразу по башке дать или после работы?

Когда у заведующей было хорошее настроение, и она хотела позабавиться, в первую очередь доставалось "Марушке-мойщице".

Дождавшись наибольшего скопления "Марусек", заведующая обводила всех хитрым взглядом и, весело выругавшись, бросала через стенку скалку или миску. Сначала бросала, а потом кричала: "Лови!"

Если мойщица вскрикивала, значит предмет точно попал в цель, и веселью заведующей не было предела. Продолжая радостно ругаться, она обегала стенку и смотрела куда попала. А когда заведующая гневалась, то опять же, в первую очередь доставалось мойщице.

- Так бы и метнула в тебя чем-нибудь, да жаль, руки заняты! У-у, всех уголю - узбеков наберу!

Ответить и позлить заведующую для мойщицы было особым удовольствием.

- Давайте, набирайте! Одного возьмете - целый аул приедет. А, чего, места много! На мешках с картошкой спать будут, над плитой - халаты сушить! Во, красота! Разговаривать по-узбекски научитесь!..

Заведующая мгновенно переходила в атаку:

- Ах ты, вражина! Ишь, высунулась, голос подала! Скройся, а то травмирую случайно! Пульну ножичком, мало не покажется!

И, для большего шумового эффекта, кидала что-нибудь на сложенные противни так, чтобы те разлетелись с грохотом в разные стороны.

"Маруська-мойщица" усмехалась:

- Ой, да Вы добренькая сегодня! Прошлый раз хотели вилочкой глазик выколоть.

Это уже считалось дерзостью. И за такую дерзость ее гоняли целый день, придумывая все более и более грязную работу. Особую радость заведующей доставляло напугать "Маруську-мойщицу", когда та шла с ведрами в подвал за овощами. Выждав несколько минут, она бесшумно спускалась следом и, внезапно выскочив из-за угла, до смерти пугала "Маруську-мойщицу".

"Маруська" оседала на мешки с картофелем и хваталась за сердце. А заведующая хохотала, приговаривая:

- Ничего, ничего, в следующий раз обязательно поймаю! Знаю я вас, "несушек"! Натаскала уже, наверное, припрятала! У-у, всех уволю, узбеков наберу!

"Маруська-повариха"

Но не только "Маруська-мойщица" скрашивала серые будни заведующей. Рядом у плиты "колдовала" "Маруська-повариха". Навеселившись с мойщицей, заведующая переводила взгляд на повариху. Это уже был "десерт"!

Мойщица была понятна, предсказуема и быстро надоедала. А вот повариха так и осталась загадкой. Обладала она необычайно спокойным характером и мечтательной душой. Работала привычно хорошо и быстро, начальнице ни в чем не перечила, молча сносила обиды и терпеливо выслушивала все замечания, продолжая работать в том же темпе. Только иногда поднимет глаза, задумается и посмотрит загадочно.

Это и раздражало заведующую больше всего. Вот стоит повариха у плиты, жарит или варит что-то и, вроде бы, как здесь, ан нет - в мыслях она своих тайных, в мечтах несбывшихся. Ну, какие еще мечты? Тепло, еда, что еще надо?!

Первое время заведующая пыталась разгадать странную поварихину душу, но потом махнула рукой и перешла к своим привычным методам воздействия.

Как ни старалась заведующая вывести повариху из равновесия, удавалось это крайне редко. А старалась она не жалея сил. Чтобы та не

Татьяна Пилипенко «Курочки-несушки»

делала, заведующей было не угодить. Все не так: недоварено или переварено, недосолено или пересолено. И стояла не там, и ходила не так. И под ногами вечно болталась.

Когда придраться, вроде бы, было не к чему, то припоминала прошлые огрехи, или старалась обидеть на будущее.

- Все равно, не в этот раз, так в следующий испортишь. Обязательно испоганишь! Непутевая!

Унижала она ее постоянно, стараясь не повторяться. Придумывала разные смешные и обидные прозвища, беспрерывно подкалывала и подсмеивалась. А поскольку повариха была не простая, а с высшим экономическим образованием, то доставалось еще и за умственные способности.

Но "Маруська" относилась к этому спокойно, никогда не дерзила. А на сочувственные слова работниц отвечала:

- Ничего страшного, потерплю. Это всего лишь несколько часов моей жизни...

И, оставаясь в своих мыслях и чаяниях, машинально отвечала:

- Да, да, в следующий раз обязательно досолою...

- А сейчас что досолить мешает? У-у балерина!

Заведующая подошла ближе с молотком для отбивания мяса. Повариха сделала шаг назад.

- Ой, и правда, отчего это в следующий раз? Сейчас же можно...

Чувствуя все оттенки настроения "Маруьски-поварихи", заведующая не спускала с нее глаз. И как только повариха замирала и мысленно улетаала в свои "дали-дальние", тут же подсказывала, становилась сзади и начинала строить рожи, жестами призывая нас и показывая, что сейчас что-то будет. А "Маруська", тем временем, стояла с огромным половником в руках, и уже минут пять размешивала в котле кашу. Глаза ее были подняты к потолку и на лице блуждала загадочная улыбка. А за ее спиной, отключив зад, стояла заведующая и стоила рожи. Наконец, вдоволь накривлявшись, заведующая гаркнула во все горло прямо в "Маруьскино" ухо:

- ...! У-у, балерина! О чем мечтаешь? Совсем башка отказала?

"Маруська-повариха" вздрогнула, выронила половник, и неожиданно спокойно произнесла:

- Ну, и зачем Вы меня так напугали? Я, что, задуматься не могу? Даже дельфины, плавая в глубинах океана, нет-нет, да и поднимаются вверх - глотнуть свежего воздуха...

И опять задумчиво замолчала.

Заведующая онемела, схватилась за голову и, забыв сразу выругаться, села на случайно оказавшийся рядом стул.

- ...! Среди кого работать приходится!? Нет, всех уволю, узбеков наберу!

"Случайная работница"

Попадали в столовку и совсем случайные люди. Несколько месяцев проработала кухонной рабочей хорошо пьющая особа. Пришла она подготовившись основательно и оделась, по своим представлениям, соответственно требованиям. Но коллектив от ее внешнего вида онемел. Был на ней и халат, и головной убор, и тапки. Но головной убор был тряпкой для протирки столов. Тапки были галошами, надетыми на босу ногу. А вот халат был хорошим, капроновым, белым, прозрачным, и сквозь него просвечивали добротные черные трусы с красными маками. Бюстгальтер был фиолетовым.

Заведующая захихикала, но ничего не сказала. Настроение у нее было хорошее, и хотелось повеселиться.

Новенькую сразу прозвали "Тютюхой". Первое время, Тютюха бралась за любую работу. Бегала по кухне как заводная, каждому назойливо предлагая свою помощь. Но очень скоро не только нам, но и ей это надоело. Все чаще Тютюха стала где-то пропадать. То в подвал уйдет на неопределенное время, то мусор на помойку потащит и исчезнет.

Заведующая терялась в догадках, пока не проследила и не увидела, что Тютюху за помойкой ждали два бомжеватых типа с бутылкой в руках. Осушив ее прямо из горлышка, Тютюха крикнула, подхватила помойные ведра и бодро пошла обратно в столовку.

Скандал разгорелся грандиозный. Тютюха клялась мамой, что это первый и последний раз в ее жизни. И сама этих гопников знать не знает и никогда не видела. И, вообще, не поняла, почему они именно ей бутылку протянули. А выпила машинально, как-то неудобно было отказаться. А свою преданность общему делу готова доказать ударным трудом. И опять поклялась мамой.

Несколько дней Тютюха бегала по столовой, чуть ли не выхватывая чужую работу, снова назойливо предлагая свою помощь.

Чувствуя коллективное возмущение новой работницей, но желая всех позлить, заведующая вдруг стала с ней ласковой, начала хвалить и приговаривать:

- Вот, всех уволю, а Тютюху оставляю! Одна за всех работать будет!

Тютюха представила такую перспективу и быстро охладела к доблестному труду. Начала опаздывать, а потом и вовсе по несколько дней могла не появляться на работе. Но уволили ее лишь после того, как

Татьяна Пилипенко «Курочки-несушки»

у заведующей пропал телефон. Попросив одну из "Марусек" набрать ее номер, звонок раздался в кармане у Тютюхи.

Тютюха сказала: "Ой!" - и была тут же уволена.

Но никто не ожидал, что следом за ней уволят и саму заведующую. И поставят другую: спокойную и справедливую, рассудительную и правильную.

Вот только не сработались "Маруськи" с новым человеком, все свою вспоминали - невыносимую, которая покоя не давала, прозвища придумывала обидные, гоняла всех, чудились ей на руку нечистые, да поймать не могла. А была-то она понятная, родная и привычная, которая и пожалеет и поможет последним.

Затосковали по ней дружно и уволились постепенно все "Курочки-несушки". Вот такая душа русская... Разве ее поймешь?

Тельминова Дарья***Одиночество***

Когда человек уходит — становится больно. Когда твой любимый человек уходит — больно вдвойне. Когда твой любимый человек уходит после того, как причинил боль — она исчезает насовсем. Вы знаете, что такое пустота? Именно она приходит, когда ты остаешься один. С невзрачной комнаткой, некогда являющейся домиком для светлого желтенького счастья, с холодным ветром, что так невзначай заглядывает к тебе из форточки, развивая шторы, с каплями дождя, разбивающимися о подоконник и плодящимися на нем, с плотно сжимающим грудь ничем, что порождает твое сердце, брошенное где-то у порога, словно поломанная и ненужная вещь — со всем этим ты неизбежно бесконечно один.

Белая простынь мнется подо мной, ее обдает ночное свечение, отчего каждая складка приобретает серо-фиолетовый оттенок и напоминает жуткие вены, расползающиеся по всей поверхности. Когда я начинаю в них всматриваться, у меня возникает ощущение, будто эти точно живые нити обхватят мое горло, и я больше никогда не осознаю то, что мое одиночество оставляет дверь для тебя всегда открытой. Никогда не вдохну воздух, отчаянно придуманный, но наполненный запахом твоего одеколона. Никогда не вспомню. Никогда не заплачу. Никогда не...

Я плачу, слезы стекают по вискам, укатываясь в ушные раковины и частично убегая куда-то на шею. Я вспоминаю твой властный силуэт, твою широкую спину и немного взлохмаченные волосы на затылке, ведь это последнее, что я видел, когда дверь закрывалась. Я вдыхаю твой запах, которого нет, но который я могу легко воспроизвести в своем сознании. Я осознаю, что с каждым днем мое одиночество все с большей силой жаждет увидеть тебя, чтобы закрыть наконец дверь за собой, а не смотреть в конец длинного белого коридора, который оно увидело, открыв дверь, так яростно захлопнувшуюся перед его носом.

Когда мы еще были вместе, в моем сознании даже мельком не пробегали мысли о том, что наша жизнь так изменится. А помнишь, ты говорил, что мы обязательно поженимся? Наплюем на законы и общественное мнение. Но ты наплевал на меня и на мои чувства. Мне так хочется узнать, о чем ты думал в тот момент. В момент, когда ты передавливал все связывающие нас с тобой нити дверью.

Я думал, что одиночество, о котором все говорят, не является настолько...ощутимым. Оно словно стоит рядом, смотрит на тебя, будто призрак из плохого сна, и все чего-то от тебя ожидает. В этот момент ты блуждаешь в буреломе из дуэта тишины, что лезет в уши и раздрает изнутри диким ором, и пустоты, что давит на тебя, сжимает в тиски, не давая возможности дышать. Ты то ли вышел в космос, отстранившись в черную утягивающую бесконечность, где потерялся среди мириад различных небесных тел, то ли остался более приземленным, лежащем на поверхности воды, с заложенными ушами и шумом в них, таким приглушенным, далеким, ведь близко к тебе никого нет, рядом с тобой быть никого не может. Ты не тонешь лишь потому, что на глубине ты обретишь покой, а ты его не достоин, если эту пресную голубую воду ты разбавляешь соленными черными слезами своего бесконечного одиночества.

Интересно, а в какой период существования человечества люди превратили одиночество во что-то чуждое нам? Когда эта маленькая грусть превратилась в горе? А когда она стала грустью? Наверное, ответы на эти вопросы нам никто не даст, ведь кому нужно разрешение проблем, если благодаря им мы можем получить жалость, которой так не хватает многим людям. На самом деле, ответ есть в нас самих, за ним нужно далеко идти, сбивать ноги в кровь, мучаться, но идти, ведь эти, казалось, нестерпимые испытания, приведут нас к тому, что мы сможем стать свободными от всего, что называется душевными терзаниями.

Я думаю, что человек изначально одинок, он создан в этой пустоте, он создан для нее, потому что если кто-то поселится в душе человека — она опустошится.

— Ну конечно, — усмехнулся я, — Я все понял.

Когда человек может следить за ходом не контролирующихся мыслей, он способен вылавливать нужные слова, словно бабочек сочком, складывать их воедино и получать разрешение всех своих проблем путем простого осознания столь легких жизненных тонкостей.

Я встал с холодной, но теперь не кажущейся такой пустой кровати, подходя к окну и вглядываясь в поднимающееся на горизонте солнце, слыша, как о подоконник разбиваются слезы. Я слабо улыбнулся, неуверенно кладя ладонь на тонкое стекло и прикрывая веки.

Испытываешь ли ты чувство вины, может, ты скучаешь по мне, чувствуешь ли вообще что-то? Знаешь, я — нет, и мне безумно хорошо от этого. Благодарить ли мне тебя или ненавидеть, но теперь в этой маленькой комнате, лишившейся желтенького счастья, за несколько дней образовалось новое, кристально чистое, прозрачное. Надеюсь, что когда-нибудь ты пройдешь через ту же боль и опустошенность, ощутишь на себе этот убивающий взгляд и почувствуешь холодное прикосновение. Я

Тельминова Дарья «Одиночество»

желаю этого не со зла, нет, я лишь хочу, чтобы ты тоже осознал всю важность душевного одиночества, чтобы ты зарыл все мирские проблемы в землю, а сам взлетел, как я сейчас.

Я ощутил на себе легкое дуновение ветра, резко оборачиваясь и удивленно смотря в коридор на чуть виднеющуюся входную дверь. Оно ушло. Ему надоело мучиться. Оно осознало, что не должно сидеть рядом, нагнетать, оно просто есть в каждом из нас, должно, по крайней мере, потому отдельным ощущающимся существом оно быть не может.

Отпустить человека легко, забыть его еще легче, нужно лишь понять, что мы рождены для гармонии с самим собой, а значит кто-то другой нам не нужен. Вы только с собой познакомьтесь, узнайте себя, начните себя уважать, а после влюбитесь в того, кто с вами всегда, кого вы знаете лучше, чем кого бы то ни было, в того, в ком вы уверены — в себя. Я сейчас не об эгоизме и исключительном самолюбии, нет. Искренняя влюбленность, чистая, та, которую вы не ощутите больше ни к кому лишь потому, что эти чувства принадлежат лишь вашей душе, что в дальнейшем сама будет распоряжаться этой любовью. Когда ты понимаешь, что для самоутверждения тебе не нужен никто, что для общения тебе не нужен никто, что для счастья тебе не нужен никто, кроме тебя, в уходе любого человека не найдется и толики расстроенных и неприятных чувств. Когда способен отпустить, дышать становится легче.

Одиночество — наше счастье. Боль — наш помощник, дающий это понять. Цените одиночество. Боготворите боль. Благодарите тех, кто оставил вас и дал в дар опустошенность, ведь они стали ключами вашей свободы.

Bhola from Goa

Красотатерапия

Мы живем в прекрасном мире!

Мы живем в мире полном гармонии, невообразимой Красоты и Света!

Красота именно вашей души способна наполнить смыслом весь окружающий мир!

И не бывает не красивых душ.

Бывает сон, который наполняет нашу жизнь страданиями. Бывает ум, который уводит нас от познания своей божественной сути! И бывает закрытое сердце, которое не дает принимать и благодарить! Что мы готовы предложить этому прекрасному миру? Мы можем поделиться с миром только тем чем наполнены сами! В телах материального мира у нас есть только один ресурс – время! Свое время в обмен на бумажки или время на то, чтобы узнать правду о себе! Узнать, что у нас внутри и разделить это с миром! И чем больше мы отдаем, тем больше получаем!

Самое большое богатство этого мира – люди!

Для нас создан этот мир! Чтобы мы играли и были счастливы как дети! Красотатерапия – это то, чем я хочу поделиться с этим миром! Когда мы впервые пробуждаемся и впервые вылазим из раковины своих снов и иллюзий, то нам может быть страшно и одиноко. Нам нужно понимание, что мир не враждебен к нам и больше не нужно закрываться и прятаться. Нам нужна вера и нам нужны друзья! Нам нужны соратники, нам нужны союзники! Нам нужна семья! Мы маленькие искорки божественного сознания и наш свет внутри еще не стал мощным, сильным пламенем. Нам нужен маяк, как кораблям, которые не знают куда плыть и блуждают во тьме. Нам нужна забота как слепым котят. Нам нужна любовь и поддержка! Легко сбиться с курса, не имея представления о том куда плыть и вашей свободой могут легко воспользоваться те, кто сами находятся во власти невежества и порока. Проще снова заснуть и перестать дергаться во сне, чем упорно и настойчиво пробиваться сквозь тьму. Нужно, чтобы кто-то взял нас за руку и все объяснил. И сказал, что мы больше не одни. У нас еще закрыты глаза и мы не видим того огромного источника света, который дарит тепло и заботу, которым наполнены каждый миг Бытия для каждого из нас, но мы уже готовы осознать, что все мы - один единый живой организм и готовы относиться к ближнему как к себе самому! Мы все заслуживаем счастья и

нет нужды причинять себе и окружающим страдания и боль. Мы должны искать друг друга и находить.

Красотой можно лечить пороки человеческой души!

Красотой, любовью и терпением!

Красота в каждом из нас пускай становится мотивацией к нашим лучшим поступкам и осознанным действиям!

К действиям, чтобы проснуться и познать себя! Проснуться и понять, что нам дали целый мир, потому что любят и берегут! Чтобы мы обретали свое духовное богатство и силу отдавать его всем нуждающимся! Чтобы мы приносили пользу себе и миру!

Если вы хотите помочь этому миру начав с себя, если вам есть чем поделиться, если вы хотите проснуться и узнать правду о себе и о том, как все устроено, то добро пожаловать, друзья, в проект Красотатерапия! Нам нужны все Вы! Каждый из Вас!

Мы будем встречаться, мы будем объединяться. Мы будем созидать! Ведь мы –великая раса созидателей! Мы ничего о себе не знаем! Мы не знаем какая сила заключена в нашем божественном сознании! У нас украли наши корни, и мы утратили связь с Родом! Мы потеряли доверие к Богу! Но нельзя потерять то, что истинно! Наш ум из инструмента познания сделал из нас рабов желаний и инстинктов животного ЭГО. Эта ложь как одежда, которую мы носим. Эта одежда может быть чистой или грязной, с дырами и заплатами, с белыми крыльями или погонами. Эта одежда лишь прикрытие. Это ложь, которая делает нас разными.

Мы будем встречаться, чтобы обмениваться опытом. Будем узнавать наши возможности и приумножать наши силы! Мы будем ходить в горы и переплывать реки. Будем познавать себя, будем заниматься йогой и медитацией! Будем строить свои экопоселения в самых красивых местах России! Будем проявлять заботу о себе и о тех, кто рядом! Будем заниматься духовными практиками и путешествовать! Будем заниматься творчеством и гармонично развиваться во всех направлениях! Будем изучать свою настоящую историю, и заниматься с детьми!

Ночь Сварога кончилась! Выходите на свет!

Нам нужны ремесленники, мастера, спортсмены, люди творчества, странники и искатели! Нам нужны все, кому не все равно на самих себя! Мы сажаем семена добра познания, чтобы обрести плоды мудрости! Выходите на Свет!

Lelia Fishe

Как прекрасен этот мир

Всё что существует в мире – благодаря человеку, благодаря его мечтам и возможностям. Окружающий мир – это наше отражение. Он подобно зеркалу отражает все наши эмоции и чувства, и мы видим в нём то, что сами носим внутри. Радоваться дождю, или злиться на лужи, которые он оставляет - выбор каждого.

На сегодняшний день, люди не ценят добро, не помогут переходящей через дорогу бабушке, а взамен требуют хорошего отношения и помощи. Каждый человек хотя бы раз задавал вопрос: «За что мне это? Что я сделал не так?», но, ни один, ни разу не задумался о том, сколько зла он причинил другому человеку, сколько скверных слов в его сторону было сказано. Каждое сказанное слово возвратится массой осуждающих слов; каждый наш поступок будет иметь огромный отпечаток на нашей жизни. Прежде чем подумать – подумайте! Нужно уметь промолчать, вместо того, чтобы осудить; простите своего обидчика, и поверьте: его отношение к Вам сразу изменится. Ведь жить прекраснее, когда ничего не беспокоит и когда не нужно жаловаться на то, что кто-то Вас обидел.

В мире столько прекрасных мест.... И для каждого – это то место, где он чувствует себя счастливым человеком. То место, где можно забыть о всех заботах и городской суете. Это место может находиться как на море, в горах, так и на лужайке ниже бабушкиного дома. И совсем не имеет значения, будете Вы там с семьёй, друзьями или наедине с собой. Главное испытывать при этом чувство комфорта и уюта.

Мы живём! А это, пожалуй, самое прекрасное, что есть в этом мире. Когда мы можем дышать полной грудью, наслаждаться пением птиц, слушать музыку и открывать что-то новое. Каждый живущий на планете человек, хочет быть нужным обществу. Но иногда страх, либо лень одолевают его, и так ничего не предпринимая, проходит наша жизнь. Помогайте своим близким, друзьям, подсказывайте и направляйте их на тот путь, стать на который они не могут решиться. Призвание, оно ведь у каждого своё и при его поиске, главное - не потерять себя! Не отчаивайтесь, если Вы свернули не на тот путь, возможно, это некий лабиринт, пройдя который, Вы выйдете к нужному месту. В нашей жизни, порой, не хватает камня, который бы указывал на выбор пути и какие препятствия нас на нём ожидают.

Мир подстраивается под человека, сливаясь с ним в одно целое, он будто кофе растворяется в кипятке. Мир не может существовать без человека, также как и человек без мира. Мы дополняем друг друга. И всё что человек должен делать — защищать и оберегать то, что ему не принадлежит, а это всё то, что не сделано его руками. Храня мир в своей душе, мы сможем сохранить весь мир, и он отблагодарит нас ясным небом!

Контактная информация авторов

Александр Лихолетов	<i>likholetovalex@gmail.com</i>
Тверитинов Алексей	<i>atveritinow@mail.ru</i>
Трушкова Анна	<i>truann13406@mail.ru</i>
Сквирская Светлана "Светлана Хрони"	<i>sveta.skvirskaya@mail.ru</i>
Татьяна Пилипенко	<i>Pilipenko.polya2017@yandex.ru</i>
Ломовцев Павел (Волхов)	<i>volhov-p@yandex.ru</i>
Щербakov Александр "Александр Щербakov-Ижевский"	<i>incorus@yandex.ru</i>
Назарова Светлана	<i>svetlanapoem@mail.ru</i>
Мария Владимировна "DZUDZO"	<i>mashka.17v@yandex.ru</i>
Брицова Екатерина "Аполлонова"	<i>kitibrits@gmail.com</i>
Плотников Игорь	<i>plotnikov-iy@ya.ru</i>
Попова Галина "Галина Вольская"	<i>galpp49@gmail.com</i>
Горбунов Павел	<i>gorbun_off@rambler.ru</i>
Тельминова Дарья	<i>telminowa.darya@yandex.ru</i>
Лебедев Валерий	<i>kalimur2@mail.ru</i>
Спирьянов Олег	<i>volga4691321@yandex.ru</i>
Дементьев Эдуард "Bhola from Goa"	<i>nrkaweb@gmail.com</i>
Маликова Эльвира	<i>maela@mail.ru</i>
Севастьянова Анастасия "_Anastasia_Stark_"	<i>sev.nast.007@gmail.com</i>
Элла Рыбошлыкова "Lelia Fishe"	<i>elechkaryboshlykova@outlook.com</i>

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 12

Все права на произведения принадлежат
исключительно их авторам

Составитель-редактор:
Независимое Издательство «Первая Книга»
www.перваякнига.рф